

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
КОМИССИЯ ПО ИСТОРИИ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК

Михаил Антонович АЛПАТОВ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИДЕИ ФРАНЦУЗСКОЙ БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ XIX ВЕКА

МОСКВА-ЛЕНИНГРАД: ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР. 1949

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР - академик Е.А.КОСМИНСКИЙ

Веб-публикация: библиотека [Vive Liberta](#) и [Век Просвещения](#), 2009. Дореформенная орфография оригинала сохранена, размещение ссылок изменено. Для публикации нами выбраны главы, имеющие отношение в первую очередь к историкам Великой французской революции: О.Тьерри, Ф.Гизо, А.Токвилью, Ж.Мишле, И.Тэну.

ВВЕДЕНИЕ

В развернувшейся ныне острейшей борьбе между идеологией социализма и реакционной идеологией капиталистического мира советская историческая наука ставит перед собой задачу — разоблачить сущность буржуазной историографии как прямого орудия в политической борьбе буржуазии, показать реакционную роль буржуазной исторической науки.

Важнейшее значение при решении этой задачи имеет выяснение политических идей буржуазии, отраженных в исторической науке. История буржуазных политических идей, как и история самой буржуазии, является обвинительным актом против современной буржуазной реакции, ярким свидетельством того, чем буржуазия была в прошлом и чем она стала теперь. Буржуазия прошла большой и сложный путь, начиная с того времени, когда она была классом восходящим, утверждавшим в вооруженной борьбе с феодализмом новый общественный строй — капитализм, — до нашего времени, когда она в ожесточенной борьбе с социализмом пытается увековечить буржуазный порядок и остановить дальнейшее прогрессивное движение истории.

В соответствии с этим буржуазная идеология и буржуазная историческая наука, как ее неотъемлемая часть, из силы прогрессивной, служившей острым оружием в борьбе с феодальным миром, превратилась в силу реакционную, охраняющую сложившийся буржуазный строй и борющуюся против его революционного изменения.

Задача создать марксистскую историю буржуазной историографии во всем ее объеме может быть решена лишь усилиями целого коллектива советских историков.

Автор настоящей книги ограничил цель своего исследования сравнительно узкой задачей — показать путь буржуазной историографии в рамках одной страны, в пределах определенного отрезка времени и на примере решения одной исторической проблемы.

Такой страной избрана Франция, ибо это — страна многочисленных буржуазных революций, страна, где классовая борьба и, в частности, борьба идеологий протекала в наиболее четких формах. Франция дает нам один из наиболее ярких примеров того, как историческая наука служит делу буржуазии. Хронологическими рамками настоящей книги является в основном XIX век. Этот период представляет интерес потому, что именно в это время совершается поворот буржуазной историографии от прогресса к реакции. Этот поворот происходил в тесной связи с развитием классовой борьбы во Франции, а крупнейшими вехами на этом пути были революция 1848 г. и Парижская Коммуна. Наконец, автор ограничился исследованием политической судьбы лишь одной исторической проблемы, а именно проблемы германизма и романизма — борьбы германского и романского начал во французской историографии. История германо-романского вопроса является яркой иллюстрацией политической роли буржуазной исторической науки: в свое время этот вопрос служил одним из средств в идейной борьбе буржуазии с дворянством; с выступлением же на историческую сцену пролетариата этот вопрос из орудия буржуазной революции превратился в орудие буржуазной идейно-политической реакции.

Исследование политической истории германо-романской проблемы в XIX веке вовсе не означало, что автор должен был ограничиться исключительно исследуемым периодом. Наоборот, чтобы правильно понять место германо-романских идей в этот период, автор должен был проследить, хотя бы в общей форме, истоки этих идей в историографии XVIII в., а также ту политическую судьбу, которую они претерпели в XX в., вплоть до наших дней.

В целом это дало возможность обозреть весь политический путь германо-романской проблемы во французской буржуазной историографии, с тех пор, как эта проблема родилась как проблема буржуазная.

Выводы, к которым пришел автор, в основных чертах сводятся к следующему. Германо-романский вопрос во французской историографии родился как составная часть идеологической подготовки французской буржуазной революции конца XVIII в. Вместе с идеями Просвещения этот вопрос играл значительную роль в борьбе буржуазии против исторических притязаний дворянства на господство во Франции, в ее борьбе за свержение дворянской монархии Бурбонов. Буржуазия использовала этот вопрос как в самой исторической науке (Фрерэ, Дюбо и др.), так и в политической публицистике (аббат Сийес). В годы революции этот вопрос не потерял значения, — он служил для буржуазии одним из средств идеологической защиты завоеванной власти против угрозы дворянской реставрации.

Но особое значение германо-романский вопрос приобрел в годы реставрации Бурбонов (1815—1830), когда перед буржуа вновь встала задача завоевания власти. Именно в эти выступили на сцену такие корифеи французской исторической науки, как О.Тьерри и Гизо. Эти исследователи вместе Другими представителями знаменитой плеяды историков периода реставрации представляют вершину исторической мысли буржуазии, вершину, выше которой буржуазная наука уже не поднималась. Они впервые в истории науки открыли борьбу Классов, на что указывает К.Маркс в своем известном письме и Вендемейеру.¹

Однако это наивысшее достижение буржуазной исторической мысли было лишь робким шагом в разрешении проблемы борьбы классов и с самого начала носило на себе печать буржуазной ограниченности. Преследуя свои классовые задачи и находясь в плену идеалистических представлений, историки периода реставрации были неспособны вскрыть причины происхождения собственности; им была недоступна самая мысль об отношениях классов, как отношениях между эксплуатируемыми и эксплуататорами. Они неспособны были признать решающее значение борьбы эксплуатируемых масс, обнажить классовую природу государства и т.д. Единственной их заслугой было указание на имущественные отношения, как основу классовых различий, и представление об истории Франции, как истории борьбы дворянства и третьего сословия. Однако и эти научные представления выступали у О.Тьерри и Гизо в расовой форме; для них классовая борьба была в значительной мере борьбой германского и романского начал в истории Франции; иначе говоря, германо-романский вопрос был своеобразной формой их буржуазной теории классовой борьбы. Наконец, создав свою теорию борьбы классов, О.Тьерри и Гизо затем отреклись от нее.

Первым событием, которое вело к этому отречению, была революция 1830 г., поставившая буржуазные верхи у власти. Теперь буржуазия и дворянство переставали быть друг для друга главными врагами; они становились врагами вчерашними, ибо перед ними обоими вырос общий сегодняшней враг — пролетариат; буржуазия искала в лице дворянства своего естественного союзника. С этих пор теория классовой борьбы теряла для буржуазии политический смысл по той причине, что по своему происхождению и задачам это была теория антидворянская. Вместе с теорией классовой борьбы сошел со сцены и германо-романский вопрос как форма этой антидворянской теории. С этого момента не классовая борьба, а проповедь классового мира стала составлять одну из главных задач буржуазной исторической науки.

Революция 1848 г. — первое выступление рабочего класса в борьбе за власть — явилась не только первым политическим кризисом буржуазного порядка во Франции, — она породила и первый кризис буржуазной историографии. Основными устоями исторических концепций О.Тьерри и Гизо к этому времени были защита буржуазной монархии и идея классового мира. Февральская революция смела буржуазную монархию, а июньские дни были актом непримиримой гражданской войны внутри третьего сословия, всеобщим представителем которого буржуазия считала себя. Это значило, что революция 1848 г. сломала исторические концепции буржуазных историков периода реставрации, больше того, она заставила О.Тьерри покинуть науку, а Гизо — политику.

С этих пор Гизо-историк не уставал бороться против теории классовой борьбы, которую он раньше исповедовал, и клеветать на всякую революцию, в том числе и революцию 1789—1794гг., традиции которой он в свое время использовал для борьбы против дворянства. Не подлежит сомнению, что французская буржуазия, которая любит афишировать свои революционные традиции, на деле решительно порвала с этими традициями уже после революции 1848 г., т.е. сто лет назад. Это, далее, значит, что буржуазная историческая наука уже тогда вступила в непримиримый конфликт с исторической действительностью, буржуазия уже тогда пыталась остановить историю; прогрессивность буржуазной науки уже тогда была исчерпана вместе с исторической прогрессивностью самой буржуазии.

Вполне закономерен тот факт, что революция 1848 г., приведшая к кризису буржуазной идеологии, вместе с тем явилась важнейшей вехой в истории развития пролетарской идеологии — марксизма. Именно в это время вышел в свет «Манифест Коммунистической партии», в котором К.Маркс и Ф.Энгельс сформулировали основы марксистской теории классовой борьбы, а первые крупные исторические работы К.Маркса «Классовая борьба во Франции» и «18 брюмера Луи Бонапарта» не случайно были посвящены именно революции 1848 г. Уже с самого момента рождения марксистская наука неопровержимо доказала свое превосходство над наукой буржуазной.

Так закончил свое существование во французской историографии германо-романский вопрос как антидворянская проблема, вместе со своим содержанием — буржуазной теорией классовой борьбы. Однако проблеме германизма и романизма суждено было возродиться во второй половине XIX в., но уже в другом политическом качестве. Теперь основной, определяющей линией классовой борьбы была борьба между буржуазией и пролетариатом. Крупнейшим событием этого периода не только во Франции, но и во всем мире была Парижская Коммуна, явившаяся первой попыткой пролетариата установить во Франции свою диктатуру вместо диктатуры буржуазной. Это был новый и еще более острый политический кризис — Коммуна знаменовала собой начало общего упадка капитализма. Это был вместе с тем и новый кризис буржуазной идеологии: основным его выражением явилась победа марксизма. Если в середине XIX в. марксизм был одним из течений в рабочем классе, то во второй половине века марксизм стал господствующей идеологией пролетариата. Все это явилось новым толчком к усилению реакции в буржуазной идеологии, и, в частности, в

¹ См. К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т. XXV, стр. 145—146.

буржуазной исторической науке. Естественно, что как политическая, так и идеологическая реакция была направлена теперь против рабочего класса, против марксизма. В этих условиях германо-романский вопрос был вновь поставлен буржуазией в порядок дня: его выдвинул один из крупнейших французских буржуазных историков этого периода, Фюстель де Куланж.

Научная деятельность Фюстель де Куланжа (1830—1889) составила крупный этап в истории буржуазной науки о средних веках, как и в истории древнего мира. Историческая теория и методы научного исследования Фюстель де Куланжа оказали огромное влияние на всю последующую буржуазную историческую науку как во Франции, так и за ее пределами. Привлеченные им исторические документы прочно вошли в научный оборот. Умами многих историков с тех пор владеет убеждение, что без трудов Фюстель де Куланжа нельзя изучать позднюю Римскую империю и историю средних веков.

Деятельность Фюстель де Куланжа может быть правильно оценена лишь в том случае, если ее рассматривать как определенный этап в развитии буржуазной исторической мысли, как этап в разработке определенной исторической проблемы в связи с политической обстановкой того времени. Такой проблемой, занимавшей во французской историографии XIX в. большое место, в разработке которой Фюстель де Куланж сыграл крупную роль, и был, как сказано, германо-романский вопрос. Роль Фюстель де Куланжа в истории этого вопроса во Франции определяется прежде всего тем, что он превратил этот вопрос из проблемы антидворянской, какой она была в годы реставрации, в проблему антипролетарскую. Он создал романистическую концепцию истории, призванную доказать, что исторический процесс не знает скачков и революций, что в истории господствует классовый мир как естественное состояние общества. Основой этого классового мира, по мнению Фюстель де Куланжа, является безраздельная власть господствующего класса над народом, сам же народ в политическом отношении — это покорная и бесправная масса, которая никогда не поднималась на борьбу за свои политические интересы; эта борьба, согласно Фюстель де Куланжу, была бы безнадежна, ибо от любых социальных потрясений терял прежде всего сам народ; эта борьба была бы и бесполезна, так как «невежественная масса», по словам Фюстель де Куланжа, не знала бы, что ей делать с политическими свободами.

Этой политической бесперспективности для народа, доказывает Фюстель де Куланж, соответствовали и социальные отношения, сложившиеся в истории. Основой этих отношений являлось извечное господство крупной собственности; что же касается народа, то он всегда был лишен собственности и имел возможность существовать лишь благодаря наличию крупной собственности господствующего класса. Иных отношений, кроме отношений эксплуататора и эксплуатируемого история якобы никогда не знала, и в этой связи Фюстель де Куланж выдвигает свой знаменитый тезис отрицания как первобытно-общинного строя на заре истории, так и крестьянской общины в средние века. Обратной стороной этого тезиса была известная «вотчинная» теория, которую Фюстель де Куланж противопоставил общинной теории. Утверждая господство крупной собственности, решительно изгоняя общину из истории и настаивая на политической бесправии народа, Фюстель де Куланж все политическое острие своей концепции обращал против рабочего класса, против социализма. Вся его историческая теория была создана под влиянием страха перед Парижской Коммуной.

Место Фюстель де Куланжа в истории германо-романского вопроса определялось, далее, еще одним существенным обстоятельством. До него германо-романский вопрос во Франции являлся прежде всего вопросом внутривнутриполитическим; борьба германского и романского начал для французской историографии по своему политическому содержанию была борьбой дворянства и третьего сословия в истории самой Франции. Этим французская наука резко отличалась от науки немецкой, где борьба германского и романского начал в истории почти всегда изображалась как борьба внешнеполитическая, как борьба германской расы за господство над другими народами. Фюстель де Куланж был первым из крупных французских историков, который поставил германо-романский вопрос в значительной степени «по-немецки»: решительно отрицая расовую основу борьбы германского и романского начал в истории, он в то же время превратил эту борьбу в единоборство внешних сил, где романские традиции одерживают бесспорную победу над традициями германскими.

Столь решительный романизм исторической концепции Фюстель де Куланжа был навеян реваншистскими настроениями в результате поражения Франции во франко-прусской войне 1870—1871 гг.

Однако и эта внешнеполитическая сторона германо-романского вопроса служила у Фюстель де Куланжа прежде всего внутривнутриполитическим целям французской буржуазии. Дело в том, что признание роли германских элементов в истории означало бы признание варварского завоевания, признание социальных потрясений и революций в историческом прошлом; отрицание роли германских начал и утверждение господствующего значения римских традиций в истории Франции являлось для Фюстель де Куланжа необходимым средством для «обоснования» классового мира и невозможности революции в истории. Кроме того, борьба с германизмом помогала ему бороться с революцией и в другом отношении: утверждая классовый мир между французами и обращая свою концепцию против Германии, Фюстель де Куланж стремился войну внешнею поставить на место войны гражданской и тем самым подчинить пролетариат внешнеполитическим задачам буржуазии. Иначе говоря, антинемецкая направленность исторической концепции Фюстель де Куланжа являлась стороной, подчиненной основному смыслу его концепции — борьбе с пролетариатом собственной страны. Это находит свое подтверждение и в политической позиции самого Фюстель де Куланжа. Создавший себе славу «патриота» антинемецкими статьями во время франко-прусской войны, Фюстель де Куланж обрывает свою «патриотическую» деятельность, как только разразилась Парижская Коммуна. Союз правительства «Национальной измены» с немцами для подавления Коммуны был для него вполне оправдан и необходим. Фюстель де Куланж вспомнил о своем «патриотизме» лишь после того, как улегся страх перед Парижской Коммуной.

Это значит, что надо решительно покончить с легендой о Фюстель де Куланже как патриоте, которую создала французская буржуазная историография. Не патриотом был Фюстель де Куланж, — он был типичным представителем той французской буржуазной реакции, которая с давних пор известна своим ан-

типатриотизмом и которая во все времена, когда буржуазии грозила опасность со стороны пролетарской революции, предавала интересы своего народа иноземному врагу.

Историческая концепция Фюстель де Куланжа была дальнейшим шагом в разрыве буржуазной исторической науки с исторической действительностью, она была прямым извращением истории. Она позволяет судить о тех идейных переменах, которые произошли в буржуазной исторической науке со времени революции 1848 г. У Гизо в свое время хватало мужества говорить правду об истории Франции и о современных ему событиях. Под свежим впечатлением революции 1848 г., разрушившей все его политические идеалы и его историческую концепцию, он писал: «Борьба различных классов нашего общества заполняет нашу историю. Революция 1789 года была всеобщим и наиболее мощным взрывом этой борьбы. Борьба дворянства и третьего сословия, аристократии и демократии, буржуазии и рабочих, собственников и пролетариев была различными формами и различными этапами той социальной борьбы, которая терзает нас столь продолжительное время».² Значение революции 1848 г. как нового этапа классовой борьбы Гизо видел в том, что «теперь выступил на сцену третий борец. Демократический элемент разделился; против среднего класса выступил рабочий класс, против буржуазии — народ. И эта новая война есть такая же смертельная война, ибо новый претендент есть столь же надменный и столь же нетерпимый, какими были и другие. Только народ, по мнению этого претендента, имеет право на власть, и никакому сопернику, старому или новому, дворянину или буржуа, он не позволит делить с собою эту власть».³

Когда Гизо говорил это, он был против этой правды, он требовал изгнания классовой борьбы из истории и из современной ему Франции, ибо политические взгляды и историческая теория Гизо пришли в противоречие с классовой борьбой, как и со всей исторической действительностью. Классовый мир, который провозгласил тогда Гизо, был выражением не чего иного, как буржуазного лицемерия, ибо эта проповедь классового мира служила лишь прикрытием расправы буржуазии с революцией рабочего класса. Но в то же время Гизо не только сохранял способность видеть историческую правду, но и прямо указывал на нее.

У Фюстеля де Куланжа лицемерие политическое нашло свое прямое продолжение в лицемерии научном. Извращая историю и не останавливаясь для этого перед прямой фальсификацией и произвольным толкованием источников, он не устал настойчиво доказывать, что его концепция есть «объективная», «чистая» наука, свободная от всяких политических влияний и любых предвзятых мнений. Политические взгляды Фюстель де Куланжа и его романистическая теория исторического прошлого Франции являются ярким доказательством того, насколько далеко зашла буржуазия уже во второй половине XIX в. в своей реакционности и в фальсификации истории.

Такова служебная политическая роль германо-романского вопроса во французской буржуазной историографии XVIII и XIX вв. При этом заслуживают внимания те исторические параллели с другими странами, к которым прибегают французские историки в обоснование своих положений. Этими историческими параллелями для них всегда служили политические традиции Англии и Соединенных Штатов Америки. В период идеологической подготовки французской буржуазной революции конца XVIII в. буржуазные идеологи обращались к примеру Англии для обоснования борьбы с феодальным абсолютизмом. Англия, проделавшая свою буржуазную революцию, представляла тогда известный прогресс по сравнению с феодальной монархией Бурбонов. В период реставрации О.Тьерри и Гизо по этой же причине вновь обращаются к политическому идеалу Англии: наряду с историей Франции О.Тьерри внимательно изучает английское средневековье, а Гизо — историю английской буржуазной революции, черпая политический опыт для борьбы за власть буржуазии во Франции, обращая при этом главное внимание на консервативные стороны английской революции, на ее опыт в подавлении народных масс.

Вполне закономерно и то обстоятельство, что с тех пор, как французская буржуазия пришла к власти и стала отстаивать ее в борьбе против народа, буржуазные идеологи продолжают апеллировать к Англии и Соединенным Штатам Америки: для них эти страны теперь служили оплотом консерватизма и буржуазной реакции, необходимым для борьбы с революцией рабочего класса во Франции. После революции 1848 г. Гизо вновь обращается к истории английской буржуазной революции и видит ее значение лишь в ее консерватизме, на что указывал К.Маркс в своей рецензии на работу Гизо «Почему удалась английская революция?»⁴ Обращаясь также к американской войне за независимость, Гизо с удовлетворением писал, что там «не было революции в общественном порядке, не было ее и в умах. Без сомнения, философские идеи XVIII в. со своим нравственным скептицизмом, со своим религиозным неверием проникли и в Американские Соединенные Штаты, но они не овладели совершенно теми умами, к которым прикоснулись; масса американского населения осталась глубоко христианской..., послушной богу и евангелию».⁵

Еще более настойчиво апеллировал к реакционным чертам английского и американского общественного строя Фюстель де Куланж. Озабоченный под впечатлением Парижской Коммуны поисками политических средств для отстранения рабочего класса от всякого влияния на политическую жизнь Франции, он призывал усвоить пример Англии. Политическая мудрость англичан состояла, по мнению Фюстель де Куланжа, в том, что они избрали принцип неоплачиваемости чиновников и благодаря этому закрыли рабочим доступ к государственным должностям.⁶ Этот принцип важен потому, что работников государственного аппарата «необходимо выбирать из тех жителей графства, у кого материальное состояние обеспечивает досуг и независимость, эти люди должны принадлежать к «наиболее богатым людям или людям видным, наиболее уважаемым в графстве».

Англичане, далее, сумели закрыть доступ рабочим и в муниципальные учреждения. «На первый взгляд кажется, что там царит демократия со своими волнениями и со своим невежеством.

² Guizot. De la democratie en France, Paris, 1849, стр.35. Там же, стр.36.

³ Там же, стр.36.

⁴ См. К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.VIII, стр.277.

⁵ Гизо. История английской революции, 1868, т.I, стр.LXXXV.

⁶ «Revue des deux mondes», 1/VII-1871, стр.236.

Это не так. Против демократической опасности Англия имеет защиту: это — налог в пользу бедных. Этот институт полезен не только потому, что он позволяет хоть немного удовлетворить и усыпить аппетиты бедных, но это чудесный предлог для того, чтобы устранить от руководства коммунальными интересами тех, кто мог бы внести в них потрясение... Таким образом, одним ударом... все неплательщики налогов, все неистовые и бродяги не получают права голоса. Что может быть более естественным?»⁷

Большое значение Фюстель де Куланж придавал также реакционным сторонам политического строя США. Наиболее ценным в американской конституции он считал создание мощного юридического корпуса во главе с Верховным судом, который обеспечивает права собственников против притязаний неимущих; в этом Фюстель де Куланж видел осуществление высшей справедливости. «Не будет несправедливым отдалить от государственных дел всех тех, кого приниженность положения или ничтожество ума делают неспособными к роли деятельного гражданина. Право вотировать и управлять не таково, чтобы его следовало давать всем без различия; эту службу следует предоставить достойнейшим, особенно же в республике».⁸

Именно благодаря этому принципу Соединенные Штаты, по мнению Фюстель де Куланжа, могут «твердо держаться среди бурь; в этой стране все может быть поставлено под вопрос, все может быть потрясено и уничтожено, за исключением магистратуры и права».⁹ С тех пор, как на арену истории выступил рабочий класс, политические традиции Англии и США стали служить тем идейным оружием, к которому прибегали французские буржуазные реакционеры для борьбы с собственным народом.

Эти выступления буржуазии вполне соответствовали настроениям дворянства, которое видело в Соединенных Штатах образец общественного строя, способного наилучшим образом бороться с революцией рабочего класса. Не случайно А.Токвиль — выразитель чаяний французского дворянства XIX в., — настойчиво апеллировал к опыту американской буржуазии, и не случайно его книга «Демократия в Америке» пользовалась таким успехом в буржуазных и дворянских кругах всех стран. Во время революции 1848 г. в предисловии к 12-му изданию этой книги Токвиль особенно горячо призывал французскую буржуазию следовать примеру Соединенных Штатов. Великий Русский революционер и демократ Н.Г.Чернышевский следующим образом сформулировал со слов Токвиля политический смысл этого предисловия: «Книга эта была написана 15 лет тому назад. Но теперь она получает по обстоятельствам настоящего времени практическую ценность, которой она не имела во время первого издания. Американские учреждения... должны быть предметом изучения республиканской Франции. Вопрос теперь в том, спокойствие или волнения будут у нас при республике, демократическая тирания или демократическая свобода... Почти вся Европа была потрясена революцией; в Америке не было даже мелких смятений... Где можем найти мы лучшие надежды и лучшие уроки? Обратим наши взоры на Америку».¹⁰

С тех пор американская и европейская буржуазия, как известно, далеко ушла в совершенствовании своих методов борьбы с революцией пролетариата, но важно подчеркнуть, что американская «демократия» уже сто лет назад служила тем соблазнительным примером, которому старалась подражать европейская реакция.

Проследивая путь германо-романского вопроса во Франции, автор, естественно, касался лишь тех историков, в трудах которых этот вопрос являлся предметом исследования, причем этим историкам в книге уделяется неодинаковое внимание. Значительное место отведено О.Тьерри и Гизо. Дело в том, что эти историки периода реставрации занимают особое положение во французской историографии. О.Тьерри и Гизо — крупнейшие фигуры из числа тех идеологов буржуазии, которые воплотили в себе и наивысший идейный взлет буржуазной исторической мысли и ее падение, ее вчерашний и ее сегодняшний день. Они стоят на том историческом рубеже, когда в политической деятельности буржуазии завершается поворот от прогресса к реакции. Проследить этот поворот, значит определить тот момент и те причины, которые заставили буржуазию повернуть от своего прогрессивного прошлого к своему бесславному настоящему.

Из историков, не интересовавшихся германо-романским вопросом, в книге сделано исключение для А.Токвиля, которому посвящена отдельная глава. Дело в том, что политические идеи А.Токвиля оказали непосредственное влияние на политическую концепцию Фюстель де Куланжа. А.Токвиль был первым дворянским историком, не только признанным буржуазной историографией, но и ставшим ее кумиром. Причина этого в том, что Токвиль явился наиболее ярким олицетворением того идейного союза буржуазии и дворянства, который определился в особенности под влиянием революции 1848 г. Политические разногласия между буржуазией и дворянством, естественно, не исчезли окончательно, но с этих пор превратились в частные разногласия двух фракций господствующего класса собственников. Определяющим моментом этого буржуазно-дворянского союза явилось то обстоятельство, что после революции 1848 г. «позади буржуазии... везде уже поднималась грозная фигура пролетариата... и загнала буржуазию в объятия только что побежденного врага».¹¹ «С этого момента масса буржуазии во всей Европе перешла на сторону реакции, объединилась с только что свергнутыми ею с помощью рабочих абсолютистскими бюрократами, феодалами и папами против врагов общества, т.е. против тех же рабочих».¹² Одним из важных последствий этого явилось усвоение буржуазией дворянских идей, против которых она так недавно выступала. Проследить влияние А.Токвиля на политические идеи Фюстель де Куланжа значит показать, как создавался этот буржуазно-дворянский реакционный блок в области историографии. Это тем более важно, что политическое учение А.Токвиля, как увидим дальше, не утратило и в наши дни интереса для американской и европейской буржуазии.

М. А. АЛПАТОВ

⁷ Там же, стр. 236—237.

⁸ П.Гиро. Фюстель де Куланж, М, 1898. стр.58.

⁹ «Revue des deux mondes», 1887 г., стр. 601.

¹⁰ Н.Г.Чернышевский. Собр.соч., 1906, т.VIII, стр.195.

¹¹ К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.XVI, ч.1, стр.453.

¹² Там же, стр.468.

Но доминирующее место в настоящей книге отведено Фюстель де Куланжу. Это диктовалось тем обстоятельством, что Фюстель де Куланж, как уже было сказано, представляет одну из крупнейших фигур французской историографии второй половины XIX в., а его влияние сказывается и в наши дни как во Франции, так и в других буржуазных странах.

В противовес буржуазной историографии, обращавшей свою критику почти исключительно против методов исследования Фюстель де Куланжа, автор обратил свое внимание прежде всего на анализ политических идей Фюстеля де Куланжа, на историю их формирования, на выяснение влияния этих идей на историческую концепцию реакционного французского историка. К критике научных приемов Фюстель де Куланжа автор прибегает лишь в той мере, в какой это необходимо для освещения политических задач Фюстеля. Далее, подвергая критике то или иное положение Фюстель де Куланжа, автор стремился противопоставить этим положениям выводы марксистско-ленинской исторической науки. К этому следует прибавить, что мы считали необходимым не только подробно остановиться на политическом анализе научной деятельности самого Фюстель де Куланжа, но и посвятить отдельную главу политической судьбе «куланжизма» в буржуазной исторической науке тех стран, где эти идеи нашли наиболее яркое отражение. Дело в том, что история «куланжистских» идей, как в фокусе, отразила те общие сдвиги в сторону все более оголтелой реакции, которые являются характерной чертой буржуазной историографии эпохи империализма. С этой точки зрения вопрос имеет большой методологический интерес.

Какой прием встретила ученая деятельность Фюстель де Куланжа в буржуазной историографии? Во Франции проповедниками идей Фюстеля были довольно многочисленные его ученики, среди которых наиболее известными были Поль Гиро и Камилл Жюллиан. Однако Фюстель де Куланж и его школа с самого начала встретили здесь серьезного противника в лице целой группы либеральных историков (Глассон, Жюбанвиль, Виолле и др.). Главным предметом разногласий послужил тезис Фюстель де Куланжа об отрицании крестьянской земельной общины в средние века, занимавший центральное место в социальной теории Фюстеля. Завязавшаяся по этому поводу дискуссия навсегда приковала Фюстель де Куланжа к раннему средневековью, а его главный труд, который, по первоначальному замыслу автора, должен был включать всю историю Франции, на деле не вышел за рамки эпохи Каролингов, хотя и вырос до размеров шести больших томов.

Однако эти противники Фюстель де Куланжа были весьма непоследовательны в своей критике; значение крестьянской земельной общины они ограничивали фактически пределами Меровингской эпохи, а сама эта община, по их мнению, не имела широкого распространения у народов Европы. «Ясно, что многие ученые, — писал главный оппонент Фюстель де Куланжа — Е.Глассон, — злоупотребляли вопросом об аграрном коммунизме и видели режим общины там, где его не существовало».¹³ Они никогда не переставали доказывать, что их общинная теория не имеет ничего общего не только с коммунизмом, но даже с теорией такого благонамеренного буржуазного историка, как Маурер.

В 80-х годах началась резкая критика идей Фюстеля в немецкой исторической литературе. Однако эта критика со стороны немецких противников Фюстель де Куланжа (Вайц, Зом, Бруннер и др.) велась с чисто шовинистических немецких позиций. В противовес взгляду французского историка о романском происхождении Европы немецкие историки отстаивали тезис о ее германском происхождении; взгляду Фюстеля о непрерывном господстве крупной собственности, римской по своим истокам и характеру, они противопоставляли господство «германской» свободы в период раннего средневековья; иначе говоря, фальшивой, романистической концепции Фюстель де Куланжа немецкая наука противопоставляла свою, не менее фальшивую, концепцию воинствующего германизма.

Дальнейшая судьба идей Фюстель де Куланжа в немецкой исторической науке чрезвычайно показательна. Его теория в своей наиболее существенной части вошла как составной и главный элемент в реакционную историческую концепцию Допша, ставшую чрезвычайно популярной в буржуазной историографии в годы между первой и второй мировыми войнами. Развивая шовинистический тезис старой немецкой науки об «исключительной» роли германцев в создании средневековой Европы» Допш вместе с тем решительно отверг другой тезис своих немецких предшественников — тезис о «германской» свободе, принесенной варварами — завоевателями Римской империи. Допш принял главную романистическую идею Фюстель де Куланжа о непрерывности исторического развития, об отсутствии какого-либо переворота при переходе от древнего мира к средним векам. Не отрицая крестьянской общины, Допш доказывал ее крепостное состояние уже в раннем средневековье.

Борьба с революцией и революционной теорией — марксизмом в настоящем, как и отрицание революции в историческом прошлом, явилась общей почвой, которая объединила теорию немецкого шовиниста Допша, пытавшегося оправдать разбойничью роль германского империализма в первой мировой войне, а, следовательно, оправдать войну Германии против Франции, и теорию французского шовиниста Фюстель де Куланжа, проповедовавшего ненависть и войну против Германии. Подобное единение создалось, прежде всего, под влиянием страха и ненависти к Великой Октябрьской социалистической революции. Это было ярким свидетельством той истины, что историческая теория Фюстель де Куланжа, как и теория Допша и всякая другая реакционная буржуазная теория, своим острием была направлена против социальной революции, против социализма. В этом, в частности, состояла коренная причина популярности теории Допша в буржуазной историографии различных стран

Теория Допша оказала сильное влияние на оценку идей Фюстель де Куланжа не только в немецкой, но и во всей буржуазной историографии. Критика реакционных идей Фюстеля, которая имела место в конце XIX в., теперь полностью умолкает в реакционной исторической науке, в особенности во Франции. Французские почитатели Фюстель де Куланжа — А.Дюфурк, Г.Додю, Фердинанд Ло и др. — накануне второй мировой войны, а кое-кто из них и в наши дни с особенным усердием поднимают на щит именно реакционные антисоциалистические идеи Фюстель де Куланжа. Наиболее крупный из современных французских

¹³ E.Glasson Les communaux et le domaine rural a l'epoque franque, Paris, 1890, стр.134.

последователей Фюстеля, Фердинанд Ло, с огромным усердием вносит поправки в теорию своего учителя, доказывая в духе Допша «взаимопроникновение» римского и германского мира. Правда, у французских «куланжистов» накануне второй мировой войны, как и всегда, не было недостатка в прославлении «патриотизма» Фюстель де Куланжа, как и «патриотизма» своего собственного. Но вся эта шумиха, как показала политическая практика, была частью того идеологического прикрытия, за которым скрывалась национальная измена французской буржуазии. Иначе говоря, буржуазия Франции, — а вместе с ней и буржуазные историки — последовала примеру Фюстель де Куланжа.

Подобно тому как этот «великий», «национальный» историк вместе с классом, которому он служил, считал армии Бисмарка врагом менее опасным, чем Парижская Коммуна, французская реакция семьдесят лет спустя, в страхе перед собственным народом, бросила свою родину к ногам Гитлера, как в наши дни отдала национальную честь Франции на произвол американского империализма. Такова судьба идей Фюстель де Куланжа во Франции.

Наибольшие заслуги в критике реакционной теории Фюстель де Куланжа в буржуазной историографии принадлежат русской либеральной исторической науке 70—80-х годов XIX в. В то время как в западной историографии, особенно после Парижской Коммуны, побеждали все более реакционные течения, русская либеральная наука 70—80-х годов переживала свой подъем. Основной проблемой русской общественной мысли являлась тогда проблема развития капитализма в России. В условиях российской действительности особое место в буржуазной историографии занял вопрос о судьбе крестьянской земельной общины при капитализме, вопрос об исторической роли общины.

В этой связи для русских буржуазных историков живой интерес приобретало изучение опыта раннего развития капитализма в сельском хозяйстве, изучение исторических судеб крестьянства и крестьянской общины в Западной Европе. «Вопросы, ставшие предметом антикварного изучения на Западе Европы, для нас продолжают представлять жизненный интерес... Я не думаю, чтобы кто-нибудь стал утверждать в данный момент, что, например, изучение формирования и распада сельской общины на Западе было бы бесполезным для политических деятелей и мыслителей, которые соприкасаются с подлинной жизнью сельской общины на Востоке»,¹⁴ — писал П.Г.Виноградов. Русские историки этой поры, особенно Н.И.Кареев, И.В.Лучицкий, М.М.Ковалевский, П.Г.Виноградов, несмотря на крупные политические и методологические пороки своих концепций, оказали большое прогрессивное влияние на западную историографию в разработке истории аграрного строя и крестьянского вопроса в странах Европы, привлекли большое внимание к проблеме крестьянской общины. Не случайно поэтому, что историческая теория Фюстель де Куланжа, начисто отрицавшая общину, встретила у русских историков наиболее решительный отпор. Целая плеяда русских историков — Ф.Я.Фортинский, М.М.Ковалевский, П.И.Беляев, И.М.Гревс, П.Г.Виноградов — выступила с критикой реакционных взглядов Фюстель де Куланжа.

Критика эта зачастую приобретала довольно резкий тон. Оценивая историческую теорию Фюстеля, И.М.Гревс считал, что «идея крайнего романизма, полного отрицания влияния германского элемента на образование общественного строя Франции и решительной апологии всего связанного с традициями Римской империи — односторонняя и фальшива. Она противоречит твердо установленным фактам и не может быть принята».¹⁵ Научные приемы Фюстель де Куланжа И.М.Гревс квалифицировал как попытку фальсифицировать историю. «Это, — писал он, — уже не ошибка... Тут уже виден недостаток добросовестности, который в ученом, отыскивающим истину и оповещающем ее, особенно неуместен, все равно, как бы его ни объясняли — желанием ввести в заблуждение или простым ослеплением партийными или национальными предрассудками... Такая небезупречность, колеблющая доверие к выводам Фюстель де Куланжа, постоянно бросается в глаза при чтении его сочинений, и нам не раз, признаемся, приходилось удивляться, чем заслужил он то высокое уважение и веский авторитет, которым пользуется в среде историков своего отечества».¹⁶

Таково отношение к Фюстель де Куланжу русской либеральной историографии в ее лучшую пору. Но, с 90-х годов, это отношение начинает резко меняться. Девяностые годы явились тем переломным моментом, когда в качестве главной социальной силы на историческую сцену выступил русский пролетариат, когда царская Россия начинала занимать свое место в общей системе империализма, когда сложившаяся историческая обстановка привела к перемещению центра революционного движения в Россию; это были годы, когда выступили В.И.Ленин и И.В.Сталин, когда зарождалась партия большевиков.

С этих пор русская буржуазия все более и более теряет свой либерализм, борясь вместе с самодержавием против революции. Эти политические факторы нашли свое отражение в буржуазной идеологии и, в частности, в исторической науке. Русская либеральная наука вступила в полосу упадка; буржуазные историки могли давать ценные исследования в области отдельных исторических проблем, но они уже были неспособны создавать прогрессивные для своего времени исторические концепции. Известная лекция Виноградова «О прогрессе» (1898) с точки зрения политической была своего рода декларированием методологических основ всей русской либеральной историографии; главной задачей исторической науки Виноградов объявил борьбу против классового антагонизма, за «совместную деятельность классов, их взаимные услуги и общую работу», иначе говоря, главной задачей исторической науки была объявлена борьба с революцией.

С этого времени начинает более ярко выступать и другая черта русской либеральной историографии — ее раболепство перед «западной цивилизацией», что явилось выражением зависимого положения самой русской буржуазии в общей системе империализма. В этой идейной атмосфере становится понятным поворот и в оценке научной деятельности Фюстель де Куланжа. Его труды становятся все более популярными среди русских буржуазных историков. С 1901 г. начинает выходить русский перевод главного труда Фюстеля —

¹⁴ «Villainage in England», Oxford, 1892, Preface, стр.VI.

¹⁵ «Новое исследование о колонате». ЖМНП, 1886, ноябрь, стр.12в.

¹⁶ Там же, стр.121.

— «История общественного строя древней Франции». Редактор этого издания — И.М.Гревс, ратовавший в 80-х годах за интересы русской науки и критиковавший тогда Фюстель де Куланжа, теперь писал: «Само положение нашей образованности среди других и наша сравнительно интеллектуальная юность побуждает нас черпать в глубоком и превосходном источнике западной науки обильные и разнообразные элементы цивилизации и вдохновения». Гревс теперь доказывал, что Фюстель де Куланж «без всякого сомнения принадлежит к числу таких первоклассных умов, работа которых Могущественным образом двигает не только успехи избираемой ими отрасли науки, но и общее развитие идей и теоретического мышления».¹⁷

Дальнейшим толчком к росту реакционных идей в русской буржуазной историографии послужило обострение классовой борьбы в период революции 1905 г. Политической программой буржуазной исторической науки, как и русского либерализма вообще, явились «Политические письма» Виноградова. Автор призывал русскую буржуазию следовать опыту буржуазии Западной Европы и повести Россию не по «французскому» пути ломки феодальных порядков, а по «немецкому» пути, который означал сохранение самодержавия как главного орудия против революции и введение в России реакционной буржуазной конституции. В.И.Ленин в статье «Чего хотят и чего боятся русские либеральные буржуа»,¹⁸ написанной по поводу «Политических писем» Виноградова, обнажил всю реакционную суть политической программы вождя русского либерализма, назвав Виноградова «ученым лакеем российской буржуазии» и указав при этом на холопство русской буржуазии перед буржуазией Запада.

Реакционная политическая позиция привела Виноградова к фактическому отказу от его методологии 70—80-х годов, которую он в известной мере продолжал сохранять вплоть до революции 1905 г. Двигавшийся в своих исследованиях социальной истории Англии от более поздних веков к более ранним, Виноградов не пошел дальше XI в., отказавшись от исследования англо-саксонского периода английской истории. Причина этого была чисто политическая: исследовать раннюю историю Англии означало бы показать роль свободной крестьянской общины, более древнее происхождение и приоритет свободы низших классов перед властью английских баронов. В этой связи стоит и отказ Виноградова от критики реакционных теорий в английской историографии. Если в своей ранней работе «Исследования по социальной истории Англии» (1887) Виноградов подверг решительной критике концепцию Сибом, доказывая, что история Англии представляет собой путь английского народа от древней свободы к ее вырождению, а не наоборот, как доказывал Сибом, то теперь Виноградов считал для себя невозможным выступать против английского единомышленника Фюстель де Куланжа — Мэтланда; романистическая теория непрерывности исторического развития, отрицавшая всякие социальные перевороты и утверждавшая изначальное господство крупной собственности и изначальную зависимость народных масс, которую отстаивал Мэтланд, вполне отвечала политическим воззрениям самого Виноградова. Виноградов с этого времени вообще отказывается от широких методологических обобщений и все более сводит свои исследования к нагромождению исторических фактов: примером такого исследования может служить его работа «English Society in XI Century».

Еще более яркий пример не только примирения с куланжистскими идеями, но и прямого поклонения им представляет Д.М.Петрушевский. В 90-х годах Петрушевский, как известно, стоял на прогрессивных позициях в буржуазной историографии; его первый крупный труд «Восстание Уота Тайлера» был посвящен истории борьбы народных масс средневековой Англии. Но уже здесь Петрушевский доказывает, что между интересами крестьян и феодалов существовало известное единство, а феодальное государство имело надклассовый характер. Под влиянием революции 1905 г. эти черты концепции Петрушевского стали целиком определять политическое содержание его исторической теории. Его концепция стала теперь представлять по существу соединение различных реакционных теорий, заимствованных из западноевропейской историографии, — А.Допша, Г.Риккерта, М.Вебера, Э.Майера. Но определяющим моментом явилось влияние «куланжистских» идей в той их форме, в которой они существовали накануне первой мировой империалистической войны и после нее в западной реакционной науке, — в форме допшианства.

В основу своей концепции Петрушевский положил главный тезис Допша — Фюстель де Куланжа об отрицании социальных переворотов в истории. Для эпохи средних веков, которой занимался Петрушевский, это было прежде всего отрицанием революции при переходе от древнего мира к средневековью; «не внезапная катастрофа, но постепенный процесс медленного перерождения римского государства и общества, постепенно принявшего в себя варварские элементы, — вот факт, который вполне может быть констатирован при изучении смены древнего мира миром средневековым»,¹⁹ — писал Петрушевский. Все другие положения Петрушевского — о «вотчинном капитализме», о феодализме как надстройке, не связанной с экономическим базисом, о надклассовом характере государства и т.д. — в конечном счете были подчинены этому главному тезису об отрицании революции в истории. «Очерки из истории средневекового общества и государства» — одна из крупных работ Петрушевского, вышедшая накануне революции 1905 г. и переиздававшаяся несколько раз, — является убедительной иллюстрацией неуклонной эволюции методологических взглядов Петрушевского от буржуазного прогресса к буржуазной реакции. В советское время Петрушевский, как известно, не только не отказался от реакционной концепции Допша — Фюстель де Куланжа, но, наоборот, продолжал ее развивать.

Вскрыть социальные корни реакционной теории Фюстель де Куланжа и дать ей правильную оценку становится возможным только с позиций марксистско-ленинской исторической науки.

Основанная на принципиально ином и единственно научном методе марксизма-ленинизма советская историческая наука сделала немало для разоблачения антинаучной реакционной сущности буржуазной историографии. С марксистско-ленинских позиций дана оценка и научной деятельности Фюстель де Куланжа.

¹⁷ Фюстель де Куланж. История общественного строя древней Франции, 1901, т. I, предисловие И.М.Гревса, стр. VII.

¹⁸ См. В.И.Ленин Соч., изд. 4-е, т. 9.

¹⁹ Д.М.Петрушевский Очерки из истории средневекового общества и государства, М., 1917, стр. 185.

Примером такой оценки может служить посвященный Фюстель де Куланжу раздел в учебнике по истории средних веков для высшей школы. Правильной исходной позицией для понимания научной деятельности Фюстель де Куланжа здесь служит связь идей Фюстеля с политической обстановкой Франции той поры, а именно с тем, что автор этой теории «пережил франко-прусскую войну, поражение французов и мечтал о реванше; наконец, он видел события Парижской Коммуны, вызвавшие в нем ужас перед поднимающимся пролетариатом».²⁰ На этой почве вырос романизм Фюстель де Куланжа, отрицание перерыва между древностью и средними веками, трактовка поместья как определяющего фактора в историческом развитии, отрицание общины.

К сожалению, работы других советских авторов о Фюстель де Куланже представляют собой несомненный шаг назад по сравнению с той характеристикой, которая дана А.Д.Удальцовым в учебнике по истории средних веков. Так, О.Л.Вайнштейн, автор «Историографии средних веков», не берет на себя смелости решить, «сознательно или бессознательно» искажал историю Фюстель де Куланж, и восхищается логической стройностью и литературными качествами трудов Фюстеля.²¹ Подобная точка зрения для О.Л.Вайнштейна далеко не случайна; она вытекает из переоценки им роли западноевропейской буржуазной историографии и принижения роли русской исторической науки.

Согласно О.Л.Вайнштейну, основателями русской науки о средних веках были иностранцы. «В конце XVIII в. в России имелись уже «первые глашатаи и проводники научного византиноведения» в лице академиков немецкого происхождения — Байера, Круга, Шлецера».²² Что же касается русской медиэвистики XIX в., то она, по мнению О.Л.Вайнштейна, вплоть до 70-х годов представляла собой жалкое зрелище, ибо «слабая научная продуктивность являлась вообще одной из характерных особенностей русских историков 1830—1870 гг. ...К той упорной, систематической, длительной работе, которая одна только в состоянии обеспечить создание крупных научных ценностей, они, как правило, обнаруживали неспособность».²³

Вышедшая в 1947 г. книга академика С.Б.Веселовского «Феодальное землевладение в северо-восточной Руси» (т.1) представляет собой не только рецидив буржуазного мировоззрения, но определенный шаг назад по сравнению с русской буржуазной историографией 70—80-х годов. Доказательством этого, в частности, является его прямая апология Фюстель де Куланжа и его метода. В свое время Фюстель старался как можно больше ограничить поле своего исследования, которое не простиралось за локальные рамки Франции и ограничивалось только письменными документами. Это играло чрезвычайно важную служебную роль для Фюстель де Куланжа. Отсечь большой и многообразный материал из истории различных стран, как и все исторические свидетельства, кроме письменных, значило устранить значительную часть препятствий для построения своей реакционной теории, создать себе возможность для произвольного толкования письменных документов, что Фюстель де Куланж, как известно, широко использовал. Вот почему Фюстель пытался всячески опорочить сравнительный метод, который давал массу исторических свидетельств, опрокидывавших всю реакционную, искусственную конструкцию, созданную Фюстелем на ограниченном французском материале. Вот почему русские историки в 70—80-х годах, в особенности М.М.Ковалевский, критикуя Фюстель де Куланжа, противопоставляли ему выводы, добытые на основе историко-сравнительного метода. Этот метод при всех его недостатках был сильным оружием русской прогрессивной науки против реакционной теории Фюстель де Куланжа; при помощи этого метода русские историки успешно доказывали широкую распространенность крестьянской общины во многих странах в средние века.

Иначе думает академик Веселовский в 1947 г. Он разделяет пессимистические рассуждения английского историка Эшли: «Едва ли можно считать большим приобретением для исторической науки, что сравнительный метод вызвал появление — на смену кропотливому и тяжеловесному эрудиту — блестящего, но псевдонаучного очеркиста».²⁴ На этом основании он поднимает на щит противника сравнительного метода — Фюстель де Куланжа. «Все работы Фюстель де Куланжа, — пишет С.Б.Веселовский, — отличаются прекрасной осведомленностью в первоисточниках, строгой методичностью рассуждений и ясностью исследовательской мысли и изложения... Для ясного и логичного ума Фюстель де Куланжа такой стиль работы (на основе историко-сравнительного метода. — М.А.) был совершенно неприемлем».²⁵ Так выражает академик Веселовский свои восторги перед фальсификаторским методом Фюстель де Куланжа. Не приходится и говорить, что понять реакционный характер самой теории Фюстеля для академика Веселовского является задачей, лежащей далеко за пределами привычных ему «научных» представлений.

В отличие от академика Веселовского проф. А.И.Неусыхин в статье, посвященной научной деятельности Д.М.Петрушевского,²⁶ подвергает Фюстель де Куланжа критике, однако в этой критике он по примеру буржуазной историографии ограничивается методом Фюстеля, при этом сам метод берется как абстрактно-логический метод, в полном отрыве от реакционного содержания исторической теории и политических взглядов Фюстель де Куланжа.

А.И.Неусыхин пытается доказать, что фальсификация Фюстель де Куланжем исторических источников была не чем иным, как «неосознанным привнесением в их истолкование предвзятых точек зрения, в результате неосуществимого требования полного воздержания от них...»²⁷ С таких же позиций А.И.Неусыхин подходит и к анализу научной деятельности своего учителя Д.М.Петрушевского.

²⁰ «История средних веков», т.1, М., 1938, стр.191.

²¹ О.Л.Вайнштейн, Историогр. средних веков, М.—Л., 1940, стр.236.

²² Там же, стр.294.

²³ Там же, стр.296—297.

²⁴ С.Б.Веселовский. Феодальное землевладение в северо-восточной Руси, М.—Л., 1947, стр.13.

²⁵ Там же.

²⁶ Сб. «Средние века», т.11, М.—Л., 1946.

²⁷ Там же, стр.21. Подчеркнуто А.И.Неусыхиним.

Статья А.И.Неусыхина, как и весь сборник «Средние века», посвященный Д.М.Петрушевскому, неоднократно подвергались справедливой критике в нашей печати.²⁸ Здесь следует лишь подчеркнуть, что, противопоставляя чисто схоластический метод Д.М.Петрушевского методу Фюстель де Куланжа, А.И.Неусыхин обошел существо дела; за формальной разницей исчезло существенное сходство, идейное родство Д.М.Петрушевского и Фюстель де Куланжа. А.И.Неусыхин все свое внимание обратил на выяснение различия в понимании этими авторами исторической эволюции, но ни слова не говорит о революции, борьба с которой прочно объединяла обоих историков. Подобная постановка вопроса для А.И.Неусыхина была обусловлена прежде всего тем, что, следуя традициям буржуазной историографии, автор свой историографический анализ целиком оторвал от анализа исторической действительности.

Оценка научной деятельности Д.М.Петрушевского автором дается не с позиций советской исторической науки, а с точки зрения буржуазно-космополитических категорий. Русский буржуазный историк Д.М.Петрушевский превращен А.И.Неусыхиным в абстрактную надклассовую и наднациональную фигуру. «Цельность его личности, — пишет А.И.Неусыхин, — и всего дела его жизни, в свою очередь, коренится в том, что он служил человечеству. Он отдал всю свою жизнь служению человеческой культуре в самом подлинном и благородном смысле этого слова».²⁹ Таким образом, борьба с идеей революции в истории, чему на деле служил Петрушевский, является, по мнению А.И.Неусыхина, «служением человеческой культуре в самом «подлинном и благородном смысле этого слова».

Некритическое отношение А.И.Неусыхина к своему учителю Д.М.Петрушевскому является одним из примеров того пиетета, который питают некоторые представители старшего поколения советских медиевистов к своим буржуазным учителям. Этот пиетет служит одним из каналов, по которым буржуазная идеология продолжает оказывать свое влияние на отдельных Представителей советской медиевистики. Преодоление этого Некритического отношения к русской буржуазной историографии является одним из условий успешной борьбы с реакционной зарубежной псевдонаукой.

Борьба с реакционной буржуазной историографией — решающая задача советской исторической науки. Могучими средствами решения этой задачи являются большевистская партийность, повышение марксистско-ленинского теоретического уровня нашей науки, борьба со всякими пережитками буржуазной идеологии — с объективизмом, космополитизмом, с тем преклонением перед зарубежной культурой, которое было характерной чертой русской буржуазной историографии. «К лицу ли нам, представителям передовой советской культуры, советским патриотам, роль преклонения перед буржуазной культурой или роль учеников?!»,³⁰ — говорил А.А.Жданов. «Нам ли низкопоклонничать перед всей иностранщиной или занимать пассивно оборонительную позицию!»³¹ Не оборона, а упорное наступление является залогом победы передовой марксистско-ленинской науки над псевдонаукой современной реакционной буржуазии.

ЧАСТЬ 1. GERMANO-ROMANСКАЯ ПРОБЛЕМА в БОРЬБЕ БУРЖУАЗИИ за ПОБЕДУ КАПИТАЛИЗМА во ФРАНЦИИ

ГЛАВА 1. ЗНАЧЕНИЕ GERMANO-ROMANСКОГО ВОПРОСА в ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКЕ ФРАНЦУЗСКОЙ БУРЖУАЗНОЙ РЕВОЛЮЦИИ КОНЦА XVIII века

Для немецкой исторической мысли XVIII—XIX вв. проблема германизма и романизма, как известно, была по преимуществу проблемой двух этнических миров, противостоящих друг другу как внешние и притом враждебные силы; это был вопрос о борьбе германцев с другими народами, о роли германских элементов в мировой истории, о влиянии германизма на культуру других стран. Таким образом, проблема германизма и романизма была для немецкой науки по сути дела проблемой внешнеполитической. В таком виде она была не чем иным, как исторической аргументацией и «научной» основой агрессивного немецкого шовинизма. Это была та первоначальная почва, на которой впоследствии вырос гитлеровский расизм с его беспощадной войной за установление господства «избранной» немецкой расы над всем миром ценой истребления целых народов.

Совсем в ином свете выступает германо-романский вопрос у французских историков XVIII и первой половины XIX в. Для них борьба германизма и романизма — это прежде всего вопрос внутренний, органически связанный с борьбой сословий в истории самой Франции. Для этого были свои причины. Для Франции XVIII в. вопрос национального единства был давно решен, поэтому национальная проблема во французской идеологии не была доминирующей; на первом плане здесь стояли вопросы социальной и политической борьбы. В XVIII в., когда проблема германизма и романизма впервые рождалась как острый политический вопрос, именно во Франции назревали классовые слои огромной силы; Франция становилась родиной классической буржуазной революции, и не случайно поэтому германо-романская проблема здесь оказалась, так сказать,

²⁸ См. «Культура и жизнь» 1 марта 1947 г. «Вопросы истории», № 3 за 1949 г.

²⁹ Сб. «Средние века», т. II, стр. 28.

³⁰ Доклад т. Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград», Госполитиздат, 1946, стр. 35.

³¹ Там же, стр. 37.

обращенной внутрь страны. Эта проблема в ее тогдашней форме была рождена определенным этапом классовой борьбы французской буржуазии против феодализма.

Рубеж XVII и XVIII вв. был переломным моментом во французской истории. Как известно, век Людовика XIV был зенитом французского абсолютизма; блеск этого царствования создавал видимость политического благополучия Франции, а корыстная лесть писателей этого времени способствовала живучести этой иллюзии...»¹

Но царствование Людовика XIV было вместе с тем и началом заката французского абсолютизма. Буржуазное общество, которое «подготовлялось с XVI века, а в XVIII — сделало гигантские шаги на пути к своей зрелости»,² пришло в противоречие с феодальным строем. Прогрессивные возможности абсолютизма были исчерпаны, дворянская диктатура становилась помехой дальнейшему развитию Франции. Политическая обстановка начинает коренным образом меняться, так же как меняются политические позиции отдельных классов, и, наконец, в царствование Людовика XV французы начинают выходить из их «прежнего оцепенения».

Дух оппозиции возникает даже в самом государственном аппарате французского абсолютизма, в среде служилой бюрократии, тесными узами связанной своим происхождением с буржуазией (дворянство мантии). Знаменем служилых кругов становится конституционная монархия английского типа, а их идеологом — Монтескье. Выражением оппозиционных настроений этих кругов были «Персидские письма» (1721), а положительной программой был «Дух законов» — книга, ставшая евангелием всего европейского либерального дворянства и буржуазных верхов.

Но решающим явлением, которое в корне изменило политическую атмосферу Франции XVIII в., был радикальный поворот политической позиции буржуазии. В прошлом лишь в редких случаях решавшаяся опираться на народные массы, буржуазия теперь пошла на союз с народом. Абсолютизму противостояли уже не стихийные крестьянские и плебейские движения и не фрондирующие верхи, как в прошлом веке, а боевой блок третьего сословия во главе с буржуазией, выступившей от имени всего народа Франции.

«Класс, совершающий революцию, — уже по одному тому, что он противостоит классу, — с самого начала выступает не как класс, а как представитель всего общества; он представляется в качестве всей массы общества в противовес единственному господствующему классу. Происходит это оттого, что вначале его интерес действительно более связан еще с общим интересом всех остальных, не господствующих классов, не успел еще под давлением отношений, существовавших до тех пор, развиться в особый интерес особого класса...»³ Началась подготовка всеобщего наступления против абсолютизма и феодальной аристократии всем широким фронтом третьего сословия.

Уже в конце царствования Людовика XIV между противниками начинаются, если можно так выразиться, первые авангардные бои, и одной из первых их вспышек в исторической науке была полемика между германистами и романистами. С этих пор германо-романский вопрос надолго стал одной из основных идей французской буржуазной идеологии, составной частью идейной борьбы между революцией и абсолютизмом во Франции.

Временем рождения германо-романской проблемы как проблемы идейной борьбы между буржуазией и дворянством во Франции следует считать второе десятилетие XVIII в. В 1714 г. появилась в свет небольшая работа Н.Фрерэ «De l'origine des francais et de leur etablissement dans les Gaules». Автор доказывал, что салические франки стали селиться в Галлии еще в первой половине IV в. и были с тех пор надежными союзниками и солдатами Римской империи. «Франки долгое время оставались верными империи; они всегда были в союзе с владыками этой страны — императорами и принимали участие во многих войнах против различных варварских народов, наводнявших Галлию. И только при Хильдерике они открыто выступили против римлян, над которыми властвовал Эгидий. Вероятнее всего, что в этом случае они действовали на основании договора с восточными императорами, врагом которых был Эгидий. По-видимому, завоевание, отдавшее в руки франков всю Галлию, было проведено под этим предлогом, и это не было прямой узурпацией; мы видим, что после поражения вестготов и завоевания Аквитании Хлодвиг получил от императора Анастасия титул патриция и регалии с диадемой, усыпанной драгоценными камнями. Это посылалось императорами королям, которых они признавали и с которыми они были в союзе. Такова основная идея предлагаемой мною системы».⁴

Здесь, правда, еще в общей форме, но с достаточной отчетливостью, сформулирована романистическая концепция, и Фрерэ с полным правом может считаться первым буржуазным романистом XVIII в., так как именно с его выступления романистическая теория начинает приобретать широкий политический резонанс.

Но проблема германского завоевания привлекала внимание и дворянских идеологов; в 20-х годах XVIII в. вокруг нее стали разгораться политические страсти. Автором, который окончательно определил все политическое значение проблемы германского завоевания в истории Франции, был один из тогдашних идеологов французского дворянства граф Буленвилье. В 1727 г. вышла его книга «Histoire de l'ancien gouvernement de la France». Главная задача, которую поставил себе

автор, была сугубо политическая: исторически оправдать привилегии французского дворянства, а главным аргументом для этой цели послужил факт завоевания Галлии франками. Для Буленвилье это завоевание — «главный предмет для размышления», ибо оно — «фундамент французского государства» по той простой причине, что оно дало французскому дворянству его «существенные и преимущественные права».⁵

Этот тезис об исключительном значении завоевания Буленвилье использует двояким образом: с одной стороны, для доказательства законности ограничения королевского единодержавия в пользу дворянства, с другой (ив этом главное) — для обоснования дворянских привилегий против политических притязаний третьего сословия. Доказывая свое первое положение, Буленвилье приходит к выводу, что завоевание Галлии не могло быть делом королей, ибо «французские короли, собственно говоря, были только гражданскими магистратами, избираемыми и назначаемыми округами для разбора судебных дел между частными лицами».⁶ Поэтому завоевание было делом «всей нации», и автор, «следуя истине и истории», стремится показать «права и привилегии, которые сама эта нация приобрела и сохранила... в силу завоевания Галлии».⁷ Буленвилье сокрушается по поводу вопиющего несоответствия между тем, что нация приобрела, и тем, что она сохранила; завоевание превратило франков в сословие дворян, которое не только безраздельно господствовало над побежденными галло-римлянами, но и было независимым от короля. Однако этот режим дворянской демократии в последнее время стал вырождаться в деспотизм столь чрезмерный, что все наше достояние становится добычей самодержавной власти, которая настолько унизила государственные порядки, что стало очень трудно найти хоть одного француза, достойного имени своих отцов».⁸ Как видим, здесь Буленвилье в новых аргументах продолжает старые традиции дворянской Фронды.

Но главное острие его концепции было обращено против буржуазии; для Буленвилье не подлежит сомнению, что завоевание поставило франков *in corpore* в положение дворянского сословия, ибо «после завоевания только они были признаны благородными, т.е. господами и владыками (*maitres et seigneurs*); слова *salique* и *noble* «были синонимы, и обозначали они собственно завоевателей Галлии, их потомков или тех, кто был с ними тесно связан».⁹ Этому сословию дворян-завоевателей противостояла завоеванная и поработанная масса галло-римлян. «Думать, что подчиненные галлы могли быть благородными, поскольку франки были неизвестными иноплеменниками и варварами, которым насилие не могло принести благородства, было бы неосновательно; достаточно было того, что галлы были завоеванными, древность происхождения уступала высшей силе завоевания. Одним словом, галлы стали подданными, в то время как франки стали «господами и независимыми».¹⁰

Таким образом, завоеватели-франки и завоеванные галло-римляне — вот для Буленвилье древняя основа сословного деления современной ему Франции. Аристократия — потомок и наследница своих германских предков-завоевателей — исторически и по праву владеет землей и господствует над своими подданными — потомками побежденных романских предков.

В накалявшейся политической атмосфере выступление Буленвилье не осталось без ответа. Этим ответом была книга буржуазного идеолога аббата Дюбо «*Histoire critique de l'établissement de la monarchie française dans les Gaules*» (1734) — труд, который, по мнению президента Французской академии Эно, произвел такую же революцию среди ученых, какую философия Декарта произвела в прошлом веке среди философов».¹¹

«Аббат Дюбо хочет устранить всякое представление о том, го франки вошли в Галлию как победители».¹² Иначе говоря, шовной удар Дюбо был направлен против главного тезиса Буленвилье — теории германского завоевания, ибо для Дюбо главная задача состояла в разрушении того основания, на котором держалась вся концепция его противника. В противовес тезису о германском завоевании Дюбо утверждает, что «в Галлии не происходило ничего подобного».¹³ Автор рисует картину совершенно противоположную. Для него франки были вовсе не свирепыми и искусными завоевателями, а сравнительно мирными соседями Римской империи. Начиная с III в. они уже римские союзники и защищают границы империи от вторжения других варваров; как федераты они селятся на гальских землях, служат в римской армии, платят римлянам налоги и зачастую рассматриваются как подданные императора. Редкие набеги отдельных франкских племен были не больше как случайными эпизодами, не нарушавшими общей картины добрососедских отношений.

С ослаблением империи в начале V в. франки расселяются по отдельным провинциям Галлии; но это были все те же союзники римлян; вместе с римлянами они отражают нашествие Аттилы, вместе с ними воюют против других варваров. В обстановке, когда империю со всех сторон теснят враги, франкские короли как защитники и союзники Римской империи получают от императора военную власть; «они считали за честь быть облеченными этими функциями, императоры, со своей стороны, не видели ничего опасного в передаче им этих полномочий, поскольку... военные полномочия со времен Константина Великого не давали чиновникам (*officiers*), которые ими наделялись, никаких прав ни в судебной, ни в финансовой области».

С воцарением в Риме Одоакра (а этот факт для Дюбо вовсе не означал падения Западной империи) в областях Галлии наступило своего рода безвластие. «С одной стороны, эти области не признавали власти Рима, абсолютным владыкой которого был Одоакр; с другой стороны, император Восточной империи, которому они были подчинены, был слишком далеко, чтобы ими управлять».¹⁵ В этих условиях единственной законной властью в отдельных частях Галлии оказались римские чиновники. Одним из них и был король салических франков Хильдерик, оставивший в наследство своему сыну Хлодвигу три небольших княжества.

«Обстоятельство, которое сделало сильным нового салического короля, заключалось в том, что он по восшествии на трон облек себя полномочиями империи, которыми обладал его отец».¹⁶ Все завоевания Хлодвиги не только не были направлены против империи, но фактически совершались от ее имени: война Хлодвиги с Сиагрием была войной двух римских чиновников, а его войны с другими княжествами были войнами с варварами, и велись они по просьбе римлян и духовенства, живших в этих провинциях и ждавших от единоверных франков своего освобождения.

Франкская монархия особенно укрепилась после того, как восточно-римский император Анастасий утвердил за Хлодвигом все его завоевания и возвел его в звание римского патриция. Это дало Хлодвигу «полномочия гражданской власти на всех территориях, где он имел военную власть»,¹⁷ и сделало его фактически полновластным правителем франкского государства. Отныне к салическому королю обращались как к консулу, точно так же как раньше обращались к самому императору».¹⁸ Окончательным признанием законности власти франкских королей была передача императором Юстинианом ближайшим Преемникам Хлодвиги всех юридических прав римских императоров на Галлию; «он передал этим актом французской монархии все права монархии римской, которые она имела по отношению к Галлии».¹⁹

Франкское государство, следовательно, является прямым продолжением Римской империи, и потому было бы заблуждением считать галло-римлян «нацией, поработанной игом завоевателя». «В самом же деле, мы видим, что при наших королях — Меровингах — старые обитатели Галлии, все, которые тогда назвались римлянами, пользовались полной собственностью на се свое достояние, им было позволено жить согласно римскому праву, они имели доступ ко всем должностям, в том числе и к военным».²⁰ В конце царствования Каролингов германские пришельцы окончательно ассимилируются с коренным населением, образуется единая нация французов.

Таким образом, по мнению Дюбо, переход от античности к средневековью не знал разрыва; это был непрерывный и плавный поток, который поглотил без остатка мифических «завоевателей». «Это утверждение одинаково оскорбительно и для наших знатнейших родов, и для трех великих династий, ... царствовавших над нами», — заметил по этому поводу Монтескье.²¹

Феодальные права французского дворянства, по мысли Дюбо, следовательно, никак не могли быть связаны с завоеванием уже по одному тому, что самого факта завоевания в действительности не было. Дворянские привилегии, по мнению Дюбо, имеют совершенно иное и притом более позднее происхождение. Они появляются в IX—X вв., когда аристократы, пользуясь ослаблением королевской власти, узурпировали права и достояние народа. Отсюда сам собой напрашивался вывод, что дворянство имело право господствовать над народом в силу завоевания, а народ имел все исторические права свергнуть дворянство как узурпатора своих исконных прав.²²

Спор Буленвилье и Дюбо не остался эпизодом; круг участников спора стал расширяться, и одним из этих участников был Монтескье. В «Духе законов» автор, скупой на слова, вступает в пространную и довольно резкую полемику с Дюбо, ибо, по заявлению Монтескье, его собственные мысли «беспрерывно противоречат» мыслям аббата Дюбо. Монтескье подчеркивает, что, несмотря на то, что сочинение Дюбо «написано с величайшим искусством», все же, «присмотревшись внимательно, находишь перед собою невероятных размеров колосса на глиняных ногах».²³

Поставив себе задачу «...вырыть, как бы из бездны, древние преимущества нашего дворянства, которые в течение одиннадцати веков покрывались прахом, кровью и потом», он приходит к выводу, что завоевание есть несомненный исторический факт, перенесший на гальскую почву французское дворянство, органически выросшее из древнегерманской старины, и что Дюбо «впал в большие ошибки, потому что больше имел в виду графа де Буленвилье, чем разрабатываемый предмет».²⁴ Но в то же время Монтескье выступает в роли арбитра между спорящими сторонами и полемизирует не только с Дюбо, но попутно и с его противником. Дело в том, что взгляды автора «Духа законов», безусловного германиста, совпадают со взглядами Буленвилье далеко не всеми точками. В отличие от Буленвилье Монтескье вовсе не отрицает известного значения римских элементов в истории Франции. Далее, если для Буленвилье завоевание было исключительным и решающим событием, то Монтескье рассматривал завоевание лишь как один из этапов формирования французского дворянства. Окончательное складывание всей системы дворянских привилегий, когда «политическое правление»

Одним из последних представителей романизма предреволюционного периода бы Перрисье (Perricier. De l'etat civil des personnes et de la condition des terres dans les Gaules, 1786), считавший, что римская цивилизация поглотила германские элементы, а римские институты продолжали сохраняться в течение веков, определив существенным образом развитие Франции было уничтожено «правлением феодальным», — это, согласно Монтескье, процесс более длительный, чрезвычайно сложный и шедший вовсе не прямолинейно. Кроме того, Монтескье как просветитель далек от идеализации ранней истории французского дворянства. Он утверждает, что памятники той поры «обнаруживают перед нами, с одной стороны, народ жестокий и дикий; с другой — королей, не менее жестоких и диких. Они проявляли склонность к убийствам, несправедливостям и жестокостям потому, что весь народ был таким».²⁵

Таким образом, совершенно отчетливо определилась тенденция, характерная для французской историографии XVIII в.: дворянские писатели неизменно выступают с позиций германизма, в то время как буржуазные идеологи обычно придерживаются романистической точки зрения. Но было бы несомненной ошибкой связывать французский германизм или романизм. В XVIII в. лишь с одной какой-либо классово-идеологией. Это не было бы верно лишь по отношению к дворянским идеологам, никогда не покидавшим почву германизма, ибо германское завоевание было для них наиболее удобным предлогом для исторического оправдания дворянских привилегий. Но быть германистом еще вовсе не значит быть дворянским идеологом. Германизм и романизм были историческими теориями, которые служили тем или иным целям в зависимости от того, какое содержание в них вкладывалось; и французский антифеодальный лагерь XVIII в., обычно используя романистическую концепцию, в то же время в отдельных случаях вел борьбу с дворянской идеологией и на почве излюбленного дворянством германизма.

Дворянские идеологи во Франции, как правило, выступали в той или иной форме под флагом германизма. В предреволюционную эпоху эта линия проходит от Буленвилье до придворного историка Моро (Moreau), выступившего накануне революции с книгой «Principes de morale, de politique et de droit publique» (1777). В отличие от Буленвилье, ратовавшего за ограничение королевской власти в пользу дворянства, «смирнейший и послушнейший служитель и верно-подданный» Моро ставит своей главной задачей доказать изначальность королевского суверенитета. Исходной точкой для Моро является завоевание, так как «французская монархия создавалась только в Галлии» (т.1, стр.288). «Это завоевание было сплошным триумфом Хлодвига»; «народы, покинутые своими законными правителями, взывали о помощи к власти благодетельной и справедливой; всего лишь одно сражение доставило ему остатки Римской империи в Галлии» (стр.296). Именно такой властью «благодетельной и справедливой» и было государство Хлодвига, который «по отношению к прежним подданным империи был самым мягким и самым гуманным из завоевателей» (там же). Он повелевал дворянством, а что касается церкви, то она «признала королей и не коснулась их власти» (стр.361). Главный результат завоевания состоял в том, что Хлодвиг, основатель французской монархии, «занял место императора, захватил власть, которая им больше уже не принадлежала, и завоевал новых подданных...» (стр.363).

Это особенно отчетливо можно проследить на примере аббата Мабли. В своей работе «Observations sur l'histoire de la France» (1765) Мабли, идеолог крайнего левого крыла французских просветителей, утопист и сторонник народного суверенитета, строит историю Франции, исходя из германских начал. Для него истоком народовластия является германский общественный строй древних франков, принесенный ими в Галлию.

«Война и охота были единственным занятием французов; их стада и рабы... составляли все их богатство»;²⁶ «вместо законов у них были, как правило, только грубые обычаи, охраняемые традицией»;²⁷ «...общее собрание, называемое мартовским полем, было носителем законодательной власти, а совет, состоявший из короля и знати, был наделен только властью исполнительной...»²⁸ Римской деспотической власти Мабли противопоставляет такой германский общественный строй, где франки были «...безусловно свободными Народ отважный, грубый, без отечества, без закона, где каждый гражданин-солдат жил только добычей, где каждый не хотел быть стесненным каким бы то ни было наказанием и карался смертью только за измену, разбой или трусость, где мог быть только военачальник (capitaine), но не монарх».²⁹

Вторжение франков в Галлию, по мнению Мабли, носило характер несомненного завоевания. «Земель, зданий, рабов, стад каждый захватывал сколько мог и устраивал домен более или менее значительный, смотря по жадности и силам или значению, которое он имел среди нации».³⁰ Но это было такое завоевание, которое на первых порах не нанесло ущерба свободе франков, а для завоеванных галло-римлян было безусловным благодеянием. Внутренний строй франков еще длительное время остается прежним, так как «французы не имели других идей, кроме идеи свободы; они, как и другие германцы, своих рабов почитали за людей, и тирания, несмотря на весь грабеж и разбой, была им несвойственна».³¹ «Нация, попрежнему свободная, образовала настоящую республику, правитель которой был не кем иным, как первым чиновником... Мартовские поля еще собирались, знать продолжала составлять совет короля».³²

Что же касается завоеванных галло-римлян, то, несмотря на то, что «французская нация» в целом господствовала над различными завоеванными народами, тем не менее это господство по фактическим освобождением от римской тирании, так как все те повинности, которые взимались со своих подданных алчными расточительными императорами, были ликвидированы при владычестве французов». ³³ В политическом отношении галло-римляне были равны франкам; перед государством «они несли же повинности, что и французы». ³⁴

Но уже при Меровингах начался упадок народного правления. «Вместо того чтобы поселиться в одном месте, французы поселились по всему завоеванному пространству; между ними не сохранилось никакой связи, силы нации стали дробиться и исчезать; граждане не имели теперь общих интересов и не могли прежней бдительностью наблюдать за поведением своих вождей. Забота о приобретении добычи раньше связывала каждого со всей нацией, поскольку никто не располагал возможностью ее захватить только своими силами; этого уже не существовало после завоевания; каждый француз был занят приобретением имущества, был поглощен извлечением выгод из своих новых владений и борьбой с соседями из-за этих благ. Общественное дело было принесено в жертву частным интересам, а это измерение в нравах вскоре привело к изменению в политическом Правлении». ³⁵ Мартовские поля перестали собираться, и народный суверенитет был узурпирован советом, состоявшим из короля, епископов и служилых людей.

Чтобы создать себе опору в лице духовенства и служилой знати, король раздавал им земли, а вместе с ними и юрисдикцию над сидящим на этой земле населением. В этой юрисдикции Мабли видит «корни аристократии и народного порабощения». Рост богатства и политического могущества аристократии находит свое завершение в постановлениях Парижского съезда феодалов в 615 г., где была узаконена наследственность ленов. ³⁶

В конечном счете образуется союз узурпаторов — короля, дворянства и духовенства, которые совместными усилиями поработили нацию. Мабли мало интересуется борьбой внутри феодального лагеря — между королем, дворянством и церковью; для его основным фактом всей истории Франции является раскол Французской нации на две непримиримые части — лагерь феодальных угнетателей и лагерь угнетенного народа, историческая миссия которого состояла в том, чтобы вернуть свой утерянный суверенитет.

Далее германист Мабли весьма решительно выступает против романиста Дюбо. Он считает, что вся романистическая концепция Дюбо — это «...версия, которая не имеет иного основания, кроме чрезмерной смелости строить предположения и нескольких мест из книг, темных и невразумительных; она может иметь значение только для тех умов, которые почти бесполезно выводить из заблуждения». ³⁷

Но проблема германизма и романизма во Франции была объектом не только специальных исторических исследований; накануне революции, когда идеологическая борьба достигла наибольшей остроты, германо-романский вопрос становится составной частью политической публицистики. Мы его встречаем, например, в знаменитой брошюре аббата Сийеса: «Что такое третье сословие?», вышедшей в январе 1789 г. и являвшейся политической программой буржуазии. Сийес использует эту проблему как средство политической агитации. Его не интересует вопрос, было ли в действительности германское завоевание или его вовсе не было. В одинаковой мере он готов допустить и то и другое, и на оба случая у него готов ответ.

Если аристократы являются потомками подлинных завоевателей и если они теперь «...пытаются удержать народ в угнетении, то народ осмелится спросить их — по какому праву? Если они ответят, что по праву завоевания и захотят сослаться на давнишние события, то... третьему сословию нечего бояться таких воспоминаний», ибо «...происхождение от галлов и римлян, по крайней мере, так же почетно, как от сикамбров, вельфов и других диких племен, вышедших из лесов и болот древней Германии». Если на это возразят, что завоевание сделало происхождение от германцев более почетным, то следует «снова опрокинуть взаимные отношения тем, что третье сословие, в свою очередь, станет завоевателем и тем приобретет право на благородство». И Сийес иронически замечает: **«Почему бы, в самом деле, не препроводить обратно во Франконские леса все те семьи, которые сохраняют безумные притязания на права первоначальных завоевателей Франции? Нация, освободившись от завоевателей, вероятно, кое-как утешилась бы в том, что ей пришлось бы считать своими родоначальниками одних только галлов и римлян».**

«Если же привилегированные вовсе не являются прямыми потомками завоевателей..., то что можно сказать о преступной наглости, с которой аристократы ненавидят, презирают и угнетают своих братьев?» ³⁸ Кто бы ни были французские аристократы — потомки ли завоевателей или самозванные узурпаторы, вывод один: аристократия должна быть свергнута.

Таким образом, исторические теории германизма и романизма в действительности были лишь выражением политических концепций буржуазии и дворянства. Но не обошлось и без попыток примирить эти крайние точки зрения. Такой попыткой была книга президента Французской академии Эно «Histoire critique de l'établissement des Français dans les Gaules». Для Эно ясен политический смысл обеих борющихся теорий, и именно поэтому он ставит своей задачей

нейтрализовать политическую остроту спора: «Будем рассуждать о наших законах, чтобы лучше их знать, но не для того, чтобы их обойти или разрушить».³⁹ В этом его политическое credo. Он поучает спорящие стороны, что «никогда нельзя оправдывать новых обычаев обычаями старыми; то, что прошло, не имеет значения для того, что должно быть».⁴⁰ Признавая заслуги обеих сторон и одновременно оспаривая их главные выводы, Эно заявляет, что его точка зрения является «серединой между этими двумя системами, и она кажется нам более соответствующей действительности».⁴¹

Эту примирительную позицию автор занимает по всем спорным вопросам, в частности и по центральному вопросу — о германском завоевании. «Мы думаем, вопреки Буленвилье, — заявляет он, — что франки имели настоящих королей и что Хлодвиг был таким королем; но это не имеет ничего общего с внезапным вторжением..., когда франки, бросившись на Галлию, якобы ввергли ее жителей в порабощение. Мы не согласны с этим, без основания смелым, автором. Мы думаем..., что Хлодвиг завоевал Галлию, но мы убеждены, что франки обосновались здесь задолго до Хлодвига и что их связи с римлянами способствовали легкости завоевания. Мы верим вместе с аббатом Дюбо, что Хлодвиг был должностным лицом Римской империи, что духовенство и религия много способствовали его успехам; но мы не верим, что народы Галлии, вопреки своим законам, призвали его править собою... Одним словом, я считаю Хлодвига больше завоевателем, чем политиком, в то время как аббат Дюбо делает из него больше политика, чем завоевателя».⁴²

Характеризуя общественный строй в Галлии после завоевания, Эно еще раз подчеркивает, что если Хлодвиг и был завоевателем, то во всяком случае он «не принес ига; это был новый господин, но не тиран; народы, включенные в его государство, наблюдали перемену короля без каких-либо перемен в общем положении, ибо завоеватель принял обязанности своих предшественников. Он сохранил установившиеся законы, которые здесь нашел; пахари в своих деревнях, возможно, долгое время и не знали, что трон переменил своего владельца; наконец, новый король приобретает новых подданных силой, а будет их оберегать добротой и умеренностью».⁴³

В условиях надвигавшейся революции компромиссная концепция Эно объективно была защитой абсолютистского режима во Франции; не случайно автор призывал к соблюдению существовавших законов. Но такого рода точка зрения не удовлетворяла ни одну из спорящих сторон; характерно, что объемистый труд маститого французского ученого в то время не был напечатан; написанный не позже 60-х годов XVIII в., он увидел свет только в 1801 г.

Таково было отражение германо-романской проблемы в идеологической борьбе, развернувшейся накануне французской буржуазной революции. Но заслуживает внимания вопрос о том, какое место занимает эта проблема как составная часть идеологической подготовки революции в общей системе буржуазной идеологии эпохи Просвещения. Это можно установить, лишь рассмотрев наиболее существенные черты французской антифеодальной идеологии XVIII в. в целом.

Идеологическая подготовка французской буржуазной революции конца XVIII в. велась, как известно, широким блоком различных общественных сил: крайнего правого крыла буржуазии, главным образом служилой и денежной знати — в лице Монтескье, лагеря основных масс буржуазии — в лице Дюбо, Вольтера и энциклопедистов, лагеря революционной демократии, представителем которого был Руссо, а также идеологами плебейско-утопического лагеря — Мабли и Морелли. Это были духовные отцы будущих фельянов, жирондистов, якобинцев и бабувистов — представителей основных течений во французской буржуазной революции. И пока не грянула революция, будущие противники выступали единым фронтом против общего врага; именно их объединенные усилия создали знаменитую эпоху Просвещения во Франции. «Великие люди, просветившие французские головы для приближавшейся революции»,⁴⁴ разными путями шли к единой цели.

Основной когортой просветителей были энциклопедисты, ибо они выполняли главную задачу в идеологической подготовке революции; эта задача заключалась в теоретическом обобщении опыта предшествовавших буржуазных революций, в выработке теоретических основ буржуазной революции в собственной стране и в разрушении идейных устоев феодализма. Именно в этом и состояла главная идеологическая миссия французской буржуазии по сравнению с буржуазией других стран. Философские основы революции во Франции создавались при более прогрессивных условиях, чем те условия, какие имела буржуазия стран ее ранних революций. Французские просветители «имели уже перед собой, помимо английской теории и предшествовавшего развития голландской и английской буржуазии, также и борющуюся за свое свободное развитие французскую буржуазию».⁴⁵

Другими словами, перед идеологами французской буржуазии уже был исторический опыт двух ранних буржуазных революционеров, который нуждался в обобщении и имел огромное политическое значение для буржуазии в борьбе с феодализмом; именно поэтому теория французских просветителей носила, по выражению Маркса и Энгельса, «своеобразный универсальный характер»; именно в силу этого теория, которая «была у англичан просто

констатированием известного факта, становится у французов философской системой».⁴⁶ Основным полем борьбы с феодализмом для французских просветителей была прежде всего философия, и вполне естественно поэтому, что их борьба была направлена по преимуществу против идеологических основ и традиций феодального строя, носителем которых была церковь. В походе энциклопедистов против феодализма борьба с церковью была направлением главного удара, «Ecrasez l'infame» — главным лозунгом, рационализм и материализм — их главным оружием. В этом направлении они продвинулись дальше этого — философской науке они дали французский материализм. Этих высот французские просветители не достигли ни в какой другой науке; в частности, в науке исторической они остались идеалистами, а в критике абсолютизма они не пошли дальше идеалов конституционной монархии. Тем не менее французское Просвещение наложило свой отпечаток на всю идеологию третьего сословия и определило все характерные особенности исторической науки этой эпохи.

Во-первых, этот «своеобразный универсальный характер» сказался в том, что французские просветители обычно в истории оставались философами; они были прежде всего социологами, а не историками в собственном смысле слова; свою задачу они видели не в исследовании отдельных исторических проблем, а главным образом в освоении опыта мировой истории. Такие социологические работы просветителей или их учеников, «Дух законов» Монтескье, «Опыт о нравах и духе народов» Вольтера, «Общественный договор» Руссо, «Очерк истории развития человеческого разума» Кондорсе, «Введение во французскую революцию» Барнава и ряд других, были типичны для просветителей, независимо от их политических направлений.

Во-вторых, рационализм просветителей был непосредственной причиной их нигилизма по отношению ко всему средневековью. Для просветителей средневековье было врагом. Это значит, что изучение средневековья, в частности средневековой Франции, у большинства просветителей носило негативный характер. Если Монтескье, Дюбо и Мабли видели в истории древней Франции не только тени, но и свет, искали там страницы истории собственного класса, то для большинства просветителей все прошлое Франции, лежавшее за пределами Ренессанса, представлялось зловещим, ибо оно противоречило разуму; «все подвергалось их беспощадной критике, все призывалось пред судилище разума и осуждалось на исчезновение. Разум стал единственной меркой, под которую все подводилось... Все старые общественные и государственные формы, все традиционные понятия были признаны неразумными и отброшены, как старый хлам». Вольтер во всех своих произведениях и особенно в «Орлеанской девственнице» не пощадил даже лучшие традиции феодальной Франции.

В-третьих, политический нигилизм просветителей по отношению к средним векам делает понятным, почему они ищут свои политические идеалы не в средневековой Франции, а в других странах и в другие времена. Для буржуазной части просветителей обетованной землей была Англия, а ее конституция — скрижалями свободы; в отличие от этой группы просветителей демократ Руссо и утопист Мабли свои идеалы народного суверенитета находили в далеких античных «демократиях».

Все эти особенности историографии эпохи Просвещения с несомненной ясностью показывают, что для всех крупнейших представителей этой эпохи средневековое прошлое Франции и германо-романский вопрос как его часть оказались в стороне от основных направлений, по которым двигалась мысль просветителей: их социологизм растворял историю Франции в истории человечества, их нигилизм по отношению к средневековью неизбежно исключал изучение этого вопроса, а поиски политических идеалов также уводили просветителей в сторону от этой проблемы. Это значит, что германо-романский вопрос не принадлежал, так сказать, к генеральным проблемам французского Просвещения; в подготовке революции он играл роль проблемы вспомогательной. Из крупнейших просветителей им непосредственно занимался только Монтескье, однако следует заметить, что и у него этот вопрос не занял большого места; исторические главы «Духа законов», посвященные этой проблеме, являются второстепенными и резко контрастируют с общим социологическим характером и всей структурой сочинения.

Но все это несколько не снижает большого политического значения германо-романской проблемы. Борьба вокруг этой проблемы представляла собой как бы второй фронт французского Просвещения. Занимая второстепенное место в генеральном идеологическом наступлении против французского феодализма, этот фронт тем не менее выдерживал острую идейную борьбу; двигаясь своими путями, во многом отличными от путей крупнейших просветителей, он вместе с ними двигался к единой цели идейного и политического разгрома французского абсолютизма. Таково место проблемы германизма и романизма во французской идеологии накануне революции.

1 Thouret. Abrege des revolutions de l'ancien gouvernement francais, Paris, 1800, стр.299.

2 К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.XII, ч.1, стр.173.

3 К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.IV, стр.38.

4 N.Freret, Oeuvres completes, Paris, 1796, т.V, стр.167—168.

5 Boulainvilliers. Histoire de l'ancien gouvernement de la France, Paris, 1727, стр.24.

- 6 Там же, стр.27.
- 7 Там же, стр.26.
- 8 Там же, стр.66.
- 9 Boulainvilliers. Histoire de l'ancien gouvernement de la France, стр.36.
- 10 Там же.
- 11 Henaull. Histoire critique de l'etablissement des Francais dans les aules, Paris, 1801, стр.1.
- 12 Монтескье. Дух законов, СПб., 1900, стр.629.
- 13 Dubos. Histoire critique de l'etablissement de la monarchie francaise ins les Gaules, Paris, 1734, стр.2.
- 13 Dubos. Histoire critique ete l'etablissement de la monarchie francaise s Gaules, стр.8.
- 14 dans les Gaules, стр.8.
- 15 Там же.
- 16 Там же, стр.9.
- 17 Там же, стр.10.
- 18 Dubos. Histoire critique de l'etablissement de la monarchie francaise fas les Gaules, стр.11.
- 19 Там же, стр.12.
- 20 Там же.
- 21 Монтескье. О духе законов, СПб., 1900, стр.632.
- 22 Романистическая концепция упорно развивалась буржуазными писателями в течение всей предреволюционной эпохи. Одним из видных предъявителей этого направления является аббат Дюбуа (Dubuas), выступивший с книгой «Les origines ou l'ancien gouvernement de la France, de l'Allemagne et de l'Italie» (1757). По его мнению, ранняя история средневековой Галлии есть история мирного сожительства галло-римлян и франков, находившихся под единым управлением, но управлявшихся совершенно различными законами. «Завоевание вовсе не производит переворотов в законах и обычаях завоеванных... общее управление, местные обычаи, гражданские законы редко привлекают внимание завоевателя, так как он в этом видит строй для себя выгодный; старый строй — это оковы, в которых он находит завоеванную нацию; завоеватель далек от того, чтобы разбивать эти оковы; наоборот, ему выгоднее их укреплять. Таким было, в частности, поведение франков после завоевания Галлии. Их власть над римлянами выступала как власть консулов, патрициев или августов. Франки никогда не претендовали быть королями римлян (т.1, стр.ХІХ—ХХ). Потребовалось более двух веков, чтобы эти два корня французской нации начали, по мнению Дюбуа, постепенно срастаться, при явном преобладании римских начал.
- 23 Монтескье. О духе законов, стр.629.
- 24 Там же, стр.637.
- 26 «Collection complete des oeuvres de l'abbe de Mably», Paris, 1794-1795, т.1, стр.130.
- 27 Там же, стр.131.
- 28 Там же, стр.133.
- 29 Там же, стр.133—134.
- 30 Там же, стр.144.
- 31 Там же.
- 32 Там же, стр.145
- 33 «Collection complete des oeuvres de l'abbe de Mably», т.1, стр.146.
- 34 Там же, стр.147.
- 35 Там же, стр.155—156.
- 36 Там же, кн.1, гл.III—V. стр. 273
- 37 «Collection complete des oeuvres de l'abbe de Mably», т.1, стр.141.
- 38 Аббат Сийес. Что такое третье сословие, СПб., 1908, стр.11—12.
- 39 Henaull. Histoire critique..., т
- 40 Там же
- 41 Там же, стр.269.
- 42 Там же, стр.266—267.
- 43 Henaull. Histoire critique..., т.1., стр.238.
- 44 К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.XIV, стр.17.
- 47 К.Маркс и Ф.Энгельс, Соч., т.XIV, стр.17.
- 48 К.Маркс и Ф.Энгельс, Соч., т.IV, стр.398.
- 49 Там же, стр.399.

О взглядах Мабли и Монтескье см., например: В.Волгин, «Развитие общественной мысли во Франции в XVIII веке» (http://vive-liberta.narod.ru/biblio/volgin_soc2.pdf). Также: Мабли, «О законодательстве, или принципы законов» (<http://enlightment2005.narod.ru/private/Mably/mably.htm#lex>), «О правах и обязанностях граждан» (<http://enlightment2005.narod.ru/private/Mably/mably.htm>); С.Искуль, «Мабли — историк» (<http://enlightment2005.narod.ru/private/Mably/mably.htm#histoire>).

ГЛАВА 2. ГЕРМАНО-РОМАНСКАЯ ПРОБЛЕМА в ПЕРИОД ФРАНЦУЗСКОЙ БУРЖУАЗНОЙ РЕВОЛЮЦИИ и в ГОДЫ НАПОЛЕОНА I

Началась революция, и, казалось, умолкли споры германистов и романистов. Основным, что окрашивало идеологию революционных лет, было всеобщее увлечение античностью. Эта античная традиция не была чем-то абсолютно новым во французской литературе; своеобразные античные «демократии», как уже сказано, были образцом политического строя для левых идеологов предреволюционной Франции; новое теперь состояло лишь в том, что античная традиция стала господствующей, она превратилась во всеобщую идеологическую форму, к которой прибегали все классы — от плебейства до буржуазных верхов и все деятели — от Бабефа до Наполеона.

Это явление было вполне закономерным, ибо буржуазные идеологи «...как раз в такие эпохи революционных кризисов... заботливо вызывают к себе на помощь духов прошедшего, заимствуют у них имена, боевые лозунги, костюм и в освященном древностью наряде, на чуждом языке разыгрывают новый акт всемирной истории. Так, Лютер переодевался апостолом Павлом, революция 1789—1814 гг. драпировалась поочередно в костюм римской республики и в костюм римской империи...»¹ Это была одна из сторон того светского облика французской буржуазной революции, который отличает ее от буржуазной революции в Англии, рядившейся в религиозные одежды, в то время как французская буржуазия «думала о религии лишь настолько, насколько религия загоразживала ей дорогу».²

Господство античной традиции имело для буржуазной революции двойное значение. С одной стороны, эти иллюзорные формы обладали большой прогрессивной силой: «Камилл Демулен, Дантон, Робеспьер, Сен-Жюст, Наполеон, — герои, равно как партии и масса старой французской революции, — в римском костюме и с римскими фразами осуществили дело своего времени, — они освободили от феодальных уз и возвели здание современного буржуазного общества».³ С другой стороны, это было свидетельством неизбежной ограниченности буржуазной революции. «В классически строгих преданиях римской публики борцы за буржуазное общество нашли идеалы и искусственные формы, иллюзии, необходимые им для того, чтобы рыть от самих себя буржуазно-ограниченное содержание своей борьбы, чтобы удержать свое воодушевление на высоте великой исторической трагедии».⁴

Однако античная традиция была господствующим, но не единственным идеологическим явлением во время французской буржуазной революции. Рядом с античной традицией продолжились жить и другие предреволюционные идеи. Кондорсе своим «Очерком истории развития человеческого разума», Барнав ведением во французскую революцию» и другие писатели продолжали традиции просветителей. Идеи Вольтера, олицетворявшего не только для потомков, но и для современников французское Просвещение, теперь находили в лице этих авторов не только своих защитников, но и продолжателей и практических исполнителей. Но вместе с тем во французской исторической литературе продолжал жить и германо-романский вопрос. В чем были причины живучести этой проблемы? Если до революции появление объяснялось борьбой буржуазии за революцию, то в последующий период существование этой проблемы было снова связано с коренными интересами буржуазии. Основная задача буржуазии в революции, естественно, сводилась к захвату власти, которая могла быть завоевана в борьбе не только с дворянством, но и с революционными народными массами. Разгром якобинской диктатуры должен был обеспечить власть буржуазных верхов от посягательств как радикальной буржуазии, так и французского народа; после якобинцев наступает период буржуазной контрреволюции. Напуганная террором, «изверившаяся в своей политической способности буржуазия искала спасения сперва в испорченности директории, а потом под крылом наполеоновского деспотизма».⁵

Но противоположная опасность — угроза феодальной реставрации — продолжала оставаться. Несмотря на всю свою контрреволюционность, буржуазия всеми средствами пыталась устранить эту опасность, ибо реставрация означала бы потерю всех завоеваний, добытых буржуазией в революции. Как известно, такая опасность была вполне реальной, тем более, что угроза феодальной интервенции продолжала висеть над Францией. Именно в наличии этой угрозы реставрации и следует искать причину того, что французская буржуазия вновь и вновь поднимала германо-романский вопрос. Борьба против дворянской концепции в германо-романском вопросе в годы революции и в годы Наполеона I была продолжением политической борьбы буржуазии против попыток дворянства вернуться к власти.

В этом отношении особенно интересна книга жирондиста Турэ «Abrege des revolutions de l'ancien gouvernement francais»; автор не фигурирует в канонах историографии, но он заслуживает пристального внимания, так как его рассуждения чрезвычайно характерны для тогдашних настроений французской буржуазии, боявшейся потерять выгоды революции. Турэ написал свой труд в назидание сыну, которому он завещал свои идеи.

Автор ратует против гражданской войны внутри третьего сословия и всю вину за междоусобицу внутри революционного лагеря возлагает на якобинцев. Главным аргументом, на котором он строит свои доказательства, является тезис, что эта гражданская война будет выгодна только врагам революции. В свидетели себе Турэ призывает всю историю Франции. Типичным примером его рассуждений служит оценка им восстания Этьена Марселя. Указав, что причиной неудачи этого восстания были разногласия среди восставших, автор пишет: «Так случается со всякой нацией, которая, попытавшись отвоевать свои права, не сумеет довести до конца эту попытку. Это объясняется двумя причинами. С одной стороны, временные разногласие, встречающиеся в начале революции, утомляют граждан, и, поскольку они ценой своих жертв не добиваются более счастливой участи, апатия и уныние располагают их искать отдыха в рабстве. С другой стороны, тирания, ставшая более недоверчивой из-за опасности, которой она подвергалась, и более смелой благодаря победе, которую она одержала, использует этот упадок сил народа, чтобы наложить на него оковы еще более тяжелые и поставить народ вне государства, чтобы с ним расправиться».

Это является великим уроком для нас, чтобы довести нашу современную революцию до ее полного завершения. Этот урок не позволяет нам и думать о возвращении на старый путь. Наш долг как граждан, наш интерес как людей, наша честь как людей свободных и благородных повелевают нам принести все доступные жертвы. Если мы будем недостаточно сплоченными и остановимся на полпути, мы впадем в порабощение еще более суровое и более позорное, чем то, в котором столь долго пребывали наши отцы».⁶

Именно эта угроза феодальной реставрации заставляет Турэ, вопреки античной традиции, обратить свой взор к истории Франции, чтобы показать во весь рост ту страшную феодальную тиранию, которая двенадцать веков терзала страну. Не будучи исследователем, Турэ использует результаты исследований Дюбо и Мабли. Его книга представляет собой «extraits» из сочинений этих исследователей и сопровождается обширными комментариями самого Турэ. Автор соединяет в одну книгу сочинения романиста Дюбо и германиста Мабли, и это вполне закономерно, ибо их объединяет борьба с феодальным режимом.

Выполняя завещание отца, казненного на якобинском эшафоте, его сын Гильом-Франсуа-Антуан Турэ в 1800 г. опубликовал этот труд, написав к нему предисловие. В нем он стремится еще ярче подчеркнуть мысли отца; он противопоставляет историю Франции истории античного мира и приходит к выводу, что несмотря на то, что история Франции менее интересна, чем история греческая или римская, тем не менее она неизменно важнее, ибо нельзя ни «хорошо понять нашу революцию, почувствовать преимущества, которые являются ее результатами, если... не изучить происхождения всей массы абсурдных порождений и варварских обычаев, которые она разрушила, история монархии заставляет любить республику...»⁷ И Турэ считает, что лучшим пособием для этой цели являются работы Дюбо и Мабли. Он в свою очередь выступает как завещатель идей Дюбо и Мабли французскому юношеству, так как идеи помогут новому поколению французов лучше «понять происхождение и грандиозные размеры несправедливости (abus), существовавшей вплоть до революции».⁸

Произведения, подобные комментарию Турэ, были типичным явлением для всей буржуазной литературы по германо-романскому вопросу на протяжении всего периода 1789—1814 гг. Обращает на себя внимание тот факт, что почти вся литература этих лет, посвященная проблеме германизма и романизма, представляет собой только переиздание трудов дореволюционных авторов, где новым являются лишь комментарии или восторженные предисловия. В течение революции и наполеоновских лет почти все работы упоминавшихся ранее авторов были переизданы, а некоторые их труды впервые увидели свет.

Одним из первых вышло полное собрание сочинений Мабли, чрезвычайно популярного в эти годы. Арну в «Eloge historique» сочинениям Мабли писал: «Чтобы управлять людьми и направлять их к счастью, как этого требует их природа, нужно знать, нужно вдохнуть пламень в глубины человеческого сердца, нужно иметь таланты, знания и добродетель. Мабли представляет это сочетание; он размышлял над нами, он писал о нас, его сочинения являются наследством, которое он завещал нам, и этим принес нам пользу. Наше счастье было предметом его долгих трудов, он проложил путь, по которому мы должны следовать, чтобы достигнуть этой цели; остережемся же ошибок и пороков, которые мешают нам двигаться к нашей цели».⁹

В эти же годы вышел «Conservateur» Франсуа (из Невшателя), где мы находим все те же «extraits» из сочинений Дюбо. Франсуа был политическим единомышленником Турэ-отца и вместе со своим другом разделял преклонение перед Дюбо; издается собрание сочинений Фрерэ — первого романиста XVIII в.; впервые печатается книга Эно «Histoire critique de l'établissement des Français dans les Gaules» (1801) и т.д. Буржуазия продолжает жить идейным наследством эпохи Просвещения, но не дальнейшая разработка германо-романской проблемы, а пропаганда идей дореволюционных писателей составляет ее главную заботу; буржуазия в эти годы как бы предпочитает делать историю, а не писать о ней.

Все это, однако, говорит о том, что германо-романская проблема не была для французской буржуазии уже исчерпанной; эти идеи продолжали быть политически актуальными, составляя неотъемлемую часть идеологической борьбы буржуазии как во время революции, так и в течение всего послереволюционного периода. Этот вопрос не потерял своего значения и для свергнутого дворянства. Правда, наиболее активная его часть ушла в эмиграцию или была дезорганизована якобинским террором; легальные возможности для дворянской литературы были сужены, дворянские идеи были крайне непопулярны во Франции, буржуазная идеология здесь господствовала почти безраздельно. Но тем более воинствующей становилась дворянская идеология; не только в эмиграции, где дворянство неистовствовало, но и в самой Франции не прекращались попытки отстоять дворянские идеи, в том числе и в исторической науке.

Одной из таких попыток была книга m-lle Lezardiere «Theorie des lois politiques de la monarchie française» (1792), рассматривавшая историю Франции с позиций дворянского германизма. Но особенно заслуживает внимания многотомная работа вернувшегося из эмиграции графа Монлозье «De la monarchie française depuis son établissement jusqu'à nos jours», написанная по заказу Наполеона. Перед автором была поставлена задача исторически оправдать наполеоновский переворот и увековечить гений Наполеона. На деле же труд Монлозье оказался попыткой дворянского идейного реванша. Решающее место в этом произведении занял и германо-романский вопрос.

Прежде всего бросается в глаза тот факт, что Монлозье не решается выступать так же открыто, как это делали дворянские писатели до революции и как это потом сделал сам Монлозье в годы реставрации. Убеденный сторонник теории германского завоевания как причины господства дворянства во Франции, он вынужден был свой воинствующий дворянский германизм прикрывать густой завесой благонамеренных рассуждений. Он усиленно подчеркивает свой нейтралитет в споре романистов и германистов. «Одни рассматривали наши учреждения как результат войны и завоевания и относили это к эпохе вторжения варваров, другие приписывали все тирании и узурпации одной касты и рисовали это как результат ослабления королевской власти...»¹¹ О себе же автор заявляет: «Я остерегаюсь от участия в этих спорах, они мне кажутся совсем излишки».¹² Монлозье с самого начала пытается доказать, что он всем не собирается преувеличивать значение германских элементов в истории Франции: в частности, он указывает, что сама французская нация — это синтез римской, галльской и германской народностей, что ее происхождение «есть не что иное, (с происхождение трех великих наций, из которых она составилась)».¹³

Рассматривая вопрос о германском завоевании, он доказывает, что его точка зрения не имеет ничего общего с теориями революционных дворянских писателей. По его мнению, франкское завоевание не могло иметь какого-либо отношения к формированию французского феодализма, а, следовательно, и к установлению социального и политического господства дворянства. Для Монлозье феодализм был своего рода естественной и излюбленной категорией, существовавшей задолго до завоевания и независимо от него, а «все, доньше написанное о причинах и нисхождении феодального правления, есть лишь нагромождение заблуждений, пустяков и лжи».¹⁴ По адресу Буленвилье и подобных он восклицает: «Феодальный порядок, принесенный франками! Это невозможно!»¹⁵ Не менее решительно выступает Монлозье против историков типа Дюбо. «Я буду утверждать, — пишет он, — что мнимой узурпации прав сеньера, о которой часто говорят современные произведения, никогда не было в действительности; на самом деле юрисдикция сеньеров, якобы захваченная ими при ослаблении королей второй династии, гораздо древнее, чем сама монархия; это же можно сказать и о феодальных повинностях, о закрепощении и частных войнах».¹⁶

В конечном счете франки представлены не в качестве завоевателей, а в качестве «древнего народа», исстари господствовавшего в Галлии. И все это понадобилось Монлозье для того, чтобы изобразить узурпаторами не дворян, а буржуазию. Оказывается, что с появлением городов рядом с «древним народом» вырастает «новый народ», сформировавшийся из беглых рабов, крепостных, вольноотпущенников и всяких подонков общества. Этот народ, представлявший собой разбойничью массу без роду, без племени, без традиций, противопоставил себя дворянству и стал готовиться к перевороту. «В государстве жили два различных народа. Один — древний, обладавший всякими званиями и блеском, другой — совсем молодой, домогавшийся приобрести значение и обладавший силой. В течение некоторого времени они жили рядом друг с другом, имея различный режим и различное происхождение. Наконец, они стали мешать один другому, столкнулись и бросились друг на друга. Новый народ... поставил у власти монарха, с помощью которого он захватил все должности в государстве... Рождается новая свобода, которая разрушила старую свободу, новая вольность, которая уничтожила старую вольность, новое публичное право, которое отменило старое публичное право».¹⁷ Древний народ «склонился перед законами, которых не признавали их отцы... В этом всеобщем перевороте законы Франции были признаны законами иностранными, а законы иностранные стали законами Франции. Свобода древнего народа уже перестала быть привилегией, его прежняя независимость стала именоваться

варварством, его старый строй — анархией. Наконец, чтобы закрепить это положение на будущее, малейшее недовольство со стороны древнего народа было объявлено бунтом, малейшее сопротивление — мятежом».¹⁸

Так началась борьба буржуазии и дворянства, история которой, по мнению Монлозье, есть история бесконечных преступлений буржуазии против законных господ Франции. Сначала буржуазия вела борьбу с дворянством при помощи абсолютной монархии, а затем, когда монархи перестали слепо выполнять волю буржуазии, она обратила свой удар и против самих монархов. Революция конца XVIII в. является последним звеном в этой цепи преступлений буржуазии, когда подверглись преследованиям не только права и собственность дворянства, но и сама старая монархия была разрушена. Монлозье подводил читателя к выводу, что пора, наконец, буржуазию, эту «расу рабов», подчинить законному порядку и поставить на свое место.

Таким образом, приспособляясь к наполеоновскому режиму и отрицая одиозную для буржуазии идею о германском завоевании, Монлозье в иной форме пытается обосновать право дворян на власть. Вполне естественно, что книга Монлозье была запрещена. Буржуазия, терпимо относившаяся к распространению во Франции произведений Шатобриана, де Местра и других идеологов дворянства, сама увлекавшаяся романтизмом, становившимся модным уже в 90-х годах XVIII в., в то же время решительно боролась не только с возможностью дворянской реставрации, но и с попытками в какой-либо форме исторически оправдать господство дворянства. Книга Монлозье рассматривалась как одна из таких попыток.

Следовательно, в течение всего периода 1789—1814 гг. германо-романский вопрос не сходил со страниц французской исторической литературы, как буржуазной, так и дворянской; при этом у дворянства он стоит на одном из первых мест; что же касается буржуазной историографии этого периода, то здесь он занимает место безусловно второстепенное по сравнению с античными идеями или с социологическими построениями просветителей типа Кондорсе и Барнава. Но так или иначе, германо-романская проблема продолжала оставаться в арсенале идеологической борьбы не только дворянства, но и буржуазии, которая мобилизовала весь авторитет своих духовных отцов и как бы заставила их сражаться рядом с собой в эти годы.

Наступившая затем реставрация и окончательная победа нового исторического направления — романтизма — выдвинули германо-романский вопрос как одну из главнейших политических проблем всей французской историографии.

1 К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.VIII, стр.323.

2 Там же, т.XIV, стр.656.

3 К.Маркс и Ф.Энгельс, Соч., т.VIII, стр.323—324.

4 Там же, стр.324.

5 Там же, т.XIV, стр.259.

6 Thouret. Abrege des revolutions..., стр.193—194. Написано 1794 г., опубликовано позже.

7 Thouret. Abrege des revolutions..., стр.VII—VIII.

8 Там же, стр.VII.

9 «Collection complete des oeuvres de l'abbé de Mably», т.I, стр.11.

10 Несмотря на то, что книга была опубликована только в годы реставрации, тем не менее об отношении автора к германо-романской проблеме необходимо сказать в данной главе, так как его книга формулирует брянскую точку зрения по этому вопросу в годы, когда свергнутое дворянство боролось за новый захват власти

11 Monllosier. De la monarchie française depuis son établissement qu'à nos jours, Paris, 1814, т.1, стр.7.

12 Там же, стр.2.

13 Там же, стр. 8.

14 Там же, стр.2—3.

15 Там же, стр.98—99.

16 Monllosier. De la monarchie française depuis son établissement jusqu'à nos jours, Paris, 1814, т.1, стр.2.

17 Там же, стр.163—164. Монлозье имеет в виду установление абсолютизма во Франции.

18 Там же, стр.165—166.

В.Сергиенко, «Конституционные монархисты - эмигранты времен Французской революции» (http://vive-liberta.narod.ru/journal/monarch_serg1.pdf).

ГЛАВА 3. ГЕРМАНО-РОМАНСКИЙ ВОПРОС В ПЕРИОД РЕСТАВРАЦИИ

Разгром наполеоновской Франции определил судьбу Европы не только в политическом, но и в идейном отношении. Политическая победа феодальных начал была предпосылкой и непременным условием победы нового направления в европейской культуре — дворянского романтизма. Как известно, романтизм был явлением чрезвычайно сложным; в руках различных классов он играл различную роль, но его дворянское происхождение несомненно: он родился

именно из борьбы дворянства и его победы над французской революцией, над идеологией Просвещения. Победившее дворянство как бы навязало побежденным свою идеологическую форму. Нечего и говорить, что эта победа была лишь временной.

В исторической науке романтизм был прямой попыткой идейного разгрома французской революции. Царству буржуазного равенства и свободы было противопоставлено царство дворянской диктатуры и неравенства сословий, рационализму и вольнодумству — величие католической церкви, пренебрежительному третиюванию средних веков — культ средневековья и т.д. Своего рода идейным арсеналом, откуда дворянство черпало аргументы для утверждения своего господства, всегда были средние века, и естественно, что они теперь оказались одним из тех исторических периодов, куда переместился центр борьбы политических течений в историографии.

Ярче всего эти новые явления сказались во Франции, ибо здесь более непосредственно и в более острой форме ощущались наступившие политические перемены. Реставрированная при помощи иностранных штыков монархия Бурбонов пыталась вернуть Францию к феодальному прошлому, а дворянская историография была призвана идеологически обосновать историческую неизбежность торжества дворянства; получив теперь преимущества наступающей стороны, она со всей страстностью и злобой повела атаку на исторические идеи буржуазии.

Наиболее видным представителем дворянской историографии в годы реставрации во Франции был все тот же граф Монлозье, который получил теперь полную свободу для проповеди своих идей. В 1814 г. он издает ранее запрещенную книгу «De la monarchie française depuis son établissement jusqu'à nos jours», прибавив к ней главу «Le retour de la maison de Bourbon», пишет новую работу «De la monarchie française depuis le retour de la maison de Bourbon», являющуюся продолжением первой. Эти части, написанные заново, должны были дополнить и исправить все недоговоренности первой книги, написанной в иных цензурных условиях.

Концепция Монлозье заслуживает внимания потому, что она вилась не только хранилищем дворянского исторического наследия XVIII в., но была его дальнейшей разработкой. Дворянскую теорию о германском завоевании, свои симпатии к которой он теперь не скрывал, Монлозье развил в теорию борьбы масс, поставил с предельной политической остротой все спорные вопросы и определил всю проблематику спора между дворянской и буржуазной историографией в годы реставрации. Здесь по сути дела были уже сформулированы основные вопросы, которые получили последующее развитие — более талантливое и с других позиций — у знаменитых буржуазных историков времен реставрации.

По теории Монлозье, государство создается путем завоевания, а неизбежным результатом этого завоевания является борьба двух народов — расы победителей и расы побежденных. История каждого государства и есть история подобного рода расовой борьбы. В Риме это была борьба между сенатом и народом, в Англии — борьба тори и вигов, во Франции — германцев и галлов и т.д. Каждое государство у Монлозье, естественно, «разделено на две части, которые взаимно рассматривают друг друга как враги и находятся в состоянии войны между собою как две независимые силы; иногда открываются переговоры, предлагаются компромиссные условия; считается за счастье, если удастся предотвратить крупные столкновения, и отношения начинают регулироваться хартиями, капитуляциями и договорами», обычные отношения между ними — это неприкрытая борьба. Этапами европейской истории для Монлозье являются крупные завоевания. Убежденный в «бессмертном значении различных вторжений людей Севера» для Европы, автор вслед за Монтескье придает особое значение двум волнам северных завоевателей — германцев, а затем норманнов, основавших ряд европейских государств. Это было естественное начало всякого государственного образования, в том числе Франции, созданной германским завоеванием.

Но этот естественный порядок во Франции был нарушен появлением новой «расы рабов», «нового народа» — буржуазии. Резолюция была заговором этой расы рабов, она была кровавой нелепостью, которая разрушила естественно выросший государственный организм Франции. Монлозье не находит слов, чтобы излить свое негодование по адресу тех «выскочек», которые «не имеют ни отца, ни матери, ни детей, ни внуков, которые называют гнусностью все, что было до них, восхваляют все, что сделано ими... Люди, изменившие названия наших провинций, не заслуживают имени даже какого-нибудь племени из пустыни; их нельзя назвать даже монголами, ибо монголы, не раз захватывая Китай, по крайней мере уважали его обычаи».²

Разгром Наполеона и приход интервентов во Францию Монлозье рассматривает как новое крупное завоевание в Европе, равное по своему значению приходу германцев и норманнов в прошлом; в реставрации он видит «третье повторение этой картины, когда движение, направленное Бонапартом на Москву, привело потом к нам в Париж все народы Севера».³

Но Монлозье излагает не только свою историческую концепцию; в полном соответствии с ней автор, озабоченный «собираанием обломков государственного корабля» и вопросом о том, «кем и как он будет управляться», формулирует основные положения нового феодального порядка во Франции. Как старая, так и новая монархия Бурбонов для Монлозье есть не что иное, как «именно та французская монархия..., которая существовала еще в лесах Германии»,⁴ и поэтому задача заключается в том, чтобы полностью возродить древний, исторически сложившийся французский феодальный строй «в полной гармонии со старыми обычаями Франции, с ее старыми традициями, с ее старыми воспоминаниями».⁵

Стоит заметить, что свою феодальную конституцию Монлозье разрабатывает, опираясь на теорию естественного права, взятого им у своих противников — просветителей. «Я убежден, — заявляет он, — что все, что господствует в мире естественном, является еще более решающим в мире социальном».⁶ И Монлозье считает, что естественным носителем власти является только дворянство, ибо управлять государством — прирожденное право дворянина. «Дворянин не был ни художником, ни медиком, ни адвокатом, ни архитектором; он не был ни купцом, ни банкиром, ни хозяином мануфактуры. Возделывание земли, служба в конторах, занятия финансами — все это было ему запрещено. Он должен был оставаться на поприще чести, а не на поприще богатства».⁷

Обращаясь к низшим классам, Монлозье советует им довольствоваться своей скромной долей и понять, наконец, что порабощение не является «особенностью, возникшей только на их почве», что оно «принесено особой расой людей, называемых дворянством», не только французам, но это порабощение было естественным явлением у всех народов и во все времена.⁸

Но больше всего он озабочен тем, чтобы его конструкция отрезала все пути возвращения буржуазии к власти. Претензии буржуазии вызывают много его гневных тирад.⁹ Вместо буржуазного общества, где все покоится на неравенстве имущественного положения, он требует установления такого строя, где должно господствовать неравенство по рождению. «Мы можем гладить неравенство в богатстве, неравенство в положении, даже неравенство в талантах..., — пишет он, — но неравенство по рождению, — это особого рода неравенство, которое нельзя ни изменить, ни преодолеть, которое мы получаем от наших отцов и которое мы передаем нашим детям...»,¹⁰ такого рода неравенство уничтожить невозможно, так как оно дано самой природой» историей. Отсюда Монлозье делает вывод, что «в администрации, в правосудии, в армии... должна быть установлена наследственность должностей и общественного служения».¹¹ Он доказывает буржуазии, что управлять государством вовсе не ее дело, что ее естественное предназначение ограничивается сферой наживы. «Мы согласны предоставить вам все пути к богатству, но мы требуем признать за нами только общественное служение. Такое разделение, установленное издавна, должно иметь свои последствия — жизнь ради наживы должна вознаграждаться наживой, жизнь ради чести должна вознаграждаться честью».¹²

Но эта идейная атака злобствующего дворянства встретила энергичный отпор со стороны буржуазии. Сохранившая свои экономические позиции, но отброшенная от власти, буржуазия мобилизовала все свои силы, чтобы вернуть утраченное политическое господство. Правда, наступившая дворянская реакция в значительной мере лишила своего противника политических средств борьбы, но тем большее значение приобрела для буржуазии борьба идеологическая как наиболее доступная ей в этих условиях форма. Крупнейшие таланты буржуазии сделали эту идейную борьбу своим призванием; многие широко известные потом государственные деятели буржуазии начинали в годы реставрации свою карьеру в качестве идеологических борцов. После эпохи Просвещения это был новый взлет духовных сил буржуазии и дальнейший шаг в развитии ее классового самосознания.

Этот новый этап в развитии буржуазной идеологии существенно отличен от всех предшествующих этапов, в частности, от периода революции он резко отличается по своей форме. Ко времени реставрации буржуазная идеология давно уже успела сбросить последние остатки своего античного облачения, которое исчезло вместе с пафосом революционных лет. «Едва новая общественная формация успела сложиться, как исчезли допотопные гиганты и все римское, воскресшее из мертвых, — Бруты, Гракхи, Публиколы, трибуны, сенаторы и сам Цезарь... Уйдя с головой в накопление богатств и в мирную борьбу в области конкуренции, буржуазия забыла, что ее колыбель охраняли древнеримские призраки».¹³

Но главное состоит в том, что буржуазная идеология периода реставрации отличалась как от периода революции, так и от эпохи Просвещения по своему содержанию. В эпоху Просвещения французская буржуазия была только что сформировавшимся классом, впервые выступившим самостоятельно на борьбу за власть. Буржуазия как осознавший себя класс еще не имела собственного опыта борьбы за господство, в ее руках еще не было накопленного собственного исторического материала, достаточного, чтобы служить главной идеологической опорой в борьбе за власть. Естественно, что в области идей буржуазия была тогда способна обосновать свое право на власть лишь в абстрактной форме, главным идеологическим средством для этого была философия; историческая наука в эту эпоху неизбежно должна была занимать второстепенное место в борьбе буржуазии.

В годы же реставрации картина существенно изменилась; буржуазия имела за собой богатый политический опыт крупнейшей буржуазной революции; был накоплен огромный исторический материал, для объяснения которого теории просветителей казались явно несостоятельными. Изучить, систематизировать этот исторический опыт и идейно вооружить буржуазию для предстоящей новой борьбы за власть составляло задачу исторической науки. История теперь, подобно философии в XVIII в., была главным идеологическим оружием буржуазии. И вполне закономерно, что эпоха Просвещения — канун буржуазной революции конца XVIII в. — была эпохой философов, годы реставрации — канун французских буржуазных революций XIX в. — были эпохой историков. Франция дала в этот период знаменитую плеяду историков периода реставрации.

Задачи, поставленные перед исторической наукой новым этапом классовой борьбы буржуазии, естественно, определили направление интересов историков. Их внимание было привлечено прежде всего к изучению буржуазной революции 1789—94 гг., к освоению этого нового для французской буржуазии исторического опыта. Минье и Тьер были крупнейшими именами среди многочисленных историков, посвятивших себя разработке наследства революции. Во французской историографии это была новая проблематика, впервые разрабатываемая крупными силами. Другая группа историков центр тяжести своего внимания перенесла в средневековую эпоху, охватив, таким образом, всю французскую историю, которая должна была служить прямой мотивировкой революции. Эта группа возглавлялась крупнейшими фигурами — О.Тьерри и Гизо. Это направление явись продолжением старой традиции дореволюционной историографии, но в новых условиях и иными средствами.¹⁴

Эти два участка французской истории политически были наиболее актуальными, именно на этих участках буржуазия по необходимости должна была дать бой дворянству; из раннего средневековья дворянские идеологи выводили основания господства дворянства, революция же была для них роковым отклонением от традиционного хода французской истории, историческим вступлением, искупить которое была призвана дворянская реставрация. Раннее средневековье и революция теперь были как бы два фланга французской истории, на которых шла идеологическая борьба между буржуазией и дворянством; поэтому именно здесь были сосредоточены лучшие силы буржуазии. Не одержав победы на этих двух решающих участках истории, буржуазия не могла победить на всем фронте идеологии.

Надо сказать, что буржуазные историки времен реставрации с успехом выполнили свою задачу. Они — представители восходящего класса — одержали победу над своим отживающим противником благодаря тому, что создали более совершенное оружие, которое составило эпоху в буржуазной историографии: они впервые в истории открыли существование классов и формулировали буржуазную теорию классовой борьбы. Общеизвестно указание К.Маркса: «...мне не принадлежит ни та заслуга, что я открыл существование классов в современном обществе, ни та, что я открыл их борьбу между собою. Буржуазные историки задолго до меня изложили историческое развитие этой борьбы классов, а буржуазные экономисты — экономическую анатомию классов».¹⁵ Буржуазными историками, о которых здесь идет речь, и были французские историки периода реставрации.

Открытие классов и классовой борьбы в первой половине XIX в. для Европы, вступившей в период сложившегося капитализма и пережившей ряд революций, было явлением вполне закономерным. В предшествующий период притти к пониманию классовой борьбы было почти невозможно вследствие того, что внутренняя связь событий «была очень затемнена и запутана, в наше время связь эта до такой степени упростилась, что решение загадки стало, наконец, возможным. Со времени введения крупной промышленности, т.е., стало быть, по крайней мере, со времени европейского мира 1815 г., в Англии ни для кого уж не было тайной, что центром тяжести всей политической борьбы в этой стране являлись стремления к господству двух классов: землевладельческой аристократии (*landed aristocracy*), с одной стороны, и буржуазии (*middle class*) — с другой. Во Франции со времени восстановления Бурбонов проникло в сознание то же самое явление. Историки того времени, от Тьерри до Гизо, Минье и Тьера, постоянно указывают на него как на ключ к пониманию французской истории, начиная с средних веков. А с 1830 г. в обеих этих странах рабочий класс, пролетариат, признан был третьим борцом за господство. Общественные отношения так упростились, что только люди, умышленно закрывавшие глаза, могли не видеть, что в борьбе этих трех больших классов и в столкновениях их интересов заключается пружина всей новейшей истории, по крайней мере, в двух самых передовых странах».¹⁶ Закономерным было и то, что открытие классовой борьбы произошло прежде всего во Франции, ибо Франция, пережившая к половине XIX в.— всего за полвека — три революции, была той лабораторией опыта классовой борьбы, без которого это открытие было бы невозможно.

Правда, это были лишь слабые зародыши научной теории Классов; известно, что в понимании классов и классовой борьбы буржуазные историки этой эпохи не вышли из крута идеалистических представлений,¹⁷ но сама постановка этого вопроса, взгляд на историю как на историю борьбы буржуазии и аристократии, а также указание на имущественные отношения как на

основу классовых различий было крупным шагом вперед по сравнению с эпохой Просвещения, с ее господствующим тезисом: «мнения правят миром». Именно эта наиболее прогрессивная сторона новой теории помогла историкам времен реставрации преодолеть реакционное содержание романтизма в исторической науке и использовать романтическую форму для пропаганды буржуазных идей.

Сама деятельность и труды историков времен реставрации были ярчайшим примером служения своему классу. Историки той поры не были кабинетными учеными; многие из них совмещали в себе ученого и политического деятеля; они вместе со своим классом прошли через все повороты истории, которыми была богата Франция первой половины XIX в. Начав свою деятельность в борьбе с реакционной монархией Бурбонов, большинство из них потом превратилось в буржуазных реакционеров, лютых врагов рабочего класса.

Огюстен Тьерри

Одной из главнейших проблем буржуазного исторического фронта этого периода была германо-романская проблема, дальнейшая разработка которой принадлежит прежде всего одному из наиболее талантливых представителей французской историографии первой половины XIX в. Огюстену Тьерри (1795—1856). С именем О. Тьерри связан высший этап в развитии германо-романского вопроса, когда он служил идеологической порой буржуазии в ее последней схватке с бурбонской монархией; с его же именем связан и другой период в истории этого вопроса, когда в 40-х годах германо-романская идея окончательно превращается в оружие реакции.

Германо-романская проблема для О.Тьерри была основным опросом всей истории Франции. По собственному заявлению автора,¹⁸ в основе всей его концепции французской истории лежат две идеи: во-первых, война дворянства и третьего сословия, двух разных народов Франции, образовавшихся в результате германского завоевания, а во-вторых, коммунальная революция — борьба третьего сословия со своими сеньорами за освобождение. Эта вторая идея является по существу не чем иным, как дальнейшим развитием первой, ибо борьба средневековых коммун с дворянством представляет собой дальнейшее продолжение вековой борьбы между потомками побежденных галло-римлян и потомками победителей-германцев.

Из каких источников сложилась эта концепция О.Тьерри? На этот вопрос спешит ответить сам автор: «Для первых моих выступлений в исторической науке одно обстоятельство заслуживает быть отмеченным — мое внимание, словно силой инстинкта, было привлечено к идее, которую я потом трактовал более широко». «Однажды..., когда я внимательно перечитал некоторые главы Юма, я был осенен идеей, которая поразила меня, как удар молнии, и я воскликнул, закрывая книгу: все это пошло от завоевания, в основе всего лежит завоевание».¹⁹ Так якобы сложилась у автора концепция норманского завоевания Англии 1066 г. И далее О.Тьерри рассказывает: «Проблема норманского завоевания силой аналогии привела меня к изучению великой проблемы германских вторжений и распада Римской империи».²⁰ Иначе говоря, О.Тьерри пытается доказать, что главный его тезис — теория германского завоевания — английского происхождения.

Вряд ли следует вместе с автором придавать столь решающее значение этому утверждению. С гораздо большим основанием можно полагать, что вся концепция О.Тьерри была прежде всего французского происхождения, и ее источники нужно искать безусловно во Франции. Таким источником была, во-первых, вся дворянская историография, которая, начиная от Буленвилье, упорно развивала, как мы видели, концепцию германского завоевания. С реставрацией Бурбонов эта дворянская концепция стала во Франции своего рода государственной теорией. Именно она с точки зрения исторической загоразживала буржуазии дорогу к власти; именно поэтому историки эпохи реставрации должны были так или иначе определить свое отношение к ней; они или принимали ее в той или иной форме, чтобы обратить ее против дворянства же (Гизо), или решительно отвергали (Мишле и др.), но пройти мимо нее они не могли. Задача определить свое отношение к этой теории касалась главным образом О.Тьерри, ибо его научные интересы, в отличие от интересов некоторых других его соратников, лежали прежде всего в области средневековья; разработка германо-романского вопроса была делом всей его жизни, и именно на О.Тьерри легла основная тяжесть борьбы с дворянской концепцией французского средневековья. Не случайно, собираясь в поход против этой концепции, О.Тьерри должен был основательно проштудировать всю французскую историографию германо-романского вопроса. Он сам признается: «Я позаботился об арсенале нового оружия для полемики, в которую я был вовлечен, против принципов и тенденций правительства, и я принялся добывать и изучать *ex professo* все, что было написано о древней Франции монархии, о средневековых учреждениях, начиная с исследований Паскье, Фоше и других ученых XVI века до трудов Мабли, а также Монлозье, который создал самое новое сочинение на этот счет».²¹

Таким образом, О.Тьерри явился наследником буржуазной традиции в германо-романском вопросе, но, как известно, использовал это наследство далеко не в традиционной форме. Буржуазную концепцию, которая была создана до него и строилась на отрицании факта завоевания, он заменил иной: он признал германское завоевание и его результат — раскол Франции два враждебных народа — более последовательно, чем Гизо, заимствовал главный тезис дворянской теории и сделал его им главным тезисом, наполнив его буржуазным содержанием. Главное идеологическое оружие дворянства он повернул против самого же дворянства. И в этом был глубокий политический смысл. Для завоевания власти буржуазия нуждалась в поддержке широких масс, и наиболее популярным лозунгом, способным сплотить народ вокруг буржуазии, был лозунг борьбы с потомками завоевателей и узурпаторов-дворян, поработивших предков французской нации и владычествующих поныне. Не случайно лозунг войны с дворянством дополнялся лозунгом классового мира и единства внутри третьего сословия.

Вторая идея О.Тьерри — коммунальная революция — родилась из той же дворянской историографии. Как мы видели, эта идея занимала главное место в исторической схеме Монлозье, явного противника О.Тьерри; там она была представлена как чудовищный заговор и переворот, осуществленный «новым народом», «расой рабов», вопреки всем историческим традициям Франции. Кроме того, следует упомянуть, что в иной форме, чем у Монлозье, эта идея нашла свое отражение в хартии Людовика XVIII, где король, даруя подданным вольности, дается на пример своих далеких предшественников, которые таким же образом жаловали вольности коммуна́м древних городов. Следовательно, эта идея получила как бы официальное признание со стороны дворянского государства. Заслуга О.Тьерри здесь в том, что борьбу далеких предков буржуазии за коммунальные вольности он сделал современным боевым лозунгом своего класса в борьбе за власть.

Вторым, не менее важным источником концепции О.Тьерри были исторические взгляды его первого учителя — Сен-Симона. Иными словами, этот второй источник родился из назревавшего раскола третьего сословия, который О.Тьерри так долго и упорно отрицал. О.Тьерри как идеолог буржуазии не смог понять, что «единство» буржуазии и народных масс, в частности, тогдашнего пролетариата, сохранялось в годы реставрации лишь благодаря наличию общего врага в лице новой бурбонской монархии; он не уяснял, что рабочие тогда «не могли еще видеть коренной разницы между либерализмом и демократией — эмансипацией средних классов и эмансипацией трудящихся классов; они не могли видеть различия между свободой денег и свободой человека до тех пор, пока деньги не были политически освобождены, пока средний класс не стал исключительно правящим классом».²² Естественно, что это «единство» было временным и непрочным; опыт революции 1789—1794 гг. уже создал глубокий разрыв между буржуазией и французским народом, ибо «возникшие вслед за «победой разума» политические и общественные учреждения оказались самой злой, самой отрезвляющей карикатурой на блестящие обещания философов XVIII века».²³

Знаменательно было то обстоятельство, что отрицавший раскол третьего сословия О.Тьерри свою первую школу исторической теории прошел у идеолога этого раскола Сен-Симона, взгляды которого наложили сильный отпечаток на концепцию О.Тьерри. Г.В.Плеханов имел все основания сказать, что «Огюстен Тьерри обязан был Сен-Симону всеми своими историческими идеями»;²⁴ при этом следует заметить, что О.Тьерри следовал за Сен-Симоном по всему кругу вопросов, по которым развертывалась борьба, и самый метод разрешения этих вопросов он заимствовал главным образом у своего учителя. Уже в первой их совместной работе «О переустройстве европейского общества» (1814) О.Тьерри вместе с Сен-Симоном утверждал: «Нет перемен в социальном строе без перемен в собственности».²⁵ Далее Сен-Симон называет себя автором учения об антагонизме между дворянством и третьим сословием; как известно, причины этого антагонизма Сен-Симон трактовал чрезвычайно непоследовательно; в раннем средневековье он видел причину в завоевании, а существование этого антагонизма с V в. объяснялось им экономическими мотивами. Эту же непоследовательность мы встречаем и у О.Тьерри; в основу своей концепции он положил завоевание, но начиная со времени коммунального движения О.Тьерри, не отрицая роли завоевания и связанной с ним расовой борьбы, в то же время придерживается история собственности, и весь дальнейший исторический процесс в изложении О.Тьерри, является не чем иным, как фактическим отрицанием роли завоевания; это особенно ясно прослеживается в его «Истории происхождения и успехов третьего сословия». «Можно без всякого преувеличения сказать, что сам Тьерри позаботился о том, чтобы своими историческими исследованиями опровергнуть свой собственный взгляд на историческую роль завоевания».²⁶

Именно под влиянием Сен-Симона О.Тьерри свою главную задачу видел в создании истории народа, а не истории королей; именно под влиянием Сен-Симона молодой О.Тьерри внес боевой дух в изображение борьбы между буржуазией и дворянином, между «тунеядцами» и «тружениками» и т.д. Одним словом, нельзя правильно понять О.Тьерри, не учитывая влияния на него идей Сен-Симона.²⁷ «Насколько новы и широки были взгляды, — говорит Г.В.Плеханов о Сен-Симоне, — видно того, что его ученик О.Тьерри мог совершить чуть ли не каждый переворот в

переворот в разработке французской истории».²⁸ Совершенно очевидно, что в разработке теории классовой борьбы, (сой она была создана в начале XIX в., Сен-Симона следует ставить впереди историков периода реставрации, на что буржуазная историография никогда не обращала внимания.

Как известно, О.Тьерри скоро не только порвал со своим учителем, «приемным сыном» которого он вначале себя считал, но потратил немало усилий, чтобы стереть всякие следы сотрудничества с ним. В частности, во всех сборниках сочинений О.Тьерри фигурируют только его работы, написанные с 1817 г., т.е. с года его разрыва с Сен-Симоном; во всех предисловиях к своим сочинениям О.Тьерри упоминает только об этих же работах; во всех своих трудах О.Тьерри не говорит ни слова о Сен-Симоне. Причину этого умолчания нетрудно понять: что бы ни произошло в их личных отношениях, ясно одно: О.Тьерри и Сен-Симон были идеологами двух разных классов — буржуазии и нарождавшегося пролетариата, находившихся накануне открытой войны между собой, и основная причина разрыва между Тьерри и Сен-Симоном коренится прежде всего в начавшемся политическом размежевании классов, которые они представляли. С полным основанием можно предположить, что именно этой политической неприязнью, стремлением во что бы то ни стало подчеркнуть независимость от Сен-Симона объясняется попытка О.Тьерри вывести свою идею завоевания из Англии. Если даже исходить из того, что идея германского завоевания пришла во Францию из Англии, что, как известно, имело место в связи с влиянием английской историографии буржуазной революции XVII в., то это случилось задолго до О.Тьерри. Как мы видели, идею завоевания в применении к истории Франции уже давно разрабатывали французские дворянские историки, против которых О.Тьерри боролся, а также Сен-Симон, идеи которого оказали на О.Тьерри непосредственное влияние. Кроме того, не это внешнее влияние было главной причиной возникновения идеи завоевания во французской историографии, где эта идея выростала на собственной почве. Во всяком случае книга Юма, на которую ссылается О.Тьерри как на источник своих исторических взглядов, не могла иметь решающего значения.

В пользу французского происхождения исторической теории О.Тьерри говорит и то обстоятельство, что историей Франции автор стал заниматься значительно раньше, чем историей Англии. Его статьи по французской истории, составившие впоследствии сборник «Десять лет исторических исследований», были написаны в период 1817—1820 гг.; «Правдивая история Жака Простака» — в 1820 г.; первые статьи из вошедших в сборник «Письма по истории Франции» берут свое начало с 1820 г., что же касается его «Истории завоевания Англии норманнами», то она появилась только в 1825 г.

Но говорить об истоках исторической теории О.Тьерри, значит говорить лишь об отдельных идеях, оказавших на нее то или иное влияние. Сама же концепция О.Тьерри в целом представляет собой качественно нечто совсем иное, чем составляющие ее элементы. В противоположность как Монлозье, так и Сен-Симону О.Тьерри из того же круга проблем сделал свои выводы создал воинствующую теорию французской буржуазии. В чем состояли основные идеи этой теории?

О.Тьерри рассматривает труд историка как политический долг; он указывает: «Я отдаю моей стране все, что отдает ей искалеченный солдат на поле боя».²⁹ История для О.Тьерри всегда была делом политики, и он подчеркивал это с самого начала. «В 1817 году, обуреваемый горячим желанием способствовать со своей стороны победе конституционных воззрений, я принялся разыскивать в книгах по истории основания и аргументы для своих политических убеждений».³⁰ При этом О.Тьерри даже не скрывает, что, подкрепляя свои убеждения историческим материалом, он не останавливается перед тем, чтобы «факты подчинять заранее поставленной цели».³¹ Не что иное, как задача использовать историю в качестве политического оружия, было первоначальной причиной предпринятого О.Тьерри пересмотра исторических концепций, существовавших до него во Франции, ибо, как говорит Тьерри, «история была на стороне врагов наших предков».³² Этот критический пересмотр, по словам самого автора, представлял собой нечто вроде реабилитации средних и низших классов, предков третьего сословия, преданных забвению нашими современными историками. Сам выходец из простонародья, он требовал, чтобы ему была отдана его доля славы в наших анналах, чтобы получили дань уважения традиции плебейской чести, энергии и буржуазной свободы; одним словом, чтобы при помощи науки, соединенной с патриотизмом, делать из наших старых хроник повествования, способные волновать народную душу».³³ В результате такой ревизии предшествующей исторической науки О.Тьерри создает свою знаменитую теорию завоевания, которую он направляет против дворянства. «Дух завоевания, — пишет он, — еще парит над этой несчастной страной... Современное дворянство связывает свои претензии с привилегированными: людьми XVI века, которые вели свое происхождение от владельцев людей XIII века, а те в свою очередь связывали себя с франками Карла Великого, восходящими в своем происхождении к сикамбрам Хлодвига. Можно оспаривать лишь естественную преемственность, политическое же происхождение бесспорно. Так предоставим же эту преемственность тем, кто на нее претендует, а мы претендуем на преемственность противоположную. Мы — сыны людей третьего сословия; третье сословие вышло из коммун, коммуны были прибежищем для крепостных, крепостные же были жертвами завоевания. Так от

формулы к формуле на протяжении пятнадцати веков мы приходим к последней форме завоевания, которую предстоит стереть. Дай бог, чтобы это завоевание само отреклось от всех своих прав без остатка и час битвы не настал бы. Но без этого формального отречения не будем надеяться ни на свободу, ни на отдых».³⁴

Таким образом, третье сословие противопоставляется своему противнику — дворянству на протяжении всей истории Франции, и О.Тьерри в своих ранних трудах восторженно славословит борьбу третьего сословия — потомков побежденных — против дворянства — потомков древних завоевателей. Это нашло свое яркое выражение, в частности, в его «Правдивой истории Жака Простака», где в драматизированной полусатирической форме О.Тьерри пишет историю французского народа. Здесь он выступает ревностным защитником крупнейшего крестьянского восстания средневековой Франции — Жакерии и обличителем его врагов. Жак «забыл, что он слаб и гол, и бросился на своих угнетателей. Тогда вожди и подчиненные, друзья и враги — все объединились, чтобы уничтожить его. Его кололи копьями, рубили саблями, топтали лошадиными копытами, заботились лишь о том, чтобы он не испустил дух тут же на месте, так как в нем нуждались».³⁵

Но больше всего О.Тьерри работал над изображением революционной роли коммунального движения средневековых городов; этой «коммунальной революции» он посвятил всю свою жизнь. Его несомненная заслуга состоит в том, что «он один только обнаруживает заговорщический и революционный характер муниципального движения в XII веке».³⁶ Для О.Тьерри это была «настоящая социальная революция, прообраз всех социальных революций, которые постепенно подняли значение третьего сословия; здесь колыбель нашей современной свободы, благодаря которой простонародье не хуже дворянства приобрело историю и предков».³⁷ О.Тьерри не пожалел красок, превознося коммунальное движение; он явно переоценил его историческое значение. В его изображении эта «коммунальная революция» выступает как «величайшее социальное движение, какое только имело место со времени утверждения христианства до французской революции».³⁸

Борьба всего фронта третьего сословия, по мнению О.Тьерри, была направлена не только против дворянства, но и против королевской власти. О.Тьерри порицает Жака за его веру в короля; после разгрома Жакерии простодушный Жак равным поведением «добился того, что пользовался некоторой защитой короля от алчности остальных сеньеров. Это более определенное и спокойное состояние понравилось ему: он привязался к новому игу, которое доставило все это, он убедил себя, что это иго для него естественно и необходимо, что ему нужно отдавать, чтобы не лопнуть от избытка сил, и что кошелек его подобен деревьям, которые лучше растут, когда их подрезывают».³⁹ Король и крестьянство — несовместимые социальные идеалы.

Еще более враждебными силами были король и коммунальное движение. Вмешательство королей в борьбу городов и сеньеров вызвано лишь простым корыстолюбием и являлось крупным препятствием для коммунального движения. «Этим вмешательством и ограничивалась вся роль французских королей в событиях, знаменовавших рождение первых коммун в их деньком государстве: и деньги, только деньги, которые предлагала или другая из враждовавших сторон, побуждали королей высказываться за или против городов. Относясь равнодушно к сеньеру и коммуне, они помогали тому, кто больше давал, с той лишь только разницей, что городам короли давали гарантии лишь на словах, или только обещали свою помощь, если были на его стороне; наоборот, когда они были против городов, они действовали решительно».

Во всех этих перипетиях третье сословие выступает у Тьерри как единая и сплоченная масса; все факты, говорящие о внутренней борьбе в этом сословии, он старательно обходит. Но кого имел в виду О.Тьерри, говоря о третьем сословии, являлся вершителем тех славных дел третьего сословия, о которых с таким пафосом рассказывал О.Тьерри? Этим героем был французский народ. Уже в самом начале своей ученой деятельности О.Тьерри писал: «Народ является опасной силой, он остается народом».⁴¹ Для О.Тьерри, как и для всех его соратников, это было чрезвычайно характерно. «Сколько бы историки времен реставрации ни говорили о народе, о нации, о массе граждан, о третьем сословии в целом, все же на самом деле то, что они защищали, это были интересы небольшой части нации, интересы буржуазии».⁴² Вполне естественно, что О.Тьерри всегда испытывал «глубокое отвращение к революционной тирании безотносительно, в какой угодно форме правления».⁴³ По сути дела это было программным заявлением французского буржуазного либерализма, который даже в свою лучшую пору не мог скрыть своей враждебности к французскому народу.

Но О.Тьерри не ограничился одной Францией. Чтобы показать, что его теория завоевания является якобы универсальным законом исторического развития, он обращается к истории Англии. Не подлежит сомнению, что именно английская история для О.Тьерри была лучшим аргументом в его исторической теории. С точки зрения политической Англия, по мнению О.Тьерри, — это страна наиболее совершенной буржуазной свободы, добытой в борьбе с политическим порядком, установленным еще в средние века завоевателями — норманнами. С точки зрения методологической история Англии была важна тем, что это норманское завоевание и его влияние на

последующую историю страны можно было убедительно изобразить при помощи документов, в изобилии сохранившихся от этой эпохи, менее далекой, чем варварское завоевание Галлии в V в.

Результатом предпринятого изучения английской истории явился известный труд О.Тьерри «История завоевания Англии норманнами». Исходной точкой всего исследования О.Тьерри был тезис о том, что определяющим моментом в истории почти всякой страны были завоевания. «Высшие и низшие сословия, ныне недоверчиво наблюдающие друг за другом или воюющие за идеи и общественные принципы, во многих странах суть не более, как народы-победители и народы-побежденные давно минувшей эпохи. Так меч завоевателя... оставил свою печать на каждом народе, составившемся из смешения многих племен».⁴⁴ Из расы завоевателей, доказывает О.Тьерри, произошло «воинственное дворянство, которое... господствовало над массой трудящейся и мирной... Раса побежденная, лишенная земельной собственности, свободы и самоуправления, существовавшая не оружием, а работой, ...составила как бы отдельное общество возле военной дружины победителей. Сохранив в стенах своих городов остатки римской цивилизации или начав новую цивилизацию, ...трудящийся класс двигался вперед по мере того, как слабело феодальное устройство дворянства».⁴⁵

Как и в своих статьях по истории Франции, О.Тьерри ополчается против историков, которые «охотнее переносятся в тот лагерь, где царствует победа, нежели в тот, где скрываются побежденные, и представляют завоевание совершившимся, лишь только завоеватель провозгласит себя властелином, не обращая внимания, подобно победителю, на будущие сопротивления, которые подавит его политика».⁴⁶ О.Тьерри объявляет себя сторонником побежденных и летописцем их борьбы, которая, как он подчеркивает, не прекращается с момента завоевания, а продолжается в самых разнообразных формах, вплоть до вооруженной борьбы. «Патриотическая грусть долго еще живет в глубине сердец даже без надежды на восстановление прежней отчизны. Если это чувство не может уже собирать войск, то оно... считает за мучеников тех, которые погибли на плахе».⁴⁷

С этой точки зрения О. Тьерри и пытается по-новому осмыслить историю средневековой Англии; теория завоевания, по его мнению, «не только придает важность событиям незамеченным ли пренебреженным, но и показывает в новом свете и в совершенно новом значении события знаменитые, неправильно объясненные».⁴⁸ Таким «знаменитым» событием, которое требовало нового объяснения, было прежде всего завоевание Британии англо-саксами в период крушения Римской империи. История Англии с этих пор становится историей борьбы англо-саксонских завоевателей и старых обитателей — кельтов, поработанных или оттесненных на окраины острова, в Уэльс и Шотландию.

Вторым таким событием было датское завоевание. С этого момента борьба разгорается между пришлыми датчанами, захватившими землю и имущество англо-саксов и поставившими над Англией своего короля, — с одной стороны, и побежденными англо-саксами — с другой. «Англо-саксы начали стремиться к зависимости от датчан, тем более, что не было недостатка ни в страданиях, ни в оскорблениях для возбуждения в них сожаления о прежних временах».⁴⁹ Это была никогда не утихавшая смертельная борьба поработанных обитателей Англии, и если находились им защитник или мститель, то этому храбrecу не было нигде пристанища; его преследовали, как дикого зверя; за голову его назначалась цена, как за голову волка...»⁵⁰

Затем последовало самое крупное из завоеваний в английской истории — норманское завоевание 1066 г. Это событие явилось крупным общественным переворотом, произошла не только смена короля, но и почти полная смена господствующего класса: подавляющее большинство англо-саксонского дворянства и духовенства было заменено норманскими баронами и норманским духовенством. Поместья англо-саксонской знати и монастыри вместе крепостными и землями перешли в руки пришельцев. Новые завоеватели обрушили на страну кровавый террор, уничтожая всякие попытки сопротивления; они не пощадили даже святых, чтимых англо-саксами. «Подобные святые возбуждали опасения новых завоевателей, потому что поклонение им поддерживало дух сопротивления и освещало старинные предания об отваге и независимости».⁵¹ О.Тьерри призывает читателя отдать себе отчет в важности всех этих событий, составляющих суть английского средневековья и не оцененных в должной мере историками. «Если воображение читателя с ними ознакомится, то оно населит для него старую Англию ее завоевателями и ее побежденными XI века, представит их взаимное положение; оно услышит их различные языки, увидит радость и надменность одних, бедствие и ужас других, все движения, все перевороты, сопровождавшие войну на смерть двух громадных масс людей».⁵²

Норманское завоевание, по мысли О.Тьерри, определило всю последующую историю Англии. Такое событие, как борьба Генриха II с архиепископом Фомой Бекетом, являлось, утверждает автор, не столько борьбой между королевской властью и церковью, сколько попыткой англо-саксонского архиепископа, ставшего во главе английской церкви после длительного господства там норманнов, дать бой королю иноземного происхождения. «Право, которое он поддерживал с таким удивительным постоянством, было право духа против силы, слабых против сильных, и в особенности право побежденных норманским завоеванием».⁵³

Расовыми причинами О.Тьерри объясняет и возникновение Великой хартии вольностей при Иоанне Безземельном и последовавшую за тем гражданскую войну английских баронов против Генриха III. Дело в том, что сами норманны оказались, по мнению О.Тьерри, перед опасностью подпасть под власть французских феодалов, наводнивших Англию при Иоанне Безземельном и Генрихе III. Поэтому борьба, которая раздирала Англию при этих двух королях, была «враждою более племенной, нежели правительственной. Действительной причиной войны был... страх баронов норманнского происхождения подвергнуться в свою очередь завоеванию от чужеземцев, призываемых в Англию королями; они опасались, что новые пришельцы — пуатуанцы, аквитанцы и провансальцы отберут у них... земельную собственность и власть, точно так же, как за полтора столетия они отняли и то и другое у саксов. Эта материальная причина, а не исключительное желание установить политические учреждения, восстановила против королей баронство и рыцарство Англии».⁵⁴

Но этот период, по мнению О.Тьерри, имел ту особенность, что к движению норманских господ теперь присоединились и англо-саксы — дворяне, городское население и крестьянство, для которых нашествие французских феодалов было худшим злом, оно означало новое завоевание Англии. «Ненависть к чужому владычеству, в течение полутора столетий бесплодно кипевшая в сердцах и бессильная против порядка вещей, введенного Оманским завоеванием, разразилась над новопришельцами, которых обогатил и осыпал почестями король Иоанн».⁵⁵ Англо-саксы вместе с норманнами бросились захватывать поместья изгоняемых из Англии французских землевладельцев. То обстоятельство, что во главе армии английских баронов и рыцарей оказался француз Симон де Монфор, О.Тьерри называет «странным» и доказывает, что это не имело существенного значения, ибо Симон де Монфор, несмотря на свое французское происхождение, был одним из героев Англии.

Однако из всех событий английской истории этого периода Тьерри особо выделяет борьбу англо-саксонского народа, его рода английского «третьего сословия» — горожан и крестьянства — против норманских завоевателей. «Настоящая цель этой истории, — говорит он, — состоит в обзоре судеб народа, а не судеб известных знаменитых людей», только народ бессмертен, и только такая история имеет смысл, которая преследует «интерес, принадлежащий настоящему времени, потому описываемые ею собирательные существа не перестали жить и чувствовать; они — те же самые, которые страдают или надеются еще и теперь, на наших глазах».

Событием, которое свидетельствует о борьбе подлинного английского народа, О.Тьерри считает восстание низов Лондона 1196 г. под руководством Вильяма, по прозвищу Длинная Борода. Высший слой населения в английских городах, в том же в Лондоне, рассказывает О.Тьерри, состоял из норманнов; «они управляли суждениями Совета и чаще всего заставляли молчать англичан, которые, привыкнув к угнетению, сделались робки и уступчивы».⁵⁷ Когда во время войны с Францией король Ричард обложил Лондон чрезвычайным налогом, то норманнская городская знать взвалила всю тяжесть этого налога англо-саксонские низы города. Это вызвало возмущение; во главе бедноты выступил Вильям, человек, принадлежавший к тем англо-саксонским фамилиям, которые дали «вечный обет, переходивший от отца к сыну, носить длинные бороды, как в воспоминание своей древней отчизны, так и в знак презрения к обычаям, введенным завоеванием».⁵⁸ В городе Вильям Длинная Борода давно был известен как покровитель угнетенных. «Его старания привлекли к нему любовь граждан с малым или ограниченным состоянием, прозвавших его защитником или адвокатом бедных».

Против бедноты выступили «норманские бароны и прелаты, занимавшие в правительстве и казначействе высшие должности; по национальному и аристократическому инстинкту они приняли живое участие в деле против бедных и их адвоката».⁶⁰ В ответ на это последовало вооруженное восстание. «Было собрано оружие, какое только могли собрать в средние века находившиеся в полурабстве граждане... для нападения... на укрепленные дома норманнов».⁶¹ Восстание это было жестоко подавлено, а его вождь был казнен. «Так погиб... Вильям Длинная Борода за то, что принял на себя защиту бедных и правды».⁶² «Виселицу, на которой казнили Вильяма, в ту же ночь унесли жители, как святыню, и люди, не имевшие возможности достать хоть по кусочку от этого дерева, рыли и брали землю, где была она поставлена... К этому месту стекался народ не только из окрестностей, но со всех концов Англии, и всякий природный англичанин... считал непременно долгом совершить это патриотическое поклонение».⁶³

Не менее славным подвигом английского народа было восстание Уота Тайлера в 1381 г. Положение крестьян было еще более тяжелым, чем положение городской бедноты. «Их рабство стало тягостнее от точнейшего определения их отношений к владельцам имений..., старинное право завоевания подразделилось на множество повинностей, ...которые опутывали бесчисленными притеснениями весь класс людей, подлежащих помещичьей власти».⁶⁴ Английское крестьянство было вынуждено, наконец, взяться за оружие. «Страдания от притеснений благородных фамилий и почти совершенное забвение событий, от которых произошло возвышение этих фамилий, называвшихся уже не норманскими, а дворянскими, привели

английских крестьян к понятию о несправедливости рабства по самому его существу, независимо от исторического его происхождения».⁶⁵

О.Тьерри подчеркивает, что это восстание было благородным не только по его целям, но и по его действиям. Восставшие двинулись на Лондон. «По дороге они не грабили, напротив, за все платили добросовестно».⁶⁶ Войдя в Лондон, они расправлялись со своими угнетателями, жгли их имущество, «не похитив... ничего; заметив одного из своих, уносящего какую-то вещь, они бросили в огонь и его самого»,⁶⁷ Единственной их задачей было осуществить лозунг: «Не будет более крепостных; не должно поступать с людьми, как со скотом».⁶⁸

С этим благородством крестьян О.Тьерри сравнивает вероломство короля и помещиков. Король пошел на уступки с единственной целью обмануть восставших. «Простаки приняли с величайшей радостью слова молодого короля, отнюдь не воображая, чтобы он мог иметь намерение их провести; они обещали разойтись по домам и в самом деле исполнили свое обещание...»⁶⁹ Только часть восставших во главе с вождями восстания Уотом Тайлером и Джоном Боллом, «более предусмотрительная, ежели прочие, не разделяла их полного доверия к словам и хартиям королевским».⁷⁰ Однако сам Тайлер был предательски убит, восставшие были изгнаны из столицы и по всей стране начался кровавый террор помещиков; «лучше нам лишиться жизни, нежели наших имений» — таков был лозунг угнетателей народа. В стране вновь был установлен крепостнический режим, какой был издревле введен завоеванием, и с крепостными людьми продолжали поступать по точному смыслу прокламаций, им объявленных: «Черню вы были, чернь вы есть и теперь, и в крепости останетесь...»

О.Тьерри далее указывает, что, несмотря на свое поражение, английское крестьянство в конце концов заставило помещиков изменить крепостнические порядки. «Идея о несправедливости рабства в самом его основании... эта великая идея, бывшая нравственным началом восстания 1381 года и до которой, по бессознательному влечению к свободе, крестьяне возвысились прежде дворян, наконец, привилась и последним».⁷² Так, по мысли О.Тьерри, вооруженной борьбой против королей и помещиков английский народ прокладывал себе путь к свободе.

Такова историческая теория раннего О.Тьерри. Под покровом борьбы германских и романских исторических начал перед нами выступает буржуазно-республиканская концепция, проникнутая симпатиями к народным массам. Ее политический смысл совершенно очевиден. Для нового завоевания власти французская буржуазия нуждалась в поддержке народных масс и пыталась поэтому установить с ними союз. Из всех буржуазных историков периода реставрации О.Тьерри явился наиболее ярким выразителем этой тенденции.

Эволюция и кризис исторической теории О.Тьерри

В дальнейшем О.Тьерри проделал значительную эволюцию — путь от буржуазного либерализма начала XIX в. к буржуазной реакции 40—50-х годов. Эти перемены в политической идеологии О.Тьерри стояли в прямой связи с превращением французской буржуазии из класса, потерявшего власть, в класс, окончательно завоевавший политическое господство. Нам нет необходимости следить подробно за этой метаморфозой О.Тьерри; достаточно указать на эволюцию коренных вопросов его концепции, именно, его взгляда на монархию и его отношения к народным массам. Как мы видели, теория раннего О.Тьерри была антифеодальной и антимонархической. Это было идеологическим выражением того простого факта, что главным врагом французской буржуазии тогда была феодальная монархия Бурбонов.

Но вот Бурбоны были окончательно свергнуты, во Франции произошла революция 1830 г. Для буржуазии это имело решающее значение. «Июльская революция во Франции и билль о реформе (Reform bill) в Англии закрепили окончательную победу буржуазии».⁷³ Но, победив феодальную монархию, буржуазия, как и во времена Наполеона I, вновь пытается заменить ее монархией буржуазной, ибо после победы над дворянством буржуазия очутилась лицом к лицу с еще более опасным противником — пролетариатом, в борьбе с которым она нуждалась в сильной власти: «В 1830 г. она исполнила свои желания 1789 г., с той только разницей, что ее политическое развитие теперь было закончено, что она не видела больше в конституционном представительном государстве идеала государства, не думала больше, что стремится к спасению мира и к достижению общечеловеческих целей, а, напротив того, рассматривала государство как официальное выражение своей исключительной власти и как политическое признание своих частных интересов».⁷⁴ Таким государством и явилась монархия Орлеанов — орган денежной знати французской буржуазии. Все это означало, что период прогрессивного восхождения буржуазии был закончен, начинался период ее политического господства. Признанным лидером буржуазии во Франции становится Гизо — ближайший соратник О.Тьерри; сам О.Тьерри превращается фактически в главу официальной исторической науки, в своего рода чиновника, облеченного высоким доверием орлеанистского министерства народного просвещения.

Этот крутой перелом в истории классовой борьбы буржуазии, когда знаменем буржуазных верхов становится защита завоеванной монархии, внес крупные коррективы в концепцию О.Тьерри. Уже накануне революции 1830 г. он пытается в своих работах примирить французский народ и монархию; установление династии Капетингов он теперь считает крупным событием и первым шагом в деле освобождения страны от последствий германского завоевания. «Появление третьей династии имеет в нашей истории значение неизмеримо большее, чем появление второй династии. Собственно говоря, это конец господства франков и замена правительства, опирающегося на завоевание, национальной монархией».⁷⁵ Новая династия, по убеждению О.Тьерри, встретила единодушную поддержку всего французского народа. «Среди людей низшего звания широко было распространено мнение, что новая королевская династия вышла из плебейского класса, и это мнение, державшееся в течение нескольких веков, отнюдь не повредило династии».⁷⁶

А после революции 1830 г. О.Тьерри — убежденный монархист. Недавно доказывавший, что борьба масс за свою свободу была для него более внушительным явлением, чем походы завоевателей, а страдания этих масс более трогательными, чем страдания королей, лишенных трона, он становится теперь ревностным бытописателем королей династии Меровингов — завоевателей, поработивших его предков, судьба которых вызывала раньше столь горячее участие О.Тьерри. Много сил и таланта отдал он известным «Рассказам из времен Меровингов», отдавая долг своим монархическим симпатиям; в одном из предисловий к этой книге он писал, что еще с детства «французы, трон, монархия — было для меня начало и конец, существо и форма нашей национальной истории».⁷⁷

Наконец, 40-е годы окончательно формируют идеологию позднего О.Тьерри. После революции 1830 г. наступил период, когда «рабочий класс, пролетариат, признан был третьим борцом за господство».⁷⁸ В февральской революции 1848 г. рабочий класс свергает буржуазную монархию, а знаменитые июньские дни были битвой пролетариата за власть. Пролетариат был разбит, но теперь «позади буржуазии... везде уже поднималась грозная фигура пролетариата, фактически одержавшего победу, и загнала буржуазию в объятия только что побежденного врага, в объятия монархической, бюрократической, полуфеодальной и военной реакции, от которой и потерпела поражение революция в 1849 г.»⁷⁹ Выступление пролетариата как самостоятельной силы в борьбе за политическую власть привело к коренной перестановке борющихся классов. «С этого момента масса буржуазии во всей Европе перешла на сторону реакции, объединилась с только что свергнутыми ею с помощью рабочих абсолютистскими бюрократами, феодалами и попами против врагов общества, т.е. против тех же рабочих».⁸⁰ Пролетариат стал главной опасностью для буржуазии, и перед лицом этой опасности начинает создаваться единый фронт вчерашних врагов — буржуазии и дворянства.

Этот новый этап классовой борьбы в Европе и прежде всего во Франции отразила в себе последняя книга О.Тьерри, начатая накануне революции 1848 г., «История происхождения и успехов третьего сословия», которая, по словам самого автора, представляет обобщение всех его трудов, относящихся к истории Франции.⁸¹

Главная задача, которую поставил себе автор, состояла в том, чтобы, во-первых, доказать, что третье сословие «есть не что иное, как вся... нация в целом, за вычетом дворянства и духовенства»,⁸² и поэтому О.Тьерри обрушивается против тех, которые «стремятся разделить массу нации, ныне единую и однородную, на взаимно враждебные классы; все это для многих затемнило историческое понятие о том, что в свое время составляло третье сословие... Обыкновенно склоняются к той мысли, что третье сословие отвечало тогда тому, что теперь называется буржуазией... Мнение это и ложное и вредное потому, что оно ищет в истории корни антагонизма, возникшего вчера и разрушающего общественное спокойствие».⁸³

Во-вторых, он стремился доказать, что современную Францию создал союз королевской власти и третьего сословия, что «одна как бы является оборотной стороной другого».⁸⁴ И О.Тьерри рисует историю этого союза на всем протяжении истории Франции: «с двенадцатого века по восемнадцатый век история третьего сословия и история королевской власти неразрывно связаны»; XVIII век «нес недоверие и приготовил роковой разрыв между третьим сословием и королевской властью»; наконец, «конституционные порядки 1814 г. и 1830 г. снова скрепили цепь эпох и идей, возобновили в иной форме попытку 89 г. установить союз между национальной традицией и принципами свободы».⁸⁵

Таким образом, единое третье сословие и его союз с монархией — вот два устоя, на которых держалась теперь вся концепция О.Тьерри. Иначе говоря, О.Тьерри требует, чтобы рабочий класс и крестьянство как составные части третьего сословия признали свои интересы неотделимыми от интересов буржуазии вместе с нею признали бы буржуазную монархию своим собственным государством. Это была консервативная концепция монархической буржуазии, призванная охранять сложившийся буржуазный порядок. О.Тьерри считал, что история Франции. Начиная с 1830 г., снова вошла, наконец, в свои берега, а его историческая конструкция должна была убеждать своей стройностью, ибо «историк, окидывая своим взором семивековой период»⁸⁶ и

возвращаясь к окружавшим явлениям, замечал правильное развитие гражданского и политического прогресса, а на двух концах пройденного пути видел одну и ту же нацию, одну и ту же монархию связанными между собою вместе видоизменившимися, причем последнее изменение, казалось, освящено было новым договором единения». С этой точки зрения история Франции, по мнению О.Тьерри, «поражала красотой единства и простоты».⁸⁷

Такова была схема, которую автор взялся обосновать. Как удалась ему эта задача? Следует со всей определенностью сказать, что вся книга О.Тьерри явилась прямым отрицанием первого тезиса его собственной концепции. Книга эта начинается Вовами: «Нет более третьего сословия во Франции; как название, так и самый класс исчезли в общественном перерождении 1789 года».⁸⁸ Правда, он этим хочет сказать, что раскол треть-го сословия возник «только вчера» и что он не имеет корней (*racines*) в прошлом; но в том-то и дело, что, как указывает Маркс, «как раз его книга дает наилучшее доказательство того, что «*racines*» эти появились с возникновением самого *tiers etat*».⁸⁹

В самом деле, говоря о третьем сословии, О.Тьерри имеет в виду только буржуазию, для него именно она является «зеркалом» третьего сословия; городские низы его вовсе не интересуют, от крестьянства он не только отрекся, но и занял к нему резко враждебную позицию. Теперь крестьянство для О.Тьерри — полная противоположность буржуазии: в то время как буржуазия «возвысилась до идеи национальной свободы..., полурабское население сел и деревень представило странное и дикое зрелище. Известна Жакерия, ее ужасные жестокости... Люди, вооруженные дубинами и ножами, поднялись и двинулись бандами..., разрушая замки огнем и железом, убивая всех, мужчин, женщин и детей».⁹⁰ Восстание Этьена Марселя и Жакерия, эти два «столь различных движения двух крупных классов народа, кончились одновременно, одно для того, чтобы вновь возродиться и увлечь за собою все, когда придет время, другое, чтобы оставить по себе лишь ненавистное имя и печальные воспоминания».⁹¹ Таким образом, антагонизм внутри третьего сословия, возникший, по словам О.Тьерри, «только вчера», он фактически распространил на всю историю третьего сословия.

Но противопоставляя буржуазию остальной массе простого народа, О. Тьерри теперь с готовностью протягивает руку примирения исконным врагам третьего сословия — дворянству и духовенству. В дворянстве О.Тьерри теперь видит силу «морального воздействия на французское общество», ибо дворянство обладало «военной доблестью, славой, честью; дворяне умели умирать, хвалились этим, и это была гордость законная. Вместе с тем в дворянстве было чувство привязанности к французскому королевству, к родной земле на всем ее протяжении в такую пору, когда патриотизм буржуазии еще не возвышался над муниципальным духом».

О.Тьерри берет под защиту феодальные права дворянства по отношению к крестьянству. «Как ни кажутся нам теперь ненавистными эти права, они не только имели законные основания, но вместе с тем они были полезны для прогресса в будущем».⁹³ Даже в период революции 1789 г., в момент наиболее острой борьбы буржуазии с феодалами, О. Тьерри старается найти общую почву, которая сближала бы буржуазию с ее тогдашними противниками; он пытается доказывать, что революционные традиции вовсе не были чужды дворянству и духовенству «Везде, где сходились возвышенные души и благородные сердца, создавалась почва для того, что можно назвать современной либеральной мыслью; этот голос общественного мнения, который все обновил в 1789 году, имел блестящих представителей среди дворянства и духовенства».⁹⁴ Таковы новые политические мотивы в поздней концепции О.Тьерри. Как видим, она существенно отличается от его ранней антифеодальной и антимонархической теории.

Кем является О.Тьерри — германистом или романистом? Ответ может быть только один: О.Тьерри был всегда последовательным романистом, и его теория в целом является теорией романистической. Само по себе признание факта германского Завоевания еще вовсе не делает О.Тьерри германистом, ибо решающим было то содержание, которое О.Тьерри вкладывал в свою концепцию, те задачи, под углом зрения которых он строил Исторический процесс Франции. О. Тьерри еще в раннюю пору подчеркивал, что «Галлия была раньше Франции».⁹⁵ Предками Третьего сословия были именно покоренные галло-римляне, и именно они явились настоящим корнем французской нации; не они ли «в то время, когда варвары наводнили Европу, сохранили для человечества искусство, ремесла и навыки промышленности? Оскорбляемые и ограбляемые каждый день их завоевателями и господами, они влачили тяжелое существование, относясь к своему труду как к содеянному благу, охраняя его как вклад в дело цивилизации для своих детей и для человечества. Такими спасителями наших искусств были наши отцы».⁹⁶ Свою задачу О.Тьерри видел в том, чтобы написать историю «тех, кто в течение четырнадцати веков возделывал почву отечества, часто опустошаемую руками других»,⁹⁷ и эта история, им написанная, была историей борьбы и конечной победы его галло-римских предков.

В своей последней книге О.Тьерри еще более подчеркивает роль романских элементов. С этой стороны «История происхождения и успехов третьего сословия» является историей неуклонных успехов и победы романских начал в истории Франции. Уже при самом возникновении Франция получила в наследие уцелевшие институты римской государственности. «Когда для

Галлии наступило господство варваров и рушился политический строй Западной империи, сохранилось лишь три силы: христианство, римское право в качестве права обычного и городское управление. Христианство подчинило себе новых повелителей, обычное право удержало среди местного населения нравы и формы гражданской жизни, а муниципальный строй, хранивший эти формы, оградил их и обеспечил им долговечность, прикрыв их силой своей организации».⁹⁸ Сама королевская власть с самого начала складывалась под значительным влиянием римских традиций; «будучи германского происхождения, но сложившись в Галлии и проникшись традициями императорского Рима, она никогда не забывала основного римского принципа, который требовал равенства всех перед государем и перед законом».⁹⁹

Именно в римских истоках, по мнению О.Тьерри, «надо искать первые зачатки нашей цивилизации. Среди этой эпохи упадка и разрушения древнего общества создались по большей части те принципы и те общественные элементы, которые, продолжая существовать под властью германских завоевателей и сплетаясь с их традициями и народными обычаями, создали средневековое общество и от него передались нам».¹⁰⁰ И О.Тьерри показывает, что в этом сплетении романского и германского начал ведущим и главным являлось романское начало

Достаточно проследить судьбу хотя бы некоторых римских институтов в истории Франции. Такой институт, как римское «городское управление», нашел свое прямое продолжение и дальнейшее развитие в коммунальном движении буржуазии - успехам буржуазии, этой социальной силы несомненно римского происхождения, О.Тьерри придает решающее значение в историческом прогрессе Франции, ибо история буржуазии «в сущности не что иное, как история развития и прогресса нашего гражданского общества, начиная с того хаоса в правах, законах и состояниях, который образовался вслед за падением Римской империи, и кончая нашими днями».¹⁰¹

Но в своей борьбе за прогресс Франции буржуазия не была одинока, ей на помощь пришла «посторонняя и вместе с тем более значительная сила и напала открыто на землевладельческую аристократию, которая окончательно сложилась под влиянием завоевания и германских обычаев».¹⁰² Этой силой была королевская власть, которая со времени Капетингов начинает превращаться в защитника и покровителя галло-римлян, а затем «бесповоротно идет по пути традиций императорского Рима, поддерживая цивилизаторское направление».¹⁰³

Теперь история Франции определялась блоком двух романских сил — буржуазии и монархии; опорой для них послужил еще один не только уцелевший, но и развивающийся римский институт — «преобладающее влияние римского права, которое становилось все сильнее и сильнее и при каждом шаге вперед ...национального права устраняло в нем ту или иную черту, происходившую из германской традиции».¹⁰⁴ Задача римского права, для которого существовало «лишь два законных явления, королевская власть и буржуазия», заключалась в том, чтобы «соединить в одних руках раздробленную верховную власть, довести до уровня буржуазного класса все, что стояло выше его, и поднять до того же уровня, что было ниже его».¹⁰⁵

В союзе с королевской властью и при помощи римского нрава буржуазии удавалось с успехом оттеснять на задний план дворянство — силу германского происхождения, ибо «если дворянство теряло, то его потери были непоправимы; если теряла буржуазия, ее потери были кажущимися; если ей преграждали проторенную дорогу, перед ней тотчас открывались новые и более широкие пути. Непрерывный подъем третьего сословия составляет господствующий факт и как бы закон нашей истории».¹⁰⁶

Временный разрыв союза буржуазии и королевской власти, наступивший при Людовике XIV, был резким нарушением традиционной расстановки сил, однако это не остановило роста успехов буржуазии. «Так шло третье сословие со времени своего возникновения до последних лет XVIII века», когда буржуазия пошла на революцию и основала во Франции «социальное единство, гражданскую и конституционную свободу».¹⁰⁷ Правда, восстановить союз буржуазии и монархии тогда не удалось.

Наконец, революция 1830 г. восстановила этот союз буржуазии и королевской власти, и теперь О. Тьерри «на двух концах пройденного пути видел одну и ту же нацию, одну и ту же монархию связанными между собою». Но что по существу означал для О.Тьерри этот «новый договор единения»? Он означал не что иное, как окончательное торжество двух главнейших римских институтов — буржуазии и монархии, того приумноженного римского наследства, которое получила Франция на заре своей истории.

Такова романистическая окраска позднейшей концепции О.Тьерри. Но необходимо подчеркнуть, что этот романизм О.Тьерри в середине века играл уже совершенно иную политическую роль, чем в начале века. Если для молодого О.Тьерри его ранний романизм был боевой теорией классово-борьбы, призывом к войне с дворянством, то для позднего О.Тьерри романистическая концепция была призывом к классовому миру. Раскол третьего сословия его пугает прежде всего потому, что он «разрушает общественное спокойствие»; задачу монархии он видит в том, чтобы «поддерживать общественную тишину»,¹⁰⁸ а традиции буржуазии, по его мнению, «придали нашим переворотам, начиная с XIII века, присущий им характер медленного, но

всегда уверенного движения к гражданскому равенству, национальному и административному единству». ¹⁰⁹ Прогрессивная роль романизма во французской историографии была исчерпана

Грянул 1848 год, и для О. Тьерри он был катастрофой «Я был потрясен ею вдвойне, как гражданин, во-первых, а затем как историк. Силой этой новой революции... история Франции, казалось, была опрокинута так же, как и сама Франция. Я приостановил свой труд, чувствуя упадок духа, который легко понять, и история, доведенная мною до конца царствования Людовика XIV, не пошла дальше». ¹¹⁰ Революция оборвал «Историю происхождения и успехов третьего сословия», О. Тьерри с тех Пор больше ничего не писал. Как выразило Камилл Жюллиан, «Революция изгнала О.Тьерри из истории». ¹¹¹ Начало борьбы пролетариата за власть было концом О.Тьерри как историка; талант О.Тьерри угас.

Эту катастрофу О.Тьерри нетрудно понять. Как уже было сказано, всю позднейшую его концепцию составляли две главные идеи: монархия и единое третье сословие. Но февральская революция 1848 г. во Франции свергла монархию, а июньские дни были неопровержимым доказательством не только безнадежного раскола, но и открытой гражданской войны среди классов переставшего существовать третьего сословия. Рушилась вся философия истории О.Тьерри — дело всей его жизни. И только в 1853 г. переживший трагедию О.Тьерри выпускает свою неоконченную книгу. В предисловии к ней он еще раз пытается защитить свои главные идеи, но это выглядит уже как самоутешение автора, как попытка в последний раз полюбоваться своей, пусть опровергнутой, но по-своему стройной концепцией, как попытка реабилитации перед самим собой и перед историей.

1 Montlosier. De la monarchie francaise depuis le retour de la maison Bourbon, Paris, 1815, стр.396.

2 Montlosier. De la monarchie francaise depuis le retour de la maison de Bourbon, Paris, 1815, стр.XII.

3 Montlosier. De la monarchie francaise depuis son etablissement jusqu'a nos jours, т.III, стр.370.

4 Там же, стр.405.

5 Montlosier. De la monarchie francaise depuis le retour de la maison de Bourbon, стр.VIII.

6 Там же, стр. XV.

7 Montlosier. De la monarchie francaise depuis le retour de la maison de Bourbon, стр.376

8 Там же, стр.365.

9 Кстати сказать, Р.Ю.Виппер («Очерки исторической мысли в XIX в.», «Мир божий», 1901, № 3, стр.252) и О.Л.Вайнштейн (Предисловие к «Избранным сочинениям О.Тьерри», М., 1937, стр.XIV) приводят одну из таких тирад: «Раса вольноотпущенных, раса рабов, вырванных из наших рук, народ, платящий налоги, новый народ, это вам было даровано право стать свободными, а не нам стать дворянами; мы владеем всем по праву, вы же — из милости. Мы не принадлежим к вашему сообществу; мы сами по себе составляем нечто целое. Ваше происхождение ено, и наше тоже; наши титулы не нуждаются в вашем утверждении, мы сами сумеем их защитить».

Появление этой цитаты в нашей литературе основано на простом недоразумении. Строго говоря, такого текста у Монлозье нет. Этот текст принадлежит О.Тьерри, который в статье «De l'antipathie de race, qui divise la nation francaise» («Dix ans d'etudes historiques», стр.239) формулирует в этих словах точку зрения Монлозье. Эту формулировку О.Тьерри, взятого им в кавычки, наши русские авторы ошибочно приняли за текст самого Монлозье.

10 Montlosier. De la monarchie francaise depuis son etablissement qu'a nos jours, т.III, стр.376.

11 Там же, стр.XV.

12 Montlosier. De la monarchie francaise depuis le retour de la maison de Bourbon, стр.XV.

13 К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.VIII, стр.324.

14 Характерно, что хотя Гизо и не работал над историей французской революции, зато он как бы восполнял этот пробел изучением опыта английской буржуазной революции. Так или иначе, именно разработка проблем буржуазной революции привлекала внимание большинства историков этого периода.

15 К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.XXV, стр.145—146.

16 К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч, т.XIV, стр.669—670.

17 См. Г.В.Плеханов. Соч., т.VII, стр.74—87; т.VIII, стр.7—25.

18 O.Thierry. Dix ans d'etudes historiques. Preface, Paris, 1851. Там же, стр.1—2.

19 Там же, стр.1—2.

20 Там же, стр.5.

21 O.Thierry. Dix ans d'etudes historiques. Preface, стр.

22 К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.V, стр.20.

23 Там же, т.XIV, стр.260.

24 Г.В.Плеханов. Соч., т.VIII, стр.22.

25 Saint-Simon. Oeuvres choisies, том II, стр.241, Paris, 1819— 1825.

26 Г.В.Плеханов. Соч., т.VII, стр.83.

27 Несомненно, что О.Тьерри еще в период сотрудничества с Сеймом уже расходился со своим учителем по ряду вопросов, но интересна история некоторых разногласий; например, Сен-Симон считал, что индивидуальные классы во Франции, представлявшие собою галло-римские элементы, с самого своего возникновения выступали в союзе с королевской властью; Людовик XIV совершает ошибку, отказавшись от союза с ними вступив в союз с германской силой — дворянством (Saint-Simon, ttes, т.XXI, стр.191—192). О.Тьерри сначала решительно отри-Союз буржуазии с королевской властью, считая, что короли в отношениях с городами преследовали лишь меркантильные цели; но уже в «Письмах об истории Франции» (20-е годы) он пришел к концепции Сен-Симона, которая и остается потом характерной для позднего О.Тьерри.

28 Г.В.Плеханов. Соч., т.VII, стр.90.

29 О.Thierry. Dix ans..., стр.23.

31 О.Thierry. Lettres sur l'histoire de France, Paris, 1829, стр.1—2; Там же, стр.VI.

32 О.Thierry. Dix ans..., стр.5.

33 Там же, стр.11.

34 О.Thierry. Dix ans..., стр.240—241.

35 О.Thierry. Dix ans..., стр.3.

36 К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т. XXII, стр.49.

37 О.Тьерри. Избр.соч., М., 1937, стр. 330.

38 О.Thierry. Lettres sur l'histoire de France, стр.1.

39 О.Тьерри. Избр.соч., стр.330.

40 О.Тьерри. Городские коммуны во Франции, 1901, стр.11—

41 Saint-Simon. Oeuvres, т.XVIII, стр. 33—34 (Введение щУьюря к сб. «Industrie»).

42 Г.В. Плеханов. Соч., т.VIII, стр.15.

43 О.Thierry. Dix ans..., стр.2.

44 О.Тьерри. История завоевания Англии норманнами, т.I, стр.3, СПб., 1868.

45 Там же, стр.3—4.

46 О.Тьерри. История завоевания Англии норманнами, т.I, стр.7.

47 Там же, стр.8.

48 Там же.

49 Там же, стр.155.

50 Там же, стр.156.

51 О.Тьерри. История завоевания Англии норманнами, т.II, стр.23.

52 Там же, т.I, стр.310.

53 Там же, т.II, стр.315.

54 Там же, т.I, стр.9.

55 О.Тьерри. История завоевания Англии норманнами, т.I, стр.1299.

56 Там же, стр.176.

57 Там же, стр.166.

58 О.Тьерри. История завоевания Англии норманнами, стр.165.

59 Там же, т.I, стр.167.

60 Там же, стр.169.

61 Там же.

62 Там же, стр.174.

63 Там же.

64 Там же, стр.308—309.

65 Там же, стр.309.

66 О.Тьерри. История завоевания Англии норманнами, т.I, стр.313.

67 Там же, стр.315.

68 Там же, стр.311.

69 Там же, стр.317.

70 Там же, стр.318.

71 Там же, стр.325.

72 Там же, стр.325—326.

73 К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.V, стр.239.

74 Там же, т.III, стр.153.

75 О.Тьерри. Избр.соч., стр.255—256. .

76 Там же, стр.256.

77 О.Thierry. Recits de temps merovingienne, Paris, 1887, стр.VI.

78 К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.XIV, стр. 669.

- 79 К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.XVI, ч.1, стр.453.
 80 Там же, стр.468.
 81 О.Тьерри. История происхождения и успехов третьего сословия, ML, 1899, стр.33.
 82 Там же, стр.35.
 83 Там же, стр.34.
 84 Там же, стр.36.
 85 О.Тьерри. История происхождения и успехов третьего сословия, стр.36—37.
 86 О.Тьерри считает с XII в., со времени выступления на историческую арену третьего сословия.
 87 О.Тьерри. История происхождения и успехов третьего сословия, P.33.
 88 Там же, стр.41.
 89 К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.XXII, стр.48.
 90 О.Тьерри. История происхождений и успехов третьего сословия, стр.83—84.
 91 Там же, стр.85—86.
 92 Там же, стр.39.
 93 Там же, стр.53.
 94 Там же, стр.273
 95 O.Thierry. Dix ans..., стр.5.
 96 Там же, стр. 4.
 97 Там же, стр. 5.
 98 О.Тьерри. История происхождения и успехов третьего сословия, стр.43—44.
 99 О.Тьерри. История происхождения и успехов третьего сословия, стр.65.
 100 Там же, стр.43.
 101 Там же, стр.41.
 102 Там же, стр.65.
 103 Там же, стр.88.
 101 Там же, стр.124.
 105 О.Тьерри. История происхождения и успехов третьего сословия, стр.68—69.
 106 Там же, стр.181.
 107 Там же, стр.182.
 108 Там же, стр.66.
 109 О.Тьерри. История происхождения и успехов третьего сословия, стр.2.
 110 Там же, стр.37.
 111 C.Jullian Extraits des historiens francais du XIX-e siecle, Paris, 1913, стр.LXXX.

Об **О.Тьерри**: Б.Реизов, «Воинствующий романтизм: Огюст Тьерри» глава из книги «Французская романтическая историография» (http://enlightment2005.narod.ru/arc/reisov_thierry.pdf); Г.В.Плеханов, «Огюстен Тьерри и материалистическое понимание истории» (<http://www.zhurnal.ru/magister/library/philos/plehg001.htm>); Н.Степанова, «Романтизм как культурно-исторический на разнородность методологий («воинствующий» романтизм Вильмена, Огюста Тьерри, «нарративная школа» Проспера де Баранта, доктринерство Гизо» (http://anthropology.ru/ru/texts/stepanova/symp12_51.html); О.Тьерри, «Завоевание Англии нормандами» (<http://www.litportal.ru/genre24/author4879/read/page/0/book21875.html> или http://lib.aldebaran.ru/author/terri_ogyust/terri_ogyust_zavoevanie_anglii_normandcami/).

Франсуа Гизо

Аналогичный путь прошел и другой крупнейший представитель французской буржуазной историографии первой половины XIX в. — Франсуа Гизо (1787—1874). Что касается идеологических корней его концепции, то они те же, что и у О.Тьерри. Это, с одной стороны, предшествующая дворянская историография, с другой — это взгляды Сен-Симона. На связь исторической концепции Гизо с воззрениями Сен-Симона указывал не без основания сам Сен-Симон, и «бесспорно, что тот, кто внимательно прочтет Сен-Симона, не найдет в трудах Гизо ничего нового по части философии истории».¹¹²

Но из этих элементов Гизо, как и О.Тьерри, создал свою собственную историческую теорию, сыгравшую крупную роль в Политической борьбе французской буржуазии в первой половине XIX в., причем связь истории и политики у Гизо особенно тесная и непосредственная. Эту связь Гизо устанавливал совершенно сознательно и считал историю прямым продолжением политики. «Если история помогает политике, то политика в еще большей степени служит эту службу для истории. События настоящего освещают факты прошлого».¹¹³ Такое заявление вполне понятно, если учесть, что Гизо был не только историком-ученым, но и одним из крупнейших государственных

деятели своего времени, причем Гизо-ученый всегда был прямым слугой Гизо-политика. Это можно, в частности, проследить по трактовке германо-романского вопроса в работах Гизо.

В отличие от О.Тьерри Гизо с самого начала был монархистом. В реставрированных Бурбонах, ограниченных под давлением держав-победительниц хартией, он увидел конституционную буржуазную монархию — идеал, которому он всегда поклонялся. Вместе с Бурбонами Гизо бежал от Наполеона во время «Ста дней» и в течение первых лет реставрации верно служил Людовику XVIII, добиваясь реализации компромисса между буржуазией и дворянством.

Но практика не оправдала надежд Гизо. Бурбоны настойчиво пытались вернуть Францию к дореволюционным порядкам, причем в 1820 г., в связи с убийством герцога Беррийского, феодальная реакция еще более усилилась, в частности, сам Гизо был удален из правительства, а вскоре лишен и профессорской кафедры. Поняв, что его надежды на конституционную монархию — иллюзия, Гизо вступил в открытый конфликт с политикой реставрации. Этот конфликт и вызвал появление одной из его ранних книг — «Du gouvernement de la France depuis la Restauration». Этот труд, как об этом говорит его заглавие, был посвящен вопросам текущего момента, но предисловие к книге и ее первая глава служили историческим введением, объясняющим смысл происходящих событий.

В качестве исторической основы этих событий был выдвинут германо-романский вопрос. «Революция была войной, настоящей войной, которую только знал мир, между враждебными народами. Более тринадцати веков Франция состояла из двух народов — народа-победителя и народа-побежденного. В течение более тринадцати веков побежденный народ боролся, чтобы сбросить иго народа-победителя. Наша история есть история этой борьбы. В наши дни произошла решительная битва. Она зовется революцией».¹¹⁴ Гизо подчеркивает, что несмотря на то, что в течение веков расы смешивались, а их борьба меняла свои формы, все же эта борьба оказалась неистребимой. «Франки и галлы сеньеры и крестьяне, дворяне и простой народ, все задолго до революции назывались французами, одинаково считали Францию своей родиной. Но даже столь продолжительное время не стерли различия между ними... Тринадцать веков пытались сплавить в единое существование расу победившую и расу побежденную победителей и побежденных. Однако первоначальное разделение продолжало сохраняться и устояло против действия времени. Борьба продолжалась на протяжении всех веков в различных формах и различным оружием; и когда в 1789 году депутаты всей Франции собрались вместе, эти два народа поспешили вновь начать свою старую распрю. Решительный день, наконец, наступил».¹¹⁵ Эта вековая борьба, как основной факт французской истории, заявляет Гиро, признается всеми; в частности, оно является «основой труда Монлозье о французской монархии».¹¹⁶ Сама книга Гизо была прямым ответом на книгу Монлозье.

Автор считает, что монархия теперешних Бурбонов должна явиться наследницей революции и призвана хранить ее традиции. «Результат революции не подлежит сомнению. Древний побежденный народ стал народом-победителем. Он в свою очередь завоевал Францию. В 1814 году он стал ею владеть бесспорно. Хартия признала это обладание... и дала этому гарантию в виде представительного правления. Этим актом король стал главою новых завоевателей. Он стал в их ряды и во главе их, он обязался вместе с ними и для них защищать завоевания революции, которые они добыли».¹¹⁷

Однако, заявляет Гизо, теперь этот режим хартии оказался в опасности. «В 1820 году произошла великая перемена. Министерство пало под ударами контрреволюции... Вот создавшееся положение в его обнаженной и полной правде. До 1820 года в неизбежном конфликте двух народов правительство стояло на стороне народа революции и укрепляло конституционный порядок и законный трон. Ныне правительство, перейдя на сторону контрреволюции, без сомнения, попытается выполнить все ее намерения».¹¹⁸

Таков смысл выступления Гизо. Вступив в конфликт с монархией Бурбонов, он призывает к себе на помощь историю.

Вместе с О.Тьерри приняв старый дворянский тезис о германском завоевании, Гизо, как и О.Тьерри, делает из него совершенно противоположные политические выводы. Германо-романский вопрос стал с этих пор, правда, лишь на некоторое время, идеологической основой его политики, формой его теории классовой борьбы.

Книга Гизо подверглась нападкам дворянских публицистов и самого правительства. В особенности его обвиняли в злонамеренном разжигании политических страстей, для чего, собственно, ему и понадобилась теория завоевания; поэтому нападки на Гизо зачастую сопровождались и нападками на выдвинутую им теорию. В ответ на это Гизо, переиздавая в следующем году свою книгу, пишет новое предисловие, в котором со всей решительностью выступает в защиту своих положений. «Дегенеративные потомки расы, которая господствовала в великом государстве и заставляла дрожать великих королей! — обращается Гизо к своим оппонентам. — Как, вы отрекаетесь от ваших предков и от вашей истории? Вы чувствуете себя павшими, поэтому вы протестуете против вашего прошлого великолепия!»¹¹⁹ И Гизо напоминает

своим противникам, что теория о расовой борьбе — это их же собственная дворянская теория. «Кто вам сказал, что вы — германцы, а мы — галлы? Только вы одни говорили об армиях франков... как о предмете вашей же собственной гордости». ¹²⁰ «Что сказал бы господин Буленвилле, если бы он появился среди нас? Разве он стал бы отрицать, что третье сословие постоянно боролось за то, чтобы отнять у знати ее привилегии и завоевать себе равенство?» ¹²¹ Гизо говорит, что если бы воскресли предки дворян, то они, безусловно, подтвердили бы, что «только они, как победители, были свободными и обладали властью». ¹²² Гизо замечает, что он чувствует себя весьма неловко оттого, что ему, буржуа, приходится доказывать дворянам их бывшее величие.

Но тем более, подчеркивает Гизо, не может и не должно забывать свое прошлое третье сословие: «Вы нас обвиняете, — обращается он к дворянам, — в напоминании этой борьбы, в которой вы, в конце концов, пали. Мы стараемся, говорите вы, поддерживать чувство ненависти и деление граждан. Как, вы нас обязываете забыть нашу историю, потому что ее итоги против вас? Вы, апостолы прошлого, вы, кто с таким жаром защищал память веков, когда вы были могущественными..., вы запрещаете нам знать, что наши предки были третьим сословием, в то время когда ваши были рыцарями... Мы не требуем возврата прошлого, но мы не откажемся от его уроков». ¹²³ Поверить что дворяне не ведут борьбы с третьим сословием, это значило бы оскорбить память предков буржуазии. ¹²⁴

Таковы, по убеждению Гизо, корни классовой борьбы в современной Франции. В подтверждение он излагает свою концепцию французской истории. «Борьба классов наполняет, вернее составляет всю эту историю», ¹²⁵ а эти борющиеся классы вышли из завоевания. «В продолжение многих веков после победы германских народов над галлами политическая нация, свободная и господствующая, состояла исключительно из победителей и и-влиятельных галлов, которых победители допустили в свою среду из епископов и высшего духовенства... Масса жителей, рассеянных по деревням или живших в городах, была вне политической жизни и находилась в рабстве, а оказавшись в таком положении, она не могла защищаться против гнета и разбоя». ¹²⁶

Но, естественно, не судьба победителей, а судьба побежденных интересует Гизо, и даже не судьба всех побежденных предметом его главных забот является буржуазия, выделившаяся из общей массы побежденных с момента образования средневековых коммун. «Время, промышленность, коммерция, христианство, наконец, потребность в порядке, без чего невозможна никакая социальная организация, возвратили побежденному населению некоторую долю спокойствия. Население городов увеличилось и обогатилось. Как только оно почувствовало некоторую силу, оно стало сознавать необходимость определенных прав...» ¹²⁷

Далее, на помощь третьему сословию приходят короли, усилена политический союз коммун и королевской власти «Королям был на руку этот подъем народного движения; в свою очередь народ, чтобы освободиться от господства более близкого и более угнетающего, охотно шел на поддержку и усиление власти королей. Под давлением необходимости сбросить ярмо господ, которые владели землей, и желая получить порядок и хоть в какой-то степени равенство, народ способствовал усилению централизованной власти... Население воевало с аристократией, и необходимость этой войны была столь велика, что оно не могло в то же время бояться усиления королевской власти». ¹²⁸ Так родилось и вышло на политическую арену городское сословие, «нация поистине новая», ибо она «не была частью нации, которая дала имя Франции...; она сама, своими собственными: силами победила своих старых господ... Только благодаря самой себе она стала тем, что она есть». ¹²⁹

Казалось, что путь для победного шествия буржуазии, или, как ее Гизо именуется, — третьего сословия, — был прочно завоеван, но произошло «странное и почти беспрецедентное явление»: по вине королей происходит разрыв союза третьего сословия с королевской властью, в результате чего, начиная с царствования Людовика XIV, третье сословие «потеряло свое общественное влияние в делах и смелость своего языка вместе с большей частью своих свобод». ¹³⁰ Однако это не остановило общего поступательного движения третьего сословия; попрежнему «возрастало его богатство и просвещение, оно с успехом овладевало всеми формами развития и процветания. И, естественно, общий ход развития привел к тому, что третье сословие было почти единственным, которое шло вперед, богатея, просвещаясь, приобретая с каждым днем все больше силы и влияния. Только в нем была жизнь и все, что обеспечивало будущее». ¹³¹ Таким образом, создавалось вопиющее противоречие между огромным социальным значением третьего сословия и его политическим бесправием.

Параллельно с этим дворянство переживало обратный процесс: имея все политические права, оно все больше теряло свое социальное значение, ибо «знать не создавала ничего нового». Что касается абсолютной монархии, то она, потеряв поддержку третьего сословия, превратилась в прямой тормоз общественного развития. «Ее карьера коротка, и как только она ее прошла, она остановилась», и теперь ее уделом оставалось лишь быть «бессильной и бесполезной». ¹³² Естественным результатом всего этого было то, что к моменту революции

«старая французская аристократия и система правления Людовика XIV оказались обе изолированными, без корней перед лицом этой новой нации, которая называлась еще третьим сословием и которая не замедлила показать, какую огромную территорию она захватила с той эпохи, когда ее имя появилось во Франции».¹³³

Наконец, грянула революция. «Третье сословие совершило революцию, как поток, долго накопленный, прорывает себе Русло, когда его пытаются сдержать непрочной плотиной. Оно начало эту ужасную борьбу против той же власти, что и некогда его древние предки, но более слабые, менее требовательные». Гизо при этом подчеркивает, что революция — это дело всего третьего сословия, выступившего единым фронтом против абсолютизма и дворянства. «Вы нам всегда говорите о богатых и бедных, о собственниках и пролетариях, вы хотели бы унижить революцию этим позорным утверждением»,¹³⁵ — возражает он своим противникам.

Такова историческая концепция Гизо в ее первоначальном виде. Вся она строится под углом зрения главной цели — доказать историческую неизбежность и справедливость революции 1789 г., ибо завоевания этой революции являются главным основанием политической программы Гизо. И вполне понятно что Гизо защищает революцию весьма решительно. Дворянским публицистам, которые ополчились особенно против «крайностей и «излишеств» революции, Гизо резко возражает, указывая, что «освещать все заблуждения революции, доказывать все ошибки находить и собирать все преступления, как это делаете вы..., чтобы доказать, что революция была длительным сумасшествием и великим несчастьем»,¹³⁶ было бы по меньшей мере несправедливостью. Революция достойна того, чтобы ее принимал! целиком, все «ее истины и заблуждения, ее добродетели и ее излишества, ее триумфы и ее падения»,¹³⁷ нужно понять, что революция была «борьбой ужасной, но справедливой».¹³⁸

И далее, опираясь на «великие результаты» революции, Гизо излагает основы своей политической программы, формулирует принципы буржуазного порядка. Это была программа, противопоставленная дворянской программе Монлозье.

Основой социального строя должна быть буржуазная собственность. Гизо говорит, обращаясь к знати: «Вы постоянно опасались влияния средней собственности, в которой господствует буржуазия, и добивались фактического господства крупной земельной собственности, в которой старый режим насчитывает больше всего сторонников».¹³⁹ Отныне должна господствовать буржуазная, или, как Гизо ее называет, «средняя собственность»

А это, далее, решало такой чрезвычайно важный для него вопрос, как вопрос о недопустимости сословного неравенства. Гизо восстает против тезиса Монлозье, согласно котором «естественное право» служило обоснованием для сословных различий. В противовес этому Гизо, исходя из того же «естественного права», выдвигает целое учение о равенстве и различиях в буржуазном обществе. «Люди все одной природы и, следовательно, равны», заявляет он: из этого природного равенства вытекают «права, принадлежащие человеку, потому что он человек, права, принадлежащие воем в силу равенства нашей природы. Таково внутреннее право на свободу совести и большая часть прав, именуемых гражданскими, как право собственности и все права, отсюда вытекающие... Это право равенства для всех».¹⁴⁰

Но есть и другая сторона дела. Несмотря на то, что люди от природы равны, тем не менее они «дарами природы одарены не все в равной мере, и в этом отношении люди неравны. Это неравенство — первая действительная причина социального неравенства», ибо отсюда вытекают «права и неравенство, которые распределяются согласно естественному неравенству, дарованному нам провидением, — личное право конкуренции в различных функциях власти или в каждом общем действии... Оно не универсально и не является качеством, присущим каждому человеку, оно подчинено способностям каждого из нас, оно рождается вместе с человеком... и измеряется степенью интеллектуального и морального развития».¹⁴¹ Именно такого рода неравенство является, по мнению Гизо, источником всякого прогресса. «Власть, приобретенная людьми, и все средства к ее приобретению, как богатство, ловкость, наука, проистекают из естественного неравенства, которое развилось и принесло плоды».¹⁴² Больше всего внимания Гизо посвящает защите именно этого естественного неравенства», ибо в этом главная суть буржуазного общества; права этого рода, будучи неравными, для него не менее священны. «Они настолько реальны, что там, где они существуют, они тот же час переходят в действие и дают почти везде объяснение происхождения власти. Они так сильны, что нельзя длительное время их отрицать, не рискуя создать причину волнений и войн. Они настолько уважаемы, что от поддержки их, от свободного пользования ими зависит прогресс и постепенное улучшение человеческого рода. Благодаря чудесному их распределению провидение связало честь и судьбу мира с развитием естественного неравенства... Тормозить этот принцип активности и подъема, душить это естественное и необходимое неравенство... означает отрицать волю божию и поднимать на нее кощунственную руку».¹⁴³

Отсюда вытекало, что неравенство сословное, закрепленное в привилегиях, противно природе, ибо оно, будучи неравенством, искусственно созданным, пытается заменить собой неравенство природное; кроме того, отрицать неравенство естественное означает отрицать «божественное свойство, полученное человеком от господ-творца».¹⁴⁴ Поэтому борьба за буржуазное неравенство против неравенства сословного является, по мнению Гизо, не чем иным, как борьбой за природные и божественные законы, иначе говоря, тезис о естественном неравенстве был одним из аргументов в борьбе буржуазии за власть.

Но должна ли буржуазия одна создавать во Франции государство, основанное на буржуазной собственности и буржуазном неравенстве? Гизо не только не настаивает на этом, — наоборот, он убежденный сторонник той идеи, что «новая Франция» должна быть создана блоком буржуазии и дворянства, по примеру Англии, где виги и тори не только борются, но и сотрудничают. Такое сотрудничество во Франции, по мнению Гизо, вполне приемлемо для буржуазии, ибо революция дала ей победу, и буржуазия как класс-победитель может и должна теперь привлечь побежденное дворянство к сотрудничеству, рамки которого она сама определяет. Гизо поэтому предлагает дворянству не борьбу, а союз. «Я также огорчен вечным возобновлением наших споров, — пишет он, — я также хотел бы, чтобы можно было уничтожить, я бы не сказал, причины, но резонанс и последствия этих споров. Не с радостью я говорю о войне этих интересов».¹⁴⁵ Поэтому он вовсе не требует, чтобы буржуазная Франция была государством для одной буржуазии. «Хотят ли записать в законах, что буржуа одни будут освобождены от того или иного налога, одни будут пользоваться такими-то привилегиями, что никто другой не может сделаться полковником, придворным или судьей, если он не докажет, что он простолюдин? Слава богу, политическая справедливость выше законов возмездия; эмансипированные побежденные не требуют наследства прежних завоевателей. Все, что от вас хотят, это — принять равенство, вам предлагаемое».¹⁴⁶

Буржуазная Франция должна быть тем этапом французской истории, когда не насильственным образом, а мирным путем должно быть покончено с вековой борьбой победителей и побежденных. «В лоне закона, и только там, может исчезнуть различие двух рас, двух народов, которое некогда было вашей гордостью, ибо вы были сильны, и что вас ужасает сейчас, ибо вы — слабы».¹⁴⁷

Поиски такого компромисса определяли для Гизо и вопрос о политической форме правления Франции. Этой формой, которая может обеспечить естественный союз буржуазии и дворянства и в рамках которой угаснет, наконец, борьба римских и германских элементов, по мнению Гизо, может быть только конституционная буржуазная монархия. Будучи своего рода *modus vivendi* для буржуазии и дворянства, конституционная монархия будет прочной гарантией их совместного господства, защитит его «от борьбы страстей и волнений», иначе Франции вновь будут угрожать «беспорядки, разногласия, сражения».¹⁴⁸ Следует отметить, Гизо, борясь со всякого рода привилегиями, считал, что единственные привилегии, которые должны быть обязательно сохранены, это — привилегии государства, у которого всегда должны быть сильные руки для утверждения режима конституционной монархии. Такова первоначальная историческая концепция Гизо, такова служебная роль германо-романской проблемы в его идейно-политической борьбе.

Эволюция теории классовой борьбы Гизо

Но в таком виде эта концепция Гизо просуществовала недолго; в дальнейшем она претерпела значительные изменения, причем они шли неуклонно в одном направлении — в сторону Сглаживания остроты первоначальных противоречий между германским и романским началом. Такого рода коррективы Гизо вносит уже в своей следующей крупной работе: «*Essai sur l'histoire de France*».¹⁴⁹

Некоторые старые положения его концепций продолжают охраняться. Так, Гизо и в этой книге продолжает выводить третье сословие из римского корня. Средневековые коммуны, о его мнению, были возрождением римских муниципальных порядков, сохранившихся благодаря муниципальной церковной организации. Далее, в своем «*Essai*» Гизо попрежнему в качестве начала, средневековой эпохи признает германское завоевание. Больше того, помимо завоевания Хлодвига, он конструирует второе германское завоевание Галлии, выражением которого было свержение Меровингов Каролингами. Причину этой смены династии Гизо видит в победе германской Австразии над романизованной Нейстрией, когда «романская Франция подчинилась возрастающей силе Франции германской»,¹⁵⁰ и это было «как бы второе вторжение германцев в Галлию; это событие, в котором обычно видят только смену династии, было в самом деле победой одного народа над другим народом, основанием нового королевства путем нового завоевания».¹⁵⁰

Но вместе с тем в этой книге Гизо уже отходит от многих своих первоначальных положений. Так, признавая самый факт завоевания, он стремится значительно ослабить его последствия. Прежде всего завоевание Хлодвига не принесло с собой какой-либо катастрофы; это не было «широкое и внезапное вторжение варваров», — это было завоевание «медленное и беспорядочное».¹⁵² Первоначально Хлодвиг, как указывает Гизо, появился на территории Галлии в качестве римского чиновника и по своему положению ничем не отличался от такого же римского чиновника, каким был, например, Сиагри: «и тот и другой были мелкими суверенами, окруженными отрядами воинов, имея титулы чиновников империи и управляя на свой риск территориям, которые они занимали».¹⁵³

Дальнейшие завоевания Хлодвига были «чаще всего экспедициями, предпринимаемыми от безделья или с целью захвата добычи. Хлодвиг и его воины вторгались в страну, побеждали королей и их армии, которые сопротивлялись их продвижению, грабили деревни и города, а затем уходили, уводя рабов и стада, унося сокровища, и вовсе не помышляли включить в состав франкской монархии те территории, по которым они проходили».¹⁵⁴ После их ухода «страна с поредевшим населением и опустошенная возвращалась почти к прежней независимости, и завоевателям в двадцатый раз вновь приходилось предпринимать те же самые завоевания». Понадобилось очень длительное время, прежде чем «вся Галлия подпала под их власть и приняла их имя».¹⁵⁵

Такого рода завоевание привело лишь к единственному результату: оно еще более усилило тот хаос, в который и без того была погружена Галлия в последний век империи. «В момент завоевания галло-римляне уже не составляли народа, ибо никакой общественный дух и никакие политические учреждения их не объединяли; варвары же, вскоре после своего прихода, также утратили свое единство, так как учреждения и нравы, которые они принесли из Германии, не могли в новой ситуации сохранять между ними общность. Между победителями и побежденными не было борьбы, которая могла бы привести к каким-либо общим результатам; одни не были в состоянии защищаться, другие были неспособны подчиниться сколько-нибудь регулярной организации».¹⁵⁶

В этом хаосе утонули как победители, так и побежденные; завоевание, таким образом, не привело и не могло привести к образованию расы господствующей и расы побежденной; этого не могло произойти по той простой причине, что завоевание не создало никакого нового социального порядка. Вопреки своему прежнему утверждению, Гизо теперь решительно возражает против теории о том, что «после завоевания все прежнее Заселение Галлии стало неимущим и было сведено к положению рабов... Совершенно ясно, — утверждает Гизо, — что ничего не может быть ошибочнее этой теории».¹⁵⁷

Гизо вступает в полемику со всеми предшествующими теориями и по вопросу о франкской монархии, которую «граф. Буленвилье рассматривает с точки зрения аристократии, безраздельно господствующей и чрезвычайно хорошо организованной; аббат Дюбо считает ее чистой монархией; аббат Мабли признает ее республикой», на деле же, утверждает Гизо, «ни аристократии Буленвилье, ни монархии аббата Дюбо, ни республики аббата Мабли не могло существовать в то время».¹⁵⁸ Существовала лишь феодальная анархия, которая в конце концов приводит к распадену империи Карла Великого.

Следовательно, французское государство создавалось из «бурной амальгамы элементов, участвовавших в образовании нации»,¹⁵⁹ и не борьбу рас знает Франция на заре своей истории, а лишь великий хаос, который тянулся вплоть до X в. Голько постепенно в этом всеобщем беспорядке начинают создаваться элементы новой государственности. Признаки этого нового государства Гизо ищет не в расовых факторах, а имущественных отношениях. Свой «Essai» он посвящает главным образом исследованию формирования феодальной собственности, формам зависимости населения от феодалов и т.д.; иначе говоря, здесь он формулирует те свои выводы, которые в то время явились его крупным вкладом в историографию средних веков. Таким образом, Гизо, столь решительно выдвигавший теорию расовой борьбы, пронизывающей историю Франции, теперь фактически становится на путь ее отрицания; своим «Essai» он как бы спешит исправить отправные положения своей первой книги.

Следующие крупные работы Гизо: «История цивилизации в Европе (1828) и «История цивилизации во Франции» 1829—1832) строятся в плане основных идей «Essai». Здесь Гизо выводит третье сословие, как и раньше, из римского ала, ибо убежден, что «все признаки самостоятельного существования и управления в городах X века были римского происхождения».¹⁶⁰ Как и всегда, основное место в концепции Гизо продолжает занимать борьба третьего сословия. Гизо снова подчеркивает его значение и излагает общую схему истории «Всякому известно, какую важную роль играло во Франции третье сословие; оно было самым деятельным и решительным элементом французской цивилизации, определившим в конце концов ее направление и характер. Рассматриваемый с социальной точки зрения и в своих отношениях с различными классами, существовавшими с ним одновременно на нашей территории, класс, называемый третьим сословием, настолько распространялся, возвышался и сначала значительно

изменил, затем превзошел и, наконец, совершенно поглотил все остальные классы. Если мы станем на политическую точку зрения и проследим третье сословие в его отношениях с общим правительством страны, то увидим, что сначала, в продолжение шести веков, оно заодно с королевской властью неутомимо трудилось над разрушением феодальной аристократии и ставило на ее место единственную центральную власть, чистую монархию, чрезвычайно близкую, по крайней мере по принципу, к монархии неограниченной. Но лишь третье сословие одержало эту победу и произвело эту перемену, как оно стало стремиться к новой; оно нападает на ту самую единственную, неограниченную власть, которую оно же и помогло так усердно создать, задается целью обратить чистую монархию в конституционную и достигает этой цели».¹⁶¹

При этом Гизо особенно подчеркивает, что не королевской власти, а своей собственной, притом вооруженной, борьбе третье сословие обязано своей победой: «Я с намерением употребил слово «восстание». Освобождение коммун в XI веке было плодом настоящего восстания, настоящей войны, объявленной населением городов своим феодальным владельцам».¹⁶² С этих пор эта классовая война стала основным фактором исторического процесса; это была «борьба, наполняющая всю новую историю Из нее, можно сказать, родилась новейшая Европа».¹⁶³

Но достойно внимания: Гизо, утверждавший раньше, что третье сословие — это единая масса даже в революции 1789 г., теперь доказывает, что уже в средние века оно не являлось единым. «Вы очень ошиблись бы, если бы вообразили себе, что внутренний порядок... коммуны был порядком мира и свободы; ничто не было от нее так далеко...; внутри ее стен происходили чрезвычайные несогласия, шла вечно бурная жизнь, полная насилий, несправедливости и опасностей... Низшее сословие чувствовало постоянную зависимость и грубо восставало против богатых хозяев мастерских, в чьих руках находились деньги и работа»; и уже тогда, подчеркивает Гизо, в низах господствовал «слепой, необузданный, дикий, демократический дух».¹⁶⁵ Таким образом, славословя борьбу третьего сословия, Гизо, в противоположность О.Тьерри, не только не скрывает раскола внутри этого сословия, но настойчиво на него указывает. Тем более бросается в глаза тот факт, что, подчеркивая борьбу внутри третьего сословия, Гизо старается сгладить ее между германским и романским началами во французской истории. Все предшествующие теории, которые выдвигали какую-либо одну сторону германо-романской проблемы, он называет предрассудками; «...феодальные публицисты, как Буленвилье например, приписывали, вообще говоря, варварам слишком большое влияние; публицисты буржуазной партии, подобно аббату Дюбо, значительно уменьшали его, напротив, чтобы очистить больше места римскому обществу... аббат Мабли, при всем своем сочувствии народному делу и несмотря на антипатию к феодальному порядку, сильно настаивает на германских началах, потому что ему видится в них больше свободных учреждений, чем где-либо».¹⁶⁶

Гизо свою задачу видит в том, чтобы доказать, что Франция создавалась не из одного какого-либо германского или романского начала, а ее создали и те и другие начала, гармонически дополнявшие друг друга. Это сближение германских и романских элементов, по словам Гизо, началось еще задолго до завоевания; с одной стороны, германцы уже давно подвергались романизации, ибо «постоянные сношения с Римом не могли не оказать некоторого влияния, и историки слишком часто забывают принимать его в расчет»,¹⁶⁷ с другой стороны, уже тогда «замечаются в германских учреждениях зародыши трех великих систем, оспаривавших друг у друга господство над Европой после падения Римской империи»;¹⁶⁸ этими зародышами Гизо считает королевскую власть, патронат вождя над дружинниками, землевладельца над колонатами, и народные собрания.

Далее, германские и романские элементы встречаются на территории Галлии. Эта встреча в форме германского завоевания не означала перерыва в развитии тех и других, так как завоевание не было каким-либо переворотом. «Я того мнения, что общее представление о вторжении варваров, распространенности и быстроте его влияния совершенно несправедливо»,¹⁶⁹ — пишет Гизо. По его мнению, вторжения варваров были «событиями, по самой своей сущности, частными, местными, минутными. Приходила ватага, обыкновенно очень немногочисленная..., дружина Хлодвига, например, состояла из 5—6 тысяч человек... Он быстро проходил по какой-нибудь небольшой территории, опустошая область, нападал на города, и то удалялся унося добычу, то поселялся где-нибудь... Несколько домов сожжено, несколько полей опустошено, несколько жителей убито или отведено в плен, и когда все это сделано, по прошествии нескольких дней волны снова соединяются, борозда сглаживается, индивидуальные страдания забываются, общество возвращается, по крайней мере по видимости, к прежнему состоянию».¹⁷⁰

Теперь Гизо решительно отказывается видеть в свержении Меровингов второе германское завоевание, на котором он раньше настаивал. «В последнее время его представляли, и я сам способствовал распространению этой мысли (см. мои «Опыты по истории Франции»), как новое германское вторжение, как второе завоевание Галлии австразийскими франками».¹⁷¹ Гизо далее возражает О.Тьерри, который в факте образования Франции во главе с Капетингами видел победу

римского начала над германским; Гизо указывает, что «народы далеко не всегда сближались и распадались по расам... племенной интерес играет часто весьма второстепенную роль».

Таким образом, завоевание, будучи событием незначительным, не могло привести к господству какой-либо расы, а следовательно, и к преобладанию какого-либо расового элемента в формировании феодализма; в Галлии имели место не победа германского или романского принципа, а слияние обоих начал: в этом слиянии «одинаково погибли общество римское и общество германское»,¹⁷³ и вместо них родилось новое феодальное общество из отдельных элементов, которые внесла та и другая сторона, причем формирование этого общества шло не на расовой, а на социальной основе.

Гизо очень четко определяет ту долю социального и политического наследства, которую каждая из этих сторон завещала феодальному обществу. От Римской империи средневековью оставались монархия, императорская администрация и муниципальный строй. Какова судьба этих институтов? Что касается монархии, ее центрального аппарата, то все это погибло, «тщетно некоторые из варварских королей старались им овладеть снова... императорский деспотизм был слишком мудренным орудием для их грубых рук».¹⁷⁴ Карлу Великому удалось, правда, на время возродить империю, но после его смерти она вновь «разбилась и исчезла в хаосе».¹⁷⁵ Аналогичная судьба постигла и всю имперскую систему местной администрации: Карлу Великому удалось было ее воскресить, но скоро «вместе с центральной властью... погибла и провинциальная администрация».¹⁷⁶ Зато сохранился муниципальный строй, не являвшийся непосредственной частью имперского аппарата, а потому сумевший избежать его судьбы. Далее, сохранились римское право, римская культура и, что особенно важно, — христианство, которому Гизо придает самостоятельное значение в качестве особого элемента в формировании средневековой Европы. Одним словом, «духом легальности, правильной ассоциации мы обязаны римскому миру, римским муниципиям и законам».¹⁷⁷

Что дали средневековью германцы? Они принесли с собой королевскую власть, развившуюся из зародыша этой власти, существовавшего у них задолго до прихода в Галлию, они принесли также всю социально-политическую систему феодализма, развившуюся из двух источников: с одной стороны, из патроната землевладельца над колоном, откуда выросла вся система зависимости крестьян от феодалов, а с другой — из патроната военных вождей над дружинниками, который развился теперь в феодальную иерархию. Наконец, германцы принесли средневековому обществу «память о народных собраниях», о «праве свободных людей управлять собою»,¹⁷⁸ и это для Гизо означало, что «основная идея свободы и в новой Европе дана ей ее победителями».¹⁷⁹

Таков, по мнению Гизо, вклад римского и германского начал в европейский феодализм: «от V до X века совершался процесс брожения и слияния трех главных элементов новой цивилизации — элементов римского, христианского и германского; только к концу X века брожение прекратилось, слияние почти совсем закончилось, и началось развитие нового порядка, действительно нового общества».¹⁸⁰ И если в течение этих пяти переходных веков еще могли жить в памяти людей воспоминания о завоевании, то к моменту образования Франции и появления династии Капетингов расы окончательно сливаются. «Германец уже меньше прежнего предан своим германским традициям и обычаям; он отказывается мало-помалу от своего прошлого, чтобы принадлежать своему настоящему положению. То же самое происходит и с римлянином; он меньше вспоминает о древней империи и ее падении, так же как и о возникших в нем вследствие этого чувствах..., начинают проглядывать элементы нации».

Следовательно, Франция — это синтез романских и германских элементов. Лишь иногда у Гизо прорываются его старые романистические симпатии. Отстаивая равноправие германских и романских начал, он тем не менее старается особо подчеркнуть значение римского влияния на эпоху средневековья. По его уверению, из его труда по истории французской цивилизации «очевидно следует, что не только в муниципальных учреждениях и гражданских законах, но и в политическом строе в литературе, одним словом, во всех частях общественной и умственной жизни римская цивилизация просуществовала гораздо дольше империи, что повсюду можно найти ее следы, что никакая пропасть не отделяет римского мира от нового, что во всех областях можно проследить соединяющую их нить, что повсюду можно проследить переход от римского общества к нашему, что, одним словом, роль древней цивилизации в цивилизации новой значительнее и непрерывнее, чем обыкновенно думают».¹⁸²

Таково содержание крупнейших произведений Гизо по истории Франции. И через все эти произведения красной нитью проходят две генеральные идеи, на первый взгляд противоречивые. С одной стороны, остается неизменной оценка автором роли третьего сословия в истории Франции и оценка его борьбы как решительной и непримиримой классовой войны с феодализмом; с тех пор как третье сословие вышло на политическую арену, оно постоянно боролось сначала в союзе с королевской властью против дворянства, а затем против дворянства и абсолютизма. Главным итогом этой борьбы была революция. С другой стороны, в своих взглядах на германо-романскую проблему Гизо проделал значительную эволюцию; начав с боевой теории

истребительной войны между германскими и романскими элементами, Гизо пришел к теории мира между ними, уничтожив расовую основу этой войны и заменив ее основой социальной.

Напрашивается естественный вопрос, где искать причину столь непоколебимой устойчивости одних и столь разительной метаморфозы других методологических взглядов Гизо? Не подлежит сомнению, что эту причину нужно искать в своеобразных особенностях политической борьбы французской буржуазии первой половины XIX в.; именно в эти десятилетия не кто другой, как Гизо, был ее признанным вождем и идеологом, наиболее ярко выразившим ее чаяния. Эта связь теории и политики у Гизо буквально бьет в глаза. Интересам какой социальной группы подчинена его конечная политическая цель? В буржуазной историографии¹⁸³ установилась традиционная характеристика Гизо как идеолога «среднего класса», как носителя идеи «золотой середины» (*juste milieu*). Такая оценка верна лишь в том смысле, что позиция Гизо есть позиция компромисса между буржуазией и дворянством, но вовсе не в том, как принято считать, что Гизо был идеологом буржуазии в целом, как некоего «среднего» класса. Отход от этого традиционного взгляда на Гизо в буржуазной историографии встречается лишь в виде исключения.¹⁸⁴ Совершенно очевидно, что Гизо не был представителем «среднего класса», он был вождем и идеологом крупной буржуазии. Вместе с ней он прошел весь свой путь политика и историка. В данном случае нас интересует один из важнейших этапов этого пути, а именно период 1820—1830 гг., к которому относятся его крупнейшие произведения по истории Франции.

Основная политическая задача крупной буржуазии в этот период состояла, как известно, в новом захвате власти. Именно эта идея составляет основное политическое содержание исторической концепции Гизо. Буржуазию Гизо выделяет как особую и важнейшую основу французской цивилизации. По существу весь исторический процесс у Гизо строится исключительно для буржуазии; история Европы, начиная с древности, представляет собой, по воззрениям Гизо, не что иное, как историю формирования буржуазии. Работы Гизо-историка — это эпопея рождения, развития и победы буржуазии в борьбе с дворянством. Мы видели, как эта мысль настойчиво повторяется во всех трудах Гизо. Идею классовой борьбы буржуазии против дворянства Гизо в своих исторических работах пронесит через весь этот период. В этом он был совершенно последователен, ибо здесь пролегал, так сказать, его стратегическая линия в истории; прославление борьбы буржуазии с самой ее колыбели являлось исторической мотивировкой революции 1789 г., которая еще продолжала служить знаменем для Гизо. Отказаться борьбы буржуазии против дворянства в историческом пробелом означало отказаться от революции 1789 г. в то время, когда буржуазия еще боролась, чтобы вернуть свои завоевания. Именно это и делает Гизо буржуазным идеологом, одним из создателей буржуазной теории классовой борьбы, представителем поколения знаменитых историков периода реставрации, каким он и вошел в буржуазную историографию.

Эта генеральная основа исторической концепции Гизо решает вопрос и о форме последней. Романист или германист Гизо? Бесспорно, что в этой первоначальной форме, в какой его концепция была сформулирована в 1820 г. в «*Du gouvernement de la France...*», она является типично романистической, ибо история для Гизо, как и для О.Тьерри, есть история торжества буржуазии, которую оба автора неизменно выводят из римского корня; победа буржуазии в своей основе есть побед римского начал? в истории Франции. Этот момент и делал первоначальную теорию Гизо, как и теорию О.Тьерри, романистической; именно в этой форме в начале 20-х годов выступала его теория классовой борьбы. Но в отличие от О.Тьерри Гизо вскоре стал на путь отрицания борьбы рас в истории Франции, а это означало, что его теория классовой борьбы сохраняясь по существу, стала сбрасывать свою расовую романистическую форму.

Буржуазия периода реставрации в отличие от буржуазии эпохи Просвещения не помышляла добывать власть путем революции. Следует помнить основной факт, что если крупная буржуазия и ее вождь Гизо осуществили свои политические идеалы в революции 1830 г., то это еще вовсе не значу что они хотели этой революции. Наоборот, вместе со своими дворянскими противниками они боялись ее; эту революцию начали массы, именно они добыли завоевания для буржуазии, которая, подавив революцию, сумела воспользоваться ее результатами. Сама же буржуазия и Гизо с самого начала искали не революции, а компромисса с дворянством и именно для того, чтобы избежать революции. Идея этого компромисса всегда была одной из излюбленных идей Гизо; мы видели, как эта идея уже в 1820 г., в момент острого конфликта с бурбонской монархией, неожиданно сочетается с такой, казалось бы, боевой теорией, какой она тогда выступала у Гизо; уже тогда обращает на себя внимание резкое несоответствие между его теорией и весьма скромными политическими выводами, которые делает из нее Гизо, сводя дело к примирению с дворянством в лоне конституционной монархии.

Еще более настойчиво он этого требует в предисловии к «Истории цивилизации во Франции», написанном уже после революции 1830 г. «Дворянство и буржуазия не объединились, чтобы бороться с деспотизмом или чтобы положить прочное основание свободы и пользоваться ею, а остались разделенными; они горячо хватались за каждый удобный случай, чтобы удержать или оттеснить друг друга; дворянство не допускало никакого равенства, буржуазия — никакого

превосходства над собой. Притязания несправедливые и пустые». ¹⁸⁵ Именно в этом, по мнению Гизо, состояла ошибка имущих классов во Франции, которые взаимными распрями «отдали себя и Францию в жертву революции», ¹⁸⁶ настаивает Гизо. Поэтому нужно «вовремя итти на соглашение, делать уступки сегодня, имея в виду завтрашний день, — вот в чем состоит мудрость, ловкость, необходимость в политике, вот в чем состоит сама политика». ¹⁸⁷

Таким образом, Гизо сам указывает, в чем коренится причина его настойчивых поисков компромисса с дворянством: этой причиной является страх перед новой революцией. И естественно, что этот страх возрастал в прямой зависимости от степени активности народных масс. Анализ произведений Гизо дает совершенно четкое представление о том, как внимательно Гизо следил за поведением революционного народа. В 1820 г. он старательно подчеркивает «единство» третьего сословия, отстаивая эту идею в полемике с дворянскими публицистами. Гизо имел тогда к этому основание: революционные массы еще не выступали самостоятельно; поэтому Гизо мог не опасаться открытого конфликта с дворянством.

По мере того как дело шло к революции 1830 г., активность масс возрастала. И не случайно в обоих трудах по истории цивилизации Гизо, сглаживая противоречия между буржуазией и дворянством, одновременно указывает на раскол третьего сословия, возводя этот раскол вплоть до эпохи средневековых коммун. Следует учесть, что эти работы появились накануне и во время самой революции 1830 г. Наконец, вспоминая поведение революционных масс во время революции 1830 г., Гизо писал: «Я дрожал при виде подымавшейся и крепнувшей с каждым часом широкой волны безумных идей, грубых страстей, порочных попыток, ужасающих фантазий — волны, которая захлестнула все, и никакая плотина не могла ее остановить». Естественно, что сооружением этой плотины Гизо был озабочен с самого начала и чем дальше, тем все сильнее. Эта плотина ему представлялась в виде блока буржуазии и дворянства.

Именно эта политика уступок дворянству, проводимая Гизо, прямым образом отразилась на его исторической концепции. Мы видели, как боевая романистическая теория Гизо превратилась в мирную теорию равноправных германо-романских факторов. С точки зрения политической это было несомненным шагом назад, ибо как концепция О.Тьерри, так и первоначальная концепция Гизо были концепциями скачкообразного исторического развития, концепциями оправдания французской революции, в основании этих концепции лежал принцип борьбы сословий, пронизывающий всю историю Франции; позднейшая же теория Гизо была теорией отрицания этой скачкообразности, теорией плавного, непрерывного развития. Весь древнейший период истории Франции теперь рисовался ему как период «брожения», в котором происходило мирное срастание романских и германских элементов. Его сохранившиеся до конца симпатии к римским традициям объяснялись только тем, что эти традиции помогали ему, как он сам говорит, уничтожить ту пропасть, которая отделяла средневековье, от Римской империи.

Почему Гизо, так настойчиво защищавший свои политические позиции в вопросах, относящихся к третьему сословию, довольно легко отказался от таких позиций именно в области германо-романских идей? Дело в том, что германо-романская проблема была одной из острейших проблем в идеологической борьбе между буржуазией и дворянством во Франции; германизм уже более ста лет был боевым знаменем французского дворянства, и естественно, что идейный компромисс именно в этой области не мог не иметь крупного политического резонанса не мог не быть шагом к идейному, а следовательно, и политическому миру с дворянством. В то же время это идейное примирение с германизмом ни в малейшей степени не затрагивало буржуазной сущности концепции Гизо. Защищать интересы буржуазии в истории не значит быть обязательно романистом и концепция Гизо, перестав быть романистической, осталась буржуазной, ибо решающий тезис о значении буржуазии в истории Франции сохранился у Гизо непоколебленным.

На языке политическом это означает, что, оставляя неизменной стратегическую линию своей концепции, Гизо шел на уступки лишь в вопросах тактики. Это со всей очевидностью показывает, что компромисс, который Гизо предлагал дворянству в области истории, вовсе не был капитуляцией перед дворянской концепцией, точно так же как в политике этот компромисс мыслился им только на буржуазной основе. Таковы некоторые политические выводы, к которым нас приводит анализ крупнейших трудов Гизо по истории Франции, относящихся к годам реставрации.

Большое место в научном творчестве Гизо занимает его «История английской революции», первая часть которой вышла в 1826 г.

В противоположность О.Тьерри, который в своей «Истории завоевания Англии норманнами» рассматривает борьбу классов в английской истории как борьбу победителей и побежденных, Гизо, уже отказавшийся к этому времени от расового объяснения общественной борьбы, строит свою «Историю английской революции» исключительно на Социально-политическом основании.

Интерес Гизо к английской революции становится понятным, если учесть, что она в большей мере, чем французская революция 1789—1794 гг., соответствовала его политическому идеалу; она была проведена совместными усилиями буржуазии и нового Дворянства и создала конституционную монархию как ту форму буржуазно-дворянского блока, которую Гизо считал

образцом для Франции и за которую он боролся. Несмотря на то, что в своей политике Гизо апеллировал к французской буржуазной революции, это не означало, что она была для Гизо лучшей революцией в истории. Гизо противопоставлял ей лучший вариант буржуазной революции — революцию английскую.

В данном случае важно подчеркнуть, что первая часть работы Гизо об английской революции проникнута его политическим настроением 20-х годов, когда буржуазия в борьбе с Бурбонами еще пыталась использовать народные массы. Гизо во всей решительности старается доказать, что конституционная монархия, представлявшая, по его мнению, конечную цель революции, была завоевана в «великой битве» английской буржуазии и либерального дворянства за свою власть против феодального абсолютизма. Гизо подчеркивает, что в начале революции нижней палате «необходима была помощь народа» и палата искала этого союза с народом; когда лорды потребовали подавления народных «беспорядков», нижняя палата «хранила молчание или отвечала жалобами на беспорядки, производимые кавалерами. Нам нужны все наши друзья, — говорили вожди партии, — боже нас сохрани мешать народу получить... то, чего он имеет право желать».¹⁸⁹ Народ в свою очередь поддерживал нижнюю палату; в то время как палата безуспешно добивалась для себя вооруженной охраны, боясь нападения кавалеров, «ей заменяла стражу толпа народа, с каждым днем все более и более сгущавшаяся около Вестминстера и громко кричавшая об общей опасности».¹⁹⁰ Народ не только окружал палату, но часто врвался на ее заседания; он влиял на решения палаты и толкал ее на решительную борьбу с королем. Не кто другой, как народ, настоял на казни Страффорда. В обстановке народного гнева нижняя палата организовала суд над ним, вынесший ему смертный приговор; «около Вестминстера каждый день собиралась толпа народа, вооруженная шпагами, ножами, палками, которая кричала — правосудия! правосудия! — и грозила лордам, замедлявшим приговор».¹⁹¹ Даже король и его семья, пытавшиеся отменить приговор, не посмели этого сделать, так как «испугались народных возмущений, со дня на день усиливавшихся».¹⁹²

Начавшаяся затем гражданская война означала для Гизо наступление нового, более высокого этапа революции. «Тогда, — пишет он, — началась... борьба, до того времени беспримерная в Европе, — ясное и славное знамение начинавшегося тогда переворота обществ, который окончательно довершен в наше время».¹⁹³ Вся английская нация, подчеркивает Гизо, была охвачена революционным порывом. «Юные убеждения, новые идеи кипели в ее груди; она веровала в них живою, чистою верою, предавалась даже, со всей энергией и доверчивостью молодости, тому энтузиазму, который стремится доставить во что бы то ни стало торжество истине...»¹⁹⁴ Гизо с восторгом указывает на самоотверженную решимость, с которой народ принял за организацию армии для войны с королем. «С кафедр раздавались увещания проповедников; действие речей их превзошло... ожидания самых доверчивых людей. В продолжение десяти дней несметное количество серебра приносимо было в Гильдхолл; недоставало людей, чтобы принимать, места — чтобы помещать его, бедные женщины отдавали обручальные свои кольца, золотые или серебряные булавки, которыми они прикалывали свои волосы, и многие очень долго дожидались, пока примут их приношения».¹⁹⁵

Война и только война могла доставить победу революции. Рассказывая, что бежавший король предложил мир, а палата лордов вместе с колеблющейся частью пресвитериан стала настаивать на принятии его условий, Гизо решительно осуждает эти колебания в революционном лагере, подчеркивая тот факт, что если эти элементы, «устрашенные и утомленные, помышляли лишь о прекращении борьбы, не заботясь о будущем», то зато нижняя палата в целом, «более дальновидная и более решительная, не могла поверить ни тому, чтобы король согласился на ее требования, ни тому, чтобы он исполнил обещанное. Предложение его было в ее глазах не более как хитрость, придуманная для того, чтобы разом покончить с палатой, распустить ее и опять захватить в свои руки власть».

Наконец, вторая гражданская война была кульминационным моментом английской революции. Теперь уже ни о каких переговорах с Карлом I не могло быть речи. «Кто вынимает меч против короля, тот должен бросить ножны в огонь»,¹⁹⁷ — заявил один из вождей армии, Скотт. «Скоро настанет день, — говорили люди революции, — в который мы повесим самого высокого из всех этих лордов без всякого приговора его пэров, если он того будет стоить, и мы найдем... честных и твердых судей, которые сделают это, несмотря на великую хартию».¹⁹⁸ Кромвель был на стороне солдат и народа. Всем сопротивлявшимся процессу над королем он отвечал: «Я говорю вам, мы отрубим ему голову, и с короной».¹⁹⁹ При одобрении всего народа был организован суд над Карлом I; король был осужден «как тиран, государственный преступник, убийца и враг отечества». Вместе с головой Карла I упала и корона — Англия была объявлена республикой. Дорога для создания буржуазно-дворянской конституционной монархии взамен абсолютизма Стюартов была открыта. Таково отношение Гизо к событиям периода восхождения английской буржуазной революции. Таково содержание первой части его труда, созданной в годы реставрации.

Кризис теории классовой борьбы Гизо

Последовавший за буржуазной революцией 1830 г. период июльской монархии не внес каких-либо существенных перемен в идеологию Гизо. Для О.Тьерри революция 1830 г. означала известный поворот, для Гизо она была лишь осуществлением той политической программы, которую он защищал еще в годы реставрации. Теперь к власти пришла крупная денежная буржуазия, был осуществлен политический идеал Гизо — буржуазная конституционная монархия, а сам Гизо стал крупнейшим государственным деятелем Франции. И если в этот период нам почти неизвестен Гизо-историк, так как в эти годы он не создал ни одной крупной исторической работы, которая позволяла бы судить о его исторических взглядах, зато нам хорошо известен Гизо-политик. Раньше Гизо боролся за осуществление своей программы, теперь он защищал ее силой власти. Гизо всеми мерами стремился к созданию блока буржуазии и дворянства под руководством буржуазных верхов; политическая цель этого блока состояла в том, чтобы не допустить во Франции новой революции, тем более что угроза со стороны пролетариата продолжала нарастать. Поэтому неизменно принципом всей политики Гизо была борьба с революционными массами и прежде всего с новой революционной силой — пролетариатом.

Гизо боролся с социализмом с большой настойчивостью; общеизвестна злоба, с какой он преследовал К.Маркса во Франции, — печать страха перед революцией лежит на всей деятельности Гизо. Это можно видеть, в частности, на истории крупнейшего политического вопроса, ставшего одной из причин революции 1848 г., — вопроса о всеобщем избирательном праве. Гизо яростно боролся против малейшего расширения избирательного права, так как был убежден, что всеобщее избирательное право означает революцию.

Опасения Гизо оправдались; разразилась революция 1848 г. Это событие внесло резкий перелом в политические взгляды Гизо. Новая революция была крушением того политического здания, над сооружением которого он так долго трудился; рабочий класс смел монархию, которую Гизо считал конечным идеалом французской истории, а сам он был вынужден бежать в Лондон. Там под впечатлением событий 1848 г. Гизо пишет новую книгу «De la démocratie en France», явившуюся поворотной вехой в его идеологии.

Теоретически Гизо и теперь отдавал себе ясный отчет в историческом значении совершившихся событий. Он писал: «Борьба различных классов нашего общества заполняет нашу историю. Революция 1789 года была всеобщим и наиболее мощным взрывом этой борьбы. Борьба дворянства и третьего сословия; аристократии и демократии, буржуазии и рабочих, собственников и пролетариев — вот различные формы и различные этапы той социальной борьбы, которая терзает нас столь продолжительное время».²⁰¹ Значение революции 1848 г. как нового этапа классовой борьбы во Франции Гизо видит в том, что «теперь выступил на сцену третий борец. Демократический элемент разделился; против среднего класса выступил рабочий класс, против буржуазии — народ. И эта новая война есть такая же смертельная война, ибо новый претендент есть такой же надменный, такой же нетерпимый, какими были и другие. Только народ, по мнению этого претендента, имеет право на власть, и никакому сопернику, старому или новому, дворянину или буржуа, он не позволит делить с собой эту власть».²⁰²

Подобная оценка хода французской истории показывает, что в такой острый момент у Гизо хватило мужества объяснить при помощи своей собственной, но созданной в иные годы теории классовой борьбы крушение всех своих политических идеалов. Но теперь в идеологии Гизо наступил глубокий кризис. Его теория классовой борьбы обратилась против самого автора. Рассматривавший до сих пор историю как непрерывный прогресс, а классовую борьбу как двигатель этого прогресса, Гизо умоляет историю остановиться; он со всей яростью требует истребительного похода против теории классовой борьбы, ибо сама классовая борьба для него теперь — это «бич, это позор, с которым наше время не может примириться. Внутренний мир, мир между всеми классами граждан, мир социальный! Это — главная обязанность Франции, это крик о спасении».²⁰³ И новая книга Гизо была этим криком о спасении. Ее смысл, по словам самого Гизо, сводился к формулированию программы классового мира во Франции.

Откуда, спрашивает Гизо, идет главная опасность? И отвечает: в социальном отношении она идет от пролетариата, от той социальной республики, которой он добивается и которая означает «уничтожение личной, семейной и наследственной собственности и отмену социальных и политических институтов как ее фундамента». Со стороны политической главную опасность представляет идея демократии. «Это та самая идея, которую нужно вырвать с корнем. Только этой ценой может быть куплен социальный мир».²⁰⁵ Именно эти лозунги о социальной республике и демократии, по мнению Гизо, ввергли Францию в безнадежный хаос, и если «этот хаос будет продолжаться в массе народа, это будет означать смерть».²⁰⁶ Исчерпывающую оценку этой позиции Гизо дал К. Маркс. «Порядок! — таков был боевой клич Гизо... Ни одна из бесчисленных революций французской буржуазии, начиная с 1789 г., не была покушением на порядок, так как они оставляли в неприкосновенности классовое господство, рабство рабочих и буржуазный поря-

док, как бы часто ни менялась политическая форма этого господства и этого рабства. Июнь - покосился на этот, порядок. Горе Июню!»²⁰⁷

Основой порядка, по мнению Гизо, естественно, является буржуазия, та «партия, которая создала монархию 1830 года и которая поддерживала ее более 17 лет... Ее называют партией буржуазии, партией средних классов. Действительно, она являлась такой партией, она является ею и сейчас».²⁰⁸ Но буржуазия не одинока, она должна выступать в одной шеренге с дворянством. Для укрепления этого союза Гизо идет на уступки дворянству не только в идеологической области, но и в области социальной. Ратовавший в прошлом за господство буржуазной собственности, теперь он готов даже примириться с преобладанием дворянской земельной собственности во Франции. Это, по его мнению, «есть факт естественный, законный, спасительный, и в великой стране всегда и все общество с готовностью это признавало и уважало».

Какая политическая форма способна установить порядок во Франции? Демократической республике Гизо объявляет решительную войну. «Совершенно очевидно, что демократическая республика... утонула в хаосе социальной борьбы и грозит утопить и нас».²¹⁰ Она — нечто противоположное социальному порядку. Гизо пишет: «На знамени демократической республики я нахожу социальную войну, как и в ее конституции я нахожу революционный деспотизм»; свобода при такой республике «находится целиком в зависимости от произвола численного большинства нации».²¹¹

Наиболее приемлемой формой для него попрежнему является конституционная монархия. Однако перед лицом опасности рабочей резолюции Гизо теперь не зарекается и от монархии абсолютной. «Друзья свободы, — пишет он, — не забывали никогда, что абсолютную монархию народы предпочитают анархии, ибо для общества, как и для правительств и для отдельных людей, первой заботой, врожденным инстинктом является стремление жить. Общество может жить при абсолютной монархии, анархия же, если она продолжительна, его убивает».²¹²

Следовательно, отмечая республику, Гизо готов признать любую форму монархии, лишь бы она была достаточно сильна для подавления народа. «Атакованные со всех сторон собственность, семья, все основы общества должны быть прочно и со всех сторон защищены. И будет слишком мало, если они будут защищаться только чиновниками... они должны быть поддержаны и солдатами».²¹³ Требуя искоренения социалистов, Гизо призывает в этой борьбе к сплочению не только буржуазии, но всех враждующих групп дворянских монархистов. «Все здоровы силы Франции объединяются, чтобы бороться. Еще не поздно, нужно, чтобы не стало слишком поздно».²¹⁴ Таким образом, призыв Гизо к классовому миру на деле означал лишь кровавое подавление революционного народа.

Таков тот корректив, который внесла революция 1848 г политические взгляды Гизо. Это обусловило значительный поворот и в его исторических взглядах. Здесь он сказался прежде всего в полном отказе от теории классовой борьбы. Отсюда становится понятной перемена взглядов Гизо на буржуазные революции, которые он до сих пор так решительно защищал

Примером тому служат последние части «Истории английской революции», написанные уже после революции 1848 г.²¹⁵ Таким образом, весь этот труд в целом позволяет судить о том пути от прогресса к реакции, который прошел Гизо за период, двух революций.

Прежде чем продолжать свой труд, Гизо пишет небольшую работу «Почему удалась английская революция?», где спешит высказать свой новый взгляд на революцию, дать ей общую оценку. Это была программная декларация, в которой автор воплотил свои политические мысли, навеянные революцией 1848 г. Эту декларацию Гизо сделал введением к «Истории английской революции».

Новое введение, вторая и третья части этого труда, в отличие от его первой части, должны были со всей силой подчеркнуть консерватизм английской революции. Если в 20-х годах Гизо рассматривал эту революцию как «великую битву» третьего сословия, то теперь он отвергает всякую революцию, ибо для него «революция сама по себе уже есть беспорядок, страшный и безызвестный, которым общество повергается в великие бедствия».²¹⁶

Английская революция по сравнению с революцией французской стоит, по его мнению, неизмеримо выше именно потому, что она означала наименьший беспорядок.

В доказательство этого Гизо перечисляет главные особенности английской революции, причем эта характеристика является решительным отрицанием того, что говорил Гизо в первой части своего труда. Если тогда Гизо доказывал, что английский народ «никогда не соглашался отречься от свободы ради веры», иначе говоря, момент религиозный стоял на втором плане по сравнению с революцией политической, то теперь Гизо не устает подчеркивать, что английская революция, в отличие от революции французской, носила религиозный характер; в ней «дух веры и дух политической свободы царствовали вместе... природа человеческая раскрыла все великие страсти свои, не разрывая всех уз, и у людей оставались надежды и желания вечности, когда они видели разрушение своих земных надежд и желаний».²¹⁷

Далее, если раньше английская революция для Гизо была разрывом со всеми старыми традициями, то теперь он, наоборот, доказывает, что эта революция не означала разрыва с

прошлым; деятели революции даже и «не думали, что понадобится революция. Им были дороги и святы законы, предания, примеры, все бывшее их отечества; в них находили они опору своим требованиям и санкцию своим идеям».²¹⁸

В первой части Гизо старался подчеркнуть наступательный характер революции, указывая, что вся нация была охвачена революционным порывом и что только «устрашенные и утомленные» не понимали той простой истины, что прежде чем вступать в переговоры с королем, нужно одержать победу. Теперь он со всей решительностью стремится доказать, что революция носила чисто оборонительный характер; она началась потому, что «нападение было сделано со стороны королевской власти», и весь дальнейший ее ход был вынужденной обороной против королевского деспотизма. Наконец, если раньше для Гизо гражданская война, это «славное знамение начинавшегося тогда переворота обществ», была выражением силы и решительности английской революции, то теперь Гизо утверждает, что «мысль народа не шла дальше легального сопротивления и совершенно вверяла себя парламенту; тут сопротивление было столько же единодушно, сколько законно».²²⁰

Средством для достижения конституционной монархии как цели борьбы являлась не революция, а компромисс между классами английского общества; революция была делом случайным, она вспыхнула только потому, что обе борющиеся стороны совершили ошибку: они не поняли ни задач конституционной монархии, ни способов, какими она должна быть установлена; у людей XVII в. «не было ни того просвещения, ни тех политических добродетелей, которые требуют это правление... Ни король, ни парламент не понимали в XVII веке этих условий совместного их правления и не подчинялись им. Королевская власть хотела остаться прямо и неизменно верховной властью нижняя палата — сделаться такой властью».²²¹

Но и в этом случае неотъемлемым достоинством английской революции был ее умеренный характер. Гизо направлял свои удары, несомненно, против французской революции, когда писал: «Обе партии боролись жестоко, но и среди борьбы не отрекались от тех чувств, какие им свойственны были во времена порядка и мира. Мы не видим ни кровавых бунтов со стороны народа, ни отвратительной бойни по приговорам судов. Это была междоусобная война, горячая, упорная, конечно, не без насилий и бедствий, но и без варварских или цинических неистовств: нравы народа сдерживали ее в известных пределах правосудия и человечности».²²² Народ у Гизо с самого начала выступает в роли миротворца. «Война была еще в полном разгаре, когда у дверей парламента уже начали раздаваться крики: мира! мира!»,²²³ а движение клубменов показало, «до какой степени обе партии, увлеченные своей борьбой, уже противны были чувствам и интересам народа».²²⁴

Как только была закончена первая гражданская война и король стал пленником парламента, «реакция в пользу мира отметилась более решительным и более всеобщим склонением к роялизму», — народ с нетерпением ждал от пресвитериан гражданского мира и установления конституционной монархии. Но на этот раз его надеждам не суждено было сбыться, ибо на сцену выступили индипенденты. «Лишь только первые вожди движения принялись чинить разрушенное ими здание, восстала настоящая революционная партия, с грубым презрением оттолкнула их новую мудрость, выгнала их из парламента, осудила короля на смерть и провозгласила республику. С тех пор как английская республика положила на плаху голову короля Карла I и почти вслед за тем пала и сама на этой почве, орошенной королевской кровью, прошло два века. Французская республика еще раз дала миру такое же зрелище. И после этого все еще говорят, что эти великие злодеяния были великими политическими актами... Безумство и развращение человеческое любят прикрывать себя покровом величия. Ни историческая истина, ни интересы народов не должны терпеть этой лжи».²²⁶

За индипендентами поднялись левеллеры, а за ними диггеры, которые для Гизо были «разрушителями всякого порядка и всякого общества».²²⁷ Английская республика под давлением низов все больше проявляла тенденцию к нападению на собственность. Это особенно ярко проявилось в деятельности так называемого Бербонского парламента, созванного после разгона «охвостья» Долгого парламента. Уже первые решения вновь созванного парламента возбудили «всеобщий страх за свободу и собственность. Эти люди думали, что если у одного человека есть двенадцать коров, то другой, у которого их нет, имеет право войти в долю к своему соседу. Кто бы мог сказать, что у него есть что-нибудь, если бы это продолжалось?»²²⁸ Это уже угрожало, по мнению Гизо, самому существованию общества, ибо дело касалось «прав собственности и наследства, прав, за которые трудно взяться, не произведя потрясения в целом организме общества».²²⁹

Такова, по мнению Гизо, самая низшая точка падения английской революции. Но угроза существованию собственности заставила все силы порядка подняться на борьбу, чтобы повернуть революцию на путь умеренности и благоразумия. Начало этой борьбы за порядок положила та же партия индипендентов начавшая вооруженной рукой громить левеллеров и диггеров. Она действовала «смело и хладнокровно, с верою в свое право и в свои силы, как действует правительство, против бунтовщиков, а не как партия против соперников».²³⁰ Крупнейшую роль в

установлении порядка и дисциплины сыграл Кромвель. Заслуга его, как подчеркивает Гизо, в том и состояла, что он понял, что «те классы, в среде которых преобладают интересы консервативные, становятся теперь его естественными и, стало быть, надежными союзниками... Кромвель соединился с ними таким образом совершенно изменил свое положение: из демократа сделался аристократом, а из революционера — консерватором».²³¹ Кромвель это выразил в своей речи, обращенной к Бербонскому парламенту, посягнувшему на собственность. «Если уже суждено республике пасть, то пусть она лучше падет от людей, нежели от существ, которые немногим отличаются от животных; если же суждено ей страдать, то пусть он лучше страдает от богатых, нежели от бедных».²³²

Став на этот путь, Кромвель увидел, что республика не может обеспечить эти консервативные интересы общества; свой протекторат он рассматривал лишь как ступеньку к объявлению себя королем, и история протектората Кромвеля есть история бесконечных попыток овладеть королевским титулом. Но препятствием являлась юридическая неправомочность подобной монархии. «Кромвель не царствовал в умах как государь, признанный окончательно. На самой вершине своего величия он был в умах народа не более, как властелин неодолимый, но временный, без соперника, но без будущего».²³³ Кромвель умер «безуспешно растратив свою гениальность и силу в попытках восстановить то, что разрушил: парламент и короля».²³⁴

После смерти Кромвеля в Англии вновь наступила анархия. И только тот мог рассчитывать на успех, у кого хватило бы государственной мудрости понять, что законность была единственным средством спасения Англии от анархии. Таким дальновидным деятелем, по мнению Гизо, оказался генерал Монк: «В Монке не было ничего великого, кроме здравого смысла и мужества... одно глубокое отвращение к беспорядку и к этим необузданным беззакониям, которые обыкновенно народные партии прикрывают прекрасными обещаниями».²³⁵ Его великая услуга Англии состоит в том, что он стал во главе партии порядка и призвал ее к реставрации законной династии — Стюартов.

«Реставрация совершилась как дело естественное и единственно возможное, не стоив ни одной капли крови ни победителям, ни побежденным», и Карл II вступил на престол «единственно по общему желанию английского народа, освобождавшегося, наконец, от угнетения и анархии, от революционной неурядицы и ожидавшего только от него законного порядка и будущности».²³⁶ Возвращение Стюартов, по мнению Гизо, восстановило Англию как исторически сложившийся социально-политический организм.

Эту «созидательную» роль реставрации Гизо противопоставляет разрушительной стихии революции. «Таково общее заблуждение революционеров; они думают, что могут заменить сами все, что разрушают, и что их одних станет на все нужды государства. Английские республиканцы могли уничтожить палату лордов и прогнать партию роялистов с политической сцены, но они не достигли того, чтобы занимать самим ее место как для поддержания власти против духа анархии, так и для поддержания прав народа против деспотизма».²³⁷ Гизо доказывает, что реставрация не означала реакции, как думали сторонники революции; «всякое исправление наделанного ими зла они называют реакцией. Между мерами, принятыми в царствование Карла II для вознаграждения несправедливостей, понесенных роялистами, принадлежавшими к мирянам или к духовенству, большая часть была не больше, как естественным и необходимым возвращением к нарушенному праву».²³⁸

Однако каков тот политический строй, который должна была установить реставрация? Гизо считает, что идеальным строем для Англии мог быть лишь такой, в котором нашли бы воплощение «три великих результата революции», а именно: королевская власть, подчинение короля парламенту и приоритет нижней палаты; иначе говоря, этим идеалом была конституционная монархия Гизо. «Вот все, чего тайно или гласно хотел английский народ от этой старой королевской власти, возвращение которой он встретил с восторгом..., лишь бы оно избавило его от новой революции и обеспечило ему эти три результата революции, им выдержанной».²³⁹

Созданию такого строя могли угрожать лишь две крайности — революция и абсолютизм. Но эти две опасности для Гизо были далеко не равнозначными; страшнее всего была революция; абсолютизм был опасен именно потому, что он был причиной только что закончившейся революции и мог бы стать причиной новой революции. Гизо поэтому решительно осуждает Карла II, Якова II и партию тори за попытки установить абсолютам. Эти попытки скоро превратились в прямую угрозу реставрации абсолютизма, а это ставило под удар кровные интересы не только вигов, но и тори и англиканской церкви. Для Гизо это означало, что против самодержавия Стюартов выступила вся английская нация, у которой отнимали «великие результаты революции» и которая вынуждена была объединиться против короля для защиты своих законных прав. Последовала «Славная» революция 1688 г.

Это событие было для Гизо кульминационным пунктом всех событий, связанных с английской буржуазной революцией. Чтобы показать все значение «Славной» революции, Гизо прежде всего противопоставляет ее периоду 1640—1649 гг. То была кровавая страница английской истории, годы социальные бунты и восстаний безумцев не только против человеческих, но и божеских

законов. «В эпохи великих общественных потрясениях иногда овладевает людьми всеобщая лихорадка честолюбия неудержимая, не знающая ничего святого; они начинают считать себя в праве и в состоянии налагать руки на все и весь мир переделывать на свой лад. Нет ничего безумнее и суетнее заносчивости твари, которая, считая за хаос эту великую систему, где ей указано свое место, тянется стать на место творца, и только вносит беспорядочность собственных своих грез во все к чему ни прикоснется».²⁴⁰ В отличие от этой буйной поры ее бытия 1688 г., именуемые революцией, на деле не были революцией, и именно в этом для Гизо состоит их великое значение

Гизо со всей тщательностью подчеркивает те особенности, которые, по его мнению, составляют величие событий 1688 г. «В том-то и состоит слава революции 1688 года, — указывает Гизо, — что она была действием чистой обороны, и обороны вынужденной: в этом первая причина ее успеха».²⁴¹ Во-вторых, Англия в 1688 г. «не вызывалась изменять основы общественной жизни и судьбы человечества; она отстаивала известную веру, известные законы, положительные права, и этим ограничивались все ее притязания и помышления. Она произвела революцию гордую и в то же время скромную, которая дала народу новых вождей и новые гарантии, но которая, как только эта цель была достигнута, сочла себя удовлетворенной и остановилась, не желая чего-нибудь меньшего, но не имея притязаний и на большее».²⁴² В-третьих: «Эта революция была произведена не возмущениями народными, а организованными политическими партиями... в видах благоустроенного правления, а не в революционном духе. И партия тори, и сама партия вигов, несмотря на примешанные к ней революционные элементы, образовались не для того, чтобы ниспровергать установленный порядок; это были партии легального правления, а не партии заговора и восстания».²⁴³ В-четвертых, Гизо решительно борется с мнением тех, кто склонен считать, что революция 1688 г. была совершена против английского народа. «Часто говорилось во Франции и даже в Англии, — пишет он, — что революция 1688 г. была делом в сущности аристократическим, не народным, совершившимся по соображениям высших сословий и в их пользу, а не вследствие побуждений целой нации и для ее блага».²⁴⁴ Гизо доказывает, что эта революция предоставила «все, что нужно для демократии и чего она имеет право требовать. Всякая демократия, не знающая этого, не понимает главнейших своих интересов и не сумеет ни основать правления, ни охранить своих собственных льгот».²⁴⁵

Определять границы демократии, по мнению Гизо, может и должна только аристократия, которая должна взять на себя и само осуществление демократии. Крупная заслуга «Славной» революции, на его взгляд, в том и состояла, что она была совершена руками аристократии. «Народная по принципам и результатам, революция 1688 г. была аристократической по исполнению»; английская нация «произвела ее через друзей порядка, а не через революционеров. Какие влияния начали дело, те же самые и удержали его в надлежащих границах и дали ему твердые основания. Дело английского народа восторжествовало через английскую аристократию — вот в чем заключался великий характер революции 1688 г., вот где был с первых Шагов залог ее будущности».²⁴⁶

Но даже этот переворот, совершенный руками аристократии против народа и ограничившийся сменой монарха, вызывает не только восторг, но и порицание Гизо, ибо при всех своих «достоинствах» это событие было все же потрясением государственного организма Англии, это была, пусть «Славная», но все же революция; «таков природный порок всех революций, что даже самая необходимая из них, самая законная, самая сильная повергает спасаемое ею общество в великие смуты и долгое время остается сама в положении шатком и опасном».

Такова оценка Гизо этого центрального для него события. Со «Славной» революцией 1688 г. он ставит рядом по значению лишь войну за независимость Соединенных Штатов. Революция, которую совершили Соединенные Штаты, имела, по мнению Гизо, много общего со «Славной» революцией. «Революция, которой началась их история, была и для них сначала делом обороны».²⁴⁸ Далее, война американцев не была революцией политической, ибо не нужно было «разрушить никакого общественного порядка; привязанность к старым законам и обычаям, любовь и уважение к прошедшему были всеобщим чувством; колониальное управление... без труда превратилось в республику».²⁴⁹ Это не было также и революцией социальной. «Порядок общественный претерпел так же мало потрясений, как и политический порядок... мало того, самыми решительными в деле завоевания независимости и основания нового правления оказались именно самые богатые и значительные фамилии. Народ шел за ними, и события совершались под их руководством».²⁵⁰

Наконец, американская война не была связана с революцией идеологической. «Не было революции в общественном порядке, не было ее и в умах. Без сомнения, философские идеи XVIII века со своим нравственным скептицизмом, со своим религиозным неверием проникли и в Американские Соединенные Штаты, но они не овладели совершенно теми умами, к которым прикоснулись... и масса американского населения осталась глубоко христианской..., послушной богу и евангелию даже в то время, как она восставала против английского короля и парламента».

Вывод, к которому приходил Гизо в последних частях своей «Истории английской революции», состоял в следующем: «Возьмем ли монархию или республику, аристократическое общество или демократическое — везде один и тот же свет сияет из фактов... Революционный дух равно гибелен как для тех, кого он низвергает, так и для тех, кого он поднимает на высоту. Только та политика завершает и упрочивает перевороты, которая охраняет государство».

К.Маркс, давая оценку труда Гизо «Почему удалась английская революция?», в котором сосредоточены все выводы второй и третьей частей «Истории английской революции», обращает внимание на два главных тезиса Гизо: «во-первых..., то английская революция была насквозь религиозна и, следовательно, не порвала со всеми традициями прошлого, а во-вторых, на то, что она с самого начала выступила не в роли разрушительницы, а охранительницы, что парламент защищал от покушений короны старые существующие законы».²⁵³ Иначе говоря, весь свой удар Гизо направлял теперь против революции.

На протяжении всего труда Гизо говорит о конституционной монархии как о конечном итоге всех событий, но нетрудно видеть, что эта его монархия изображается неодинаково в начале и в конце сочинения. В 20-х годах Гизо представлял английскую парламентскую монархию как результат революции, как увенчание вооруженной борьбы буржуазии и дворянства против абсолютизма. В 50-х годах конституционная монархия рассматривается Гизо как реакция против революции, как реставрация разрушенных революцией частей общественного организма.

Все это с очевидностью показывает, что Гизо, оценивавший в свое время историю как прогрессивное движение, классовую борьбу — как орудие этого прогресса, а революцию 1789 г. — как «решительную битву» за новые общественные отношения, теперь отстаивает совершенно противоположные позиции. Все его общественные идеалы устремляются в прошлое; цель общества — свято беречь свои традиции, средством для этого является классовый мир, а революция — не что иное, как беспорядок «страшный и безызвестный», как «великое бедствие», нарушающее нормальное состояние общества. Общество может быть вынуждено прибегнуть к революции, но это может быть лишь актом обороны во имя защиты существующих законов. Иначе говоря, если в годы реставрации Гизо ставил в вину своим дворянским оппонентам, что они хотят изобразить революцию «длительным сумасшествием и великим несчастьем», то именно такую же позицию занимает теперь сам Гизо. Защищавший в свое время тезис о том, что революция была «борьбой ужасной, но справедливой», Гизо теперь решительно и полностью отрекается от революции вообще. Это означало, что Гизо фактически пришел к отрицанию английской буржуазной революции, к которой он в свое время обратился за санкцией своих политических требований, предъявленных им французскому дворянству и монархии Бурбонов. Это было в то же время и отречением от французской буржуазной революции, которая в годы реставрации служила ему знаменем. Это было, наконец, полным отречением от теории классовой борьбы, которая служила Гизо идейным оружием для борьбы с дворянскими идеями в исторической науке.

Таков Гизо после революции 1848 г. Если мы теперь бросим общий взгляд на путь Гизо от начала XIX в. до его середины, то перед нами предстанут как бы два Гизо: Гизо — апологет революции 1789 г. и Гизо — убежденный ее противник Гизо — защитник единства третьего сословия и Гизо — лютей враг пролетариата; Гизо — политический вождь буржуазии, сводивший последние счеты с дворянством, и Гизо — последовательный союзник дворянства; Гизо — идеолог буржуазии создавший теорию классовой борьбы, и Гизо — целиком отвергнувший теорию классовой борьбы и объявивший ей войну. Путь Гизо — это путь отречения от революции, как и от наследства эпохи Просвещения, это полный разрыв со всем прошлым французской буржуазии, путь от буржуазной революции к буржуазной реакции.

* * *

Это был путь всей буржуазной исторической науки, который Гизо прошел вместе с О.Тьерри и многими другими представителями буржуазной историографии первой половины XIX в. во Франции. Этот период был кризисным этапом в развитии буржуазной историографии, когда она из науки прогрессивной, насколько этот прогресс был возможен, в рамках буржуазной идеологии, стала превращаться в силу консервативную, призванную охранять сложившийся буржуазный порядок и тем самым стремившуюся остановить историю на достигнутом этапе. Это значит, что между буржуазной исторической наукой и действительностью наступил разрыв, что эта наука перестала соответствовать объективно-историческому ходу событий. Мы это видели на примере О.Тьерри, когда действительность сломала всю его историческую теорию и это привело к безнадежному кризису О.Тьерри как историка. Позднейшая трактовка Гизо истории английской революции также с очевидностью показала, как далеко зашел этот разрыв между буржуазной историографией и исторической действительностью.

С другой стороны, всякая прогрессивная теория уже становилась в противоречие с практикой буржуазии как класса. Мы видим это на примере того же Гизо; уже в годы реставрации нельзя не отметить противоречия между антидворянским характером его расовой теории и той политикой компромисса, которую Гизо выводил из этой теории. Такого же рода противоречие, но в еще более острой форме выступает у Гизо, когда он, с одной стороны, пытается объяснить смысл революции

1848 г. при помощи своей теории классовой борьбы, а с другой — проповедует практику диаметрально противоположную, требуя прекращения классовой борьбы, ибо этого требуют интересы его класса. На деле это было, как сказано, не чем иным, как буржуазным политическим лицемерием, так как призыв ко всеобщему прекращению классовой борьбы лишь прикрывал беспощадную войну буржуазии против пролетариата.

Прогрессивная роль буржуазии в развитии исторической мысли была исчерпана вместе с исторической прогрессивностью самой буржуазии. А это в свою очередь означало, что стали исчерпывать себя и таланты буржуазных историков. К.Маркс, оценивая работу Гизо «Почему удалась английская революция?», писал: «На последнем произведении Гизо мы могли убедиться, что талантливые люди буржуазии находятся на ущербе... Да, не только *les rois s'en vont* (короли уходят), но и *les parasites de la bourgeoisie s'en vont* (таланты буржуазии уходят)». ²⁵⁴ Эту характеристику с полным основанием можно отнести и к О.Тьерри и ко многим другим историкам буржуазии, большим и малым.

Событием, которое породило первые признаки этого разрыва между реальной действительностью и буржуазной историографией, которое обнаружило реакционные тенденции буржуазной исторической науки, была, как мы видели, революция 1830 г. Но событием, сокрушившим концепции крупнейших буржуазных историков, обнажившим целую пропасть между действительностью и искусственными историческими схемами реакционной буржуазии, была революция 1848 г. К.Маркс подчеркивает, что «даже те люди, которым ни в коем случае нельзя отказать в своего рода историческом таланте, до того сбиты с толку роковыми февральскими событиями, что они лишились всякого исторического разумения». ²⁵⁵ Первое крупное выступление рабочего класса в борьбе за власть было не только острым политическим кризисом буржуазного порядка, но оно было и событием, породившим кризис буржуазной историографии.

В свете всех этих перемен становится понятной изменчивая судьба германо-романского вопроса. Как мы видим, это был один из основных вопросов, являвшийся существенной и неотъемлемой частью идеологической борьбы между буржуазией и дворянством во Франции. Вместе с этой борьбой он прошел все этапы своего развития, принимая ту или иную форму. В эпоху Просвещения эта проблема выступала у буржуазии главным образом в той ее романистической форме, которую ей придал аббат Дюбо. В период революции эта проблема продолжала жить, сохраняя свою старую форму и являясь одним из средств идейной защиты революции. В годы реставрации О.Тьерри и Гизо, признав германское завоевание, вложили, однако, в свои теории романистическое содержание. Именно в этой расовой форме, как было сказано, родилась и впервые выступила буржуазная теория классовой борьбы. Но по мере того как у буржуазии и дворянства вырастал общий враг - пролетариат, борьба между буржуазией и дворянством отодвигалась на задний план, а вместе с ней сходил со сцены и германо-романский вопрос.

* * *

Такова история главных идей О.Тьерри и Гизо, двух крупнейших представителей французской историографии первой половины XIX в. Это были идеологи крупной буржуазии, той части буржуазного класса, которая своей исторической миссией считала завоевание власти во Франции; течение, которое представляли О.Тьерри и Гизо, было основным, господствующим течением во французской буржуазной историографии, основной линией в идейной борьбе буржуазии за власть.

Но будучи господствующим, это течение не было единственным. Рядом с ним и в борьбе с ним существовали другие течения французской историографии. Периодом, где нужно иска! с истоки идейных течений французской исторической науки XIX в., является эпоха Просвещения. Рассматривая эту эпоху, мы видели, насколько сложной была французская идеология того времени; как известно, в идеологической подготовке революции 1789—1794 гг. принимали участие течения весьма различные по своей классовой основе: идеологи буржуазии, революционно-буржуазной демократии и плебейского лагеря объединились тогда в общей борьбе за революцию, но пути этих течений и их судьба были различны, как различна была судьба классов, которые они представляли.

Что касается служилых и денежных верхов тогдашней буржуазии, судьба которых была в значительной мере связана с судьбой абсолютизма, то их участие в антифеодальном движении во Франции было чрезвычайно кратковременным. Их идеолог Монтескье уже задолго до революции успел растерять весь свой либерализм, по мере того как обострялась идейная борьба. Он отказался от своих «Персидских писем» — для их автора они скоро стали слишком крамольными. Испугал его и боевой дух энциклопедистов: на предложение Даламбера написать для Энциклопедии статьи о демократии и деспотизме Монтескье ответил отказом: «Об этих предметах я извлек из своего мозга все, что там было, и нового я вам сказать ничего не могу». ²⁵⁶ Партия фельянов, которая была наследницей его идей, уже в самом начале революции превратилась в контрреволюционную силу.

Но нас интересует судьба течений, представлявших тот общественный конгломерат, который именовался тогда третьим сословием в собственном смысле. Поскольку уже в предреволюционный период нельзя говорить о третьем сословии как о чем-то едином, то естественно, что и вся идеология третьего сословия с самого начала была лишь блоком буржуазных, революционно-буржуазных и плебейских интересов, которые объединялись общей борьбой с феодализмом, но между которыми в свою очередь шла постоянная внутренняя борьба.

Проследим прежде всего отношения между буржуазным и революционно-буржуазным лагерями просветителей. Общеизвестна та неприязнь, с которой Вольтер и энциклопедисты относились, например, к своему соратнику Руссо. Эту неприязнь нельзя объяснить неуживчивым характером болезненно самолюбивого Руссо, как это иногда пытались делать.²⁵⁷ Ее причины более глубоки; это были в первую очередь причины политические — здесь зарождалась борьба между жирондистским и якобинским лагерями революции. Это доказал ход самой революции: в то время как «Общественный договор Руссо нашел себе применение в господстве террора»²⁵⁸ и был настольным руководством в деятельности вождя радикальной буржуазии Робеспьера, который не расставался с этой книгой и цитировал ее в своих речах в Конвенте, ученики Вольтера и энциклопедистов — жирондисты Барнав, Кондорсе и другие стали врагами революции и сложили свои головы на якобинском эшафоте.

В период реставрации идеологическая линия Дюбо — Вольтер — энциклопедисты — Барнав — Кондорсе нашла свое продолжение и развитие в работах О.Тьерри, Гизо, Минье, Тьера и других; мы проследили развитие одной из идей этого направления, а именно разработку интересующей нас германо-романской проблемы, и, естественно, наше внимание было привлечено лишь к тем авторам, у которых мы встречаем эту идею. Но рядом с этим основным течением французской буржуазной историографии продолжала развиваться и другая линия исторической мысли — линия Руссо. Наиболее ярким ее представителем во Франции XIX в. был Жюль Мишле.

Мишле был идеологом мелкой буржуазии, для которой борьба за буржуазную революцию еще не была законченной, поскольку революция 1789—1794 гг. не разрешала коренных социальных и политических задач мелкой буржуазии, не говоря уже о народных низах. На этой почве вырастал французский мелкобуржуазный радикализм XIX в., его оппозиция крупной буржуазии, которая не только считала свою революцию завершенной, но уже вступила на прямой путь контрреволюции.

Конституционной монархии крупной буржуазии Мишле противопоставлял демократическую республику; поэтому революция 1830 г., осуществившая политический идеал Гизо, была для Мишле чужим делом, ибо в ней он видел победу все той же ненавистной монархии. Зато революцию 1848 г., которая была политической смертью для Гизо, Мишле встретил восторженно, ибо для него она была осуществлением демократической республики, и даже июньские дни, которые были нарушением принципов буржуазной демократии, не изменили его отношения к этой революции. В дворянстве, которое Гизо считал своим союзником, Мишле всегда видел только врага; особенно ненавидел Мишле католицизм и его боевой авангард — иезуитов, против которых он выступал с особой страстностью.

Все это не могло не наложить своей печати и на исторические взгляды Мишле. При всей непоследовательности и противоречивости концепции Мишле основное методологическое значение к его трудов заключается в том, что они были решительной оппозицией мелкобуржуазного радикализма против исторических концепций историков правящей французской буржуазии. Если для О.Тьерри и Гизо история всегда была лишь историей буржуазии, то многотомный труд Мишле «История Франции» был историей единого французского «народа». Для О.Тьерри и Гизо королевская власть в течение многих веков была союзницей буржуазии, для Мишле короли, как и дворянство, — заведомые и вековые враги. Церковь для О.Тьерри и Гизо была важнейшим элементом цивилизации, для Мишле церковь — извечный душитель всего живого. Для О.Тьерри и Гизо революция 1789 г. — это рождение конституционной монархии «История революций» Мишле была историей борьбы народа за демократическую республику. Другими словами, историческая концепция Мишле была обращена против политических основ теорий О.Тьерри, Гизо и их соратников. Именно этим и объясняется тот факт, что в поле зрения Мишле никогда не стоял германо-романский вопрос, ибо это была специфическая проблема буржуазно-дворянских отношений в истории Франции, в то время как научно-исторические интересы Мишле лежали за пределами этих отношений.

Но то, что составляло сильную сторону Мишле, было в то же время и источником его слабости. Дело в том, что буржуазный радикализм искал решения своих политических задач не в союзе с пролетариатом, который в первой половине XIX в. У выходил во Франции на политическую арену, а на путях той же буржуазной революции 1789—1794 гг. Борьба за продолжение революции идеологам типа Мишле представлялась как натиск всего «народа» против контрреволюционных верхов буржуазии и дворянства. Мишле везде искал «народ» — единую угнетенную массу; в частности, он упорно не хотел признавать раскол третьего сословия и навсегда остался

пропагандистом классового мира среди этого давно уже не существовавшего «сословия». Мишле не увидел пролетариата, не сумел понять его исторической роли. Как подчеркивает Ф.Энгельс, Мишле был олицетворением мещанского духа,²⁵⁹ убежденным противником коммунизма, ибо коммунизм был отрицанием принципов буржуазного порядка, который для Мишле был единственно возможным порядком.

Однако порядок Мишле — это демократический буржуазный порядок, который он противопоставлял порядку О.Тьерри и Гизо. Не случайно режим 1830 г. с первых же лет своего существования обрушился против Мишле. Преемник Гизо по кафедре в Сорбонне, Мишле вскоре был лишен этой кафедры распоряжением Гизо — министра народного просвещения, и с тех пор доступ в Сорбонну был для Мишле навсегда закрыт. Подобная же судьба, как известно, постигла и его единомышленника и соратника Эдгара Кинэ.

Но рядом с буржуазной и радикально-буржуазной историографией во Франции существовало и третье течение исторической мысли — плебейско-утопическое направление, которое в своем дальнейшем развитии явилось одним из источников научного социализма. Свое начало оно, как и два первых направления, берет из эпохи Просвещения; выразителем непосредственных задач плебейской революции в особенности был Жан Мелье, но исторические и философские идеи этого лагеря были сформулированы главным образом в трудах Мабли и Морелли. Классовой опорой этого направления были плебейские массы, входившие в третье сословие, но интересы которых, естественно, не могли совпадать с интересами буржуазии. Как известно, эта противоположность интересов нашла свое выражение в тогдашних утопических системах. «Вместе с революционными попытками еще не сложившегося класса возникали и соответствующие теории: утопические изображения идеального общественного строя в XVI и XVII столетиях, а в XVIII — уже прямо коммунистические теории (Морелли и Мабли). Требование равенства не ограничивалось уже областью политических прав, а распространялось на общественное положение отдельных личностей; доказывалась необходимость уничтожить не только классовые привилегии, но и самые классы».²⁶⁰

В годы, последовавшие за революцией 1789—1794 гг., эти идеи в известной мере нашли свое продолжение в заговоре Бабефа. В этой обострявшейся борьбе между плебейскими массами и буржуазией находила выражение одна из характерных особенностей всякой буржуазной революции, на которую указывает товарищ Сталин: «Буржуазная революция не может сплотить вокруг буржуазии на сколько-нибудь длительный период миллионы трудящихся и эксплуатируемых масс именно потому, что они являются трудящимися и эксплуатируемыми».²⁶¹ В годы реставрации дальнейшим развитием идеологии угнетенных масс явился французский утопический социализм, в частности учение Сен-Симона. Сен-Симон был олицетворением того этапа французской истории, когда нарождавшийся пролетариат еще не выступал как самостоятельный класс; этому мешала не только недостаточная зрелость социальных условий, но и важная политическая причина, состоявшая в том, что буржуазия еще не успела исчерпать себя как прогрессивный класс.

Но в то же время это был период, когда пропасть между буржуазией и пролетариатом уже достаточно углубилась, когда уже становилось ясным, что «царство разума было не чем иным, как идеализованным царством буржуазии»²⁶² и что буржуазный и порядок, «основанный на принципах философов XVIII век», так же неразумен и несправедлив и должен быть отброшен с таким же презрением, как феодализм и все прежние общественные формы». 63 Разрыв между буржуазией и пролетариатом неизбежно назревал, он становился делом революционной практики.

Именно это своеобразие обстановки определило историю отношений Сен-Симона — идеолога угнетенных масс и О.Тьерри — идеолога буржуазии. Их сотрудничество как бы олицетворяло последний этап в истории союза антифеодальных сил. Символично было и другое: подобно тому как буржуазия добывала свои победы руками своего плебейского союзника; не признавая его заслуг, так и идеолог буржуазии О.Тьерри (как, впрочем, и Гизо) построил свою историческую теорию при помощи положений, взятых у Сен-Симона, уничтожив при этом все следы его авторства и отрекшись от самого Сен-Симона. Закономерен был и их решительный разрыв, ибо несовместима была утопическая система Сен-Симона с буржуазной политической программой О.Тьерри; этот разрыв был прямым выражением начавшегося идейного размежевания между буржуазией и пролетариатом.

Событием, сыгравшим крупную роль в деле постепенного освобождения рабочего класса от политического руководства буржуазии и от власти буржуазной идеологии, была революция 1830 г., ибо эта революция, сделав буржуазию правящим классом, тем самым закончила ее прогрессивное политическое восхождение.

Отныне решающей прогрессивной силой в стране становился пролетариат. «Трудящиеся классы неизбежно являются орудием в руках средних классов до тех пор, пока средние классы сами революционны или прогрессивны... Но с того самого дня, когда средние классы получают всю политическую власть, с того дня, когда феодальные и аристократические интересы уничтожены властью денег, с того дня, когда средние классы перестают быть прогрессивными и

и революционными...— с того именно дня рабочий класс становится во главе движения и превращает его в национальное движение».²⁶⁴

С момента революции 1830 г. начинается новый этап классовой борьбы во Франции; борьба между буржуазией и дворянством отходит на задний план, борьба пролетариата и буржуазии становится главной линией классовой борьбы. Это обстоятельство имело решающее значение, ибо эта новая революционная практика явилась лабораторией, в которой вырабатывалось новое понимание истории; эта новая практика была существенной частью того мирового опыта классовой борьбы, на базе которого рождался марксизм. Именно после революции 1830 г. «...совершились исторические события, обусловившие собою решительный поворот в понимании истории. В 1831 г. в Лионе произошло первое рабочее восстание; с 1838 по 1842 год первое национальное рабочее движение, движение английских чартистов, достигло своего апогея. Классовая борьба между буржуазией и пролетариатом стала занимать первое место в истории более развитых стран Европы, по мере того как развивались, с одной стороны, крупная промышленность, а с другой — новоприобретенное политическое господство буржуазии. Факты все с большей и большей наглядностью показывали всю лживость учения буржуазной экономии о тождестве интересов капитала и труда, о всеобщей гармонии и всеобщем благополучии народа... Невозможно уже было не считаться с этими фактами, равно как и с французским и английским социализмом, который являлся их теоретическим, правда, крайне несовершенным, выражением... Новые факты заставили подвергнуть всю прежнюю историю новому исследованию, и тогда выяснилось, что вся она, за исключением первобытного состояния, была историей борьбы классов»...²⁶⁵ Так рождалась марксистская теория классовой борьбы.

Марксизм возник как интернациональное учение, но доля французского опыта в формировании марксизма была значительна. Французский утопический социализм наряду с немецкой классической философией и английской политической экономией был одним из основных источников марксизма. Классик марксизма-ленинизма неоднократно указывали на крупное значение для марксизма не только идейного наследства французского утопического социализма, но и наследства эпохи Просвещения.

Ф.Энгельс подчеркивал, что современный социализм «в своей теоретической форме является прежде всего дальнейшим и более последовательным продолжением основных принципов, выдвинутых великими французскими просветителями XVIII века, и его первые представители, Морелли и Мабли, недаром принадлежали к их числу».²⁶⁶ Не буржуазия, а пролетариат стал действительным наследником эпохи Просвещения на примере Гизо мы видели, что буржуазия очень рано стал на путь отказа от наследия своих же духовных отцов.

Но главное заключается не в этой преемственности накопленного исторического опыта, а в принципиальном отличии марксизма от всех предшествующих идеологий, ибо марксизм явился вершиной общественной мысли. В данном случае нас интересует лишь один вопрос, а именно вопрос о принципиальном отличии марксистской теории классовой борьбы. Это отличие становится ясным, если сопоставить марксистскую теорию классовой борьбы, увенчанную учением о диктатуре пролетариата, - с теорией классовой борьбы, созданной буржуазно историографией. Это будет означать сопоставление основного положения марксизма с наивысшим достижением всей предшествующей науки об обществе, ибо буржуазная теория классовой борьбы была тем кульминационным пунктом, выше которого эта наука никогда не поднималась.

Теория классовой борьбы, созданная историками времени реставрации, по своему существу была лишь шагом к научной теории классовой борьбы. У О.Тьерри она выступает прежде всего в расовой форме, причем в изображении древнейшего периода истории Франции расовый момент безраздельно господствует, для объяснения же борьбы третьего сословия О.Тьерри к этому расовому принципу эклектически примешивает принцип собственности. Такое одновременное существование этих двух исключаящих друг друга начал составляет одну из характерных черт теории О.Тьерри; историк оказался не в состоянии преодолеть это противоречие. Кроме того, свою теорию классовой борьбы О. Тьерри ограничивает лишь областью отношений третьего сословия с дворянством; внутреннюю борьбу между классами, входившими в состав самого третьего сословия, он ревностно отрицал.

Гизо пошел несколько дальше; принцип собственности он распространил и на древнейший период истории Франции и тем самым сделал этот принцип единой основой своей теории классовой борьбы; вместе с тем Гизо распространил теорию классовой борьбы и на третье сословие, признав его раскол и борьбу между классами, его составляющими.

Но этим, собственно, и исчерпывается заслуга О.Тьерри и Гизо. Они ограничились лишь указанием на имущественные отношения как на основу классовых различий. Не только О.Тьерри, но и Гизо не поставил вопроса о действительном происхождении собственности, о причинах имущественных различий. «Вопрос о происхождении имущественных отношений едва ли даже возникал в голове Гизо в виде строго и точно поставленного научного вопроса».²⁶⁷ Последней инстанцией, которую привлекает Гизо для объяснения происхождения имущественных отношений,

была «человеческая природа», в конечном счете, сам человек, точнее — уровень его духовного развития. Это был тот же порочный идеалистический круг, в котором вращалась мысль просветителей XVIII в. «Эго противоречие не было устранено... и французскими историками времени реставрации; оно лишь приняло у них иной вид».²⁶⁸

Далее, что особенно важно, представители буржуазной исторической мысли по причине своей буржуазной ограниченности не могли и не пытались в классовых отношениях вскрыть отношения эксплуатации; борьбу эксплуатируемых масс со своими угнетателями они не только не считали основным фактором классовой борьбы, но, наоборот, они или не хотели вообще признавать эту борьбу, как О.Тьерри, или относились к ней с прямой враждебностью, как Гизо. Именно на эту сторону Дела, как известно, не обратил внимания Г.В.Плеханов. Далее, они старательно затушевывали классовую природу и угнетательский характер буржуазного государства, рисуя его как конечную цель всего исторического развития. Наконец, как Мы это видели на примере О.Тьерри и Гизо, создав теорию классовой борьбы в лучшую свою пору, они потом стали на путь отречения от этой теории.

Некоторый шаг вперед по сравнению с О.Тьерри и Гизо делает Сен-Симон. Основу имущественных отношений Сен-Симон искал в «нуждах промышленного развития». Однако далее и он попадал в неразрешимый круг: поскольку орудия труда, необходимые для производства, создаются самим человеком, то следовательно, заключал Сен-Симон, их развитие определяется не чем иным, как степенью интеллектуального развития человека.

Таким образом, вся предшествующая историческая мысль о происхождении и законах классовой борьбы не вышла из круга идеалистических представлений. И только К.Маркс и Ф.Энгельс на основе монистического учения исторического материализма создали единственно научную теорию борьбы классов, в то время как буржуазная историческая наука отказалась от созданной ею теории классовой борьбы и тем самым от всяких попыток объективного познания общества. Марксизм явился средством не только объективного познания общества, но, будучи учением о диктатуре пролетариата, он явился величайшей революцией в истории общественной мысли и огромной материальной силой в революционном преобразовании общества. Это и составляет сущность марксистской теории классовой борьбы.

Говоря о ней, К.Маркс писал: «То, что я сделал нового, состояло в доказательстве следующего: 1) что существование классов связано лишь с определенными историческими фазами развития производства. 2) что классовая борьба необходимо ведет к диктатуре пролетариата; 3) что эта диктатура сама составляет лишь переход к уничтожению всяких классов и к бесклассовому обществу».²⁶⁹ Как подчеркивает В.И.Ленин, в этих словах К.Марксу, помимо всего другого, «удалось выразить с поразительной рельефностью... главное и коренное отличие его учения от учения передовых и наиболее глубоких мыслителей буржуазии...»²⁷⁰

Основы своего учения о классовой борьбе К.Маркс и Ф.Энгельс, как известно, изложили в «Манифесте коммунистической партии», вышедшем в 1848 г., в том самом году, который оказался столь роковым для исторической науки французской буржуазии, а первые крупные исторические работы К.Маркса «Классовая борьба во Франции» и «18 брюмера Луи Бонапарта» были посвящены революции 1848 г. — событию, которое явилось яркой иллюстрацией всего величия марксистской теории классовой борьбы и привело к крупному кризису буржуазной исторической мысли. Прогрессивное восхождение буржуазной историографии закончилось; началась эпоха восхождения марксизма и марксистской исторической науки.

112 Г.В.Плеханов Соч., т.VIII, стр.22.

113 Guizot Essai sur l'histoire de France, Paris, 1857, стр.VI.

114 Guizot. Du gouvernement de la France depuis la Restauration, Paris, 1820, стр.1—2.

115 Там же, стр.2—3.

116 Там же, стр.3.

117 Там же.

118 Там же, стр.7.

119 Guizot. Du gouvernement de la France depuis la Restauration, стр.VII.

120 Там же, стр.VI.

121 Там же.

122 Там же, стр.VIII.

123 Guizot. Du gouvernement de la France depuis la Restauration. стр.XX—XXI.

124 Там же, стр.VI—VII.

125 Там же, стр.VI

126 Там же, стр.IX—X.

127 Там же, стр.XI.

128 Там же, стр.XII.

129 Guizot. Du gouvernement de la France depuis la Restauration, стр.XI—XII.

М. А. АЛПАТОВ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИДЕИ ФРАНЦУЗСКОЙ
БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ XIX ВЕКА

М.-Л.: ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР. 1949

Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

- 130 Там же, стр.XIII.
- 131 Там же, стр.XIII—XIV.
- 132 Там же, стр.XIV.
- 133 Там же, стр.XV.
- 134 Там же.
- 135 Guizot. Du gouvernement de la France depuis la Restauration, XVII, стр.XVII.
- 136 Там же, стр.XXV.
- 137 Там же, стр.XXVI.
- 138 Там же, стр.XXVII.
- 139 Там же, стр.XXX.
- 140 Guizot. Du gouvernement de la France depuis la Restauration, p.XXXVI.
- 141 Там же, стр.XXXVII.
- 142 Там же, стр.XXXII—XXXIII.
- 143 Там же, стр.XXXVIII.
- 144 Guizot. Du gouvernement de la France depuis la Restauration, стр.XXXVI
- 145 Там же, стр.XXXI.
- 146 Там же, стр.XIX.
- 147 Там же, стр.XIX—XX.
- 148 Guizot. Du gouvernement de la France depuis la Restauration». P.XII.
- 149 Мы не разбираем здесь известного предисловия Гизо к переизданию им книги аббата Мабли «Observations sur l'histoire de la France», так как это предисловие не вносит чего-либо существенного в общую эволюцию исторических взглядов Гизо.
- 150 Guizot. Essai sur l'histoire de France, Paris, 1857, стр.65—66 (1-е изд. 1823).
- 151 Там же, стр.66.
- 152 Guizot. Essai sur l'histoire de France, стр.55 (1-е изд. 1823).
- 153 Там же, стр.66.
- 154 Там же, стр.51—52.
- 155 Там же, стр.54.
- 156 Там же, стр.432.
- 157 Guizot. Essai sur l'histoire de France, стр.301 (1-е изд. 1823).
- 158 Там же, стр.73—74.
- 159 Там же, стр.432.
- 160 Гизо История цивилизации во Франции, М., 1877, т.II, стр.248.
- 161 Гизо. История цивилизации во Франции, М., 1877, т.IV, стр.5—6.
- 162 Гизо. История цивилизации в Европе, 1860, стр.187.
- 163 Там же, стр.192.
- 164 Гизо. История цивилизации во Франции, М. 1877, т.IV, стр.58.
- 165 Гизо. История цивилизации в Европе, стр.201.
- 166 Гизо. История цивилизации во Франции, т.I, стр.126.
- 167 Там же, стр.127.
- 168 Там же, стр.131.
- 169 Там же, стр.146.
- 170 Гизо. История цивилизации во Франции, т.I. стр.147—148.
- 171 Там же, т.II, стр.73.
- 172 Там же, стр.161.
- 173 Там же, стр.162.
- 174 Там же, стр.246.
- 175 Гизо. История цивилизации во Франции, т.II, стр.247.
- 176 Там же.
- 177 Там же, т.I, стр.143.
- 178 Там же, т.II, стр.252.
- 179 Там же, т.I, стр.144.
- 180 Там же, т.II, стр.253.
- 181 Гизо. История цивилизации во Франции, т.III, стр.3.
- 182 Там же, т.II, стр.253.
- 183 Jules Simon Notice historique sur la vie et les travaux de Guizot («Seances et travaux de l'Academie des sciences morales et politiques», т.CXX); C.Jullian. Extraits des historiens francais du XIX siecle, Paris, 1913; E.Fueter. Geschichte der neueren Historiographie, Berlin, 1925.
- 184 См. Э.Фаре. Политические мыслители и моралисты XIX в. М., 1900. серия 1, стр.201.

- 185 Гизо. История цивилизации во Франции, т.I, стр.7
186 Гизо. История цивилизации во Франции, т.I, стр.7.
187 Там же, стр.8.
188 Cuizot. De la democratic en France, Paris, 1849, стр.23.
189 Гизо. История английской революции, 1868, т.I, стр.146.
190 Там же, стр.142.
191 Там же, стр.121.
192 Гизо. История английской революции, 1868, т.
193 Там же, стр.170.
194 Там же, стр.172.
195 Там же, стр.183—184.
196 Там же, стр.162-1
197 Там же, стр.146.
198 Гизо. История английской революции, т.I, стр.163.
199 Там же, стр.183.
200 Там же, стр.191.
201 Guizot. De la democratic en France, стр.35—36.
202 Там же, стр.107.
203 Guizot. De la democratie en France, стр.35
204 Там же, стр.57.
205 Там же, стр.11.
206 Там же, стр.9.
207 К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.VIII, стр.25.
208 Guizot. De la democratie en France, стр.94.
209 Guizot. De la democratie en France, стр.85.
210 Там же, стр.42.
211 Там же, стр.43.
212 Там же, стр.121.
213 Там же. стр.120.
214 Там же, стр.157.
215 «История республики и Кромвель» — в 1854 г., «История протектората Ричарда Кромвеля и восстановление Стюартов» — в 1856 г.
216 Гизо История английской революции, т.I, Введение, стр.XXV.
217 Там же, стр.II.
218 Гизо. История английской революции, т. I, Введение, стр.LXXV. Там же, стр.III.
219 Там же, стр.III.
220 Там же, стр.IV.
221 Там же, стр.VI.
222 Там же, стр.XI—XII.
223 Гизо. История английской революции, т.I, стр.XIII.
224 Там же, стр.XIV.
225 Там же.
226 Там же, стр.XV.
227 Там же. Введение, стр.XXI.
228 Там же, т III, ч.2, стр.260.
229 Там же, стр.62.
230 Гизо. История английской революции, т.II. ч.2, стр.39.
231 Там же, т.III, ч.2, стр.64.
232 Там же, стр.127—128.
233 Там же, т.I, Введение, стр. XLIII.
234 Там же, стр.XLVII.
235 Гизо. История английской революции, т.I, стр.XLIX.
236 Там же, стр.L.
237 Там же, стр.LI.
238 Там же. Введение, стр.LIII—LIV.
239 Там же, стр.LVI.
240 Гизо. История английской революции, т.I, Введение, стр.XXVII—XXVIII.
241 Там же, стр.XXVII.

242 Гизо. История английской революции, т.I, Введение, стр. XXVII—XXVIII.

243 Там же, стр. XXVIII.

244 Там же, стр. XXVIII—XXIX.

245 Там же, стр. XXIX.

246 Там же, стр. XXIX—XXX.

247 Гизо. История английской революции, т.I, Введение, стр. XXX.

248 Там же, стр. XXXIV.

249 Там же.

249 Там же.

250 Там же, стр. XXXV.

251 Там же.

252 Там же, стр. XXXIX.

253 К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.VMI, стр.

254 К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.VIII, стр.280—281.

255 Там же, стр.275.

256 А.Шахов. Вольтер и его время, 1907, стр.128.

257 А.Шахов. Вольтер и его время, 1907, стр.128.

258 К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.XIV, стр.259.

259 См. К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.XXI, стр.92.

260 Там же, т.XIV, стр.18.

261 И.Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 10-е, стр.107.

262 К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.XIV, стр.18.

263 Там же, стр.19.

264 К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.V, стр.20.

265 К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.XIV, стр.25—26:

266 Там же, стр.357.

267 Г.В.Плеханов. Соч., т.VI, стр.78.

268 Там же, стр.83.

269 К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.XXV, стр.146.

270 В.И.Ленин. Соч., изд. 3-е, т.XXI, стр.392.

О **Ф.Гизо**: Б.Реизов, «Гизо, или доктрина» глава из книги «Французская романтическая историография» (http://enlightment2005.narod.ru/arc/reisov_guizot.pdf); гиперссылки на др.материалы: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#guizot>; Н.Степанова, «Романтизм как культурно-исторический на разнородность методологий («воинствующий» романтизм Вильмена, Огюста Тьерри, «нарративная школа» Проспера де Баранта, доктринерство Гизо» (http://anthropology.ru/ru/texts/stepanova/symp12_51.html); выписки А.С.Пушкина из работ Гизо (<http://feb-web.ru/feb/pushkin/texts/selected/rup/rup-509-.htm>); М.Федорова, «Ф.Гизо во главе МИД Франции, 1840-1847 гг.» (<http://law.edu.ru/article/article.asp?articleID=141265>); Ф.Энгельс, «Закат и близость падения Гизо» (<http://lugovoy-k.narod.ru/marx/04/14.htm>); «Эволюция взглядов Франсуа Гизо в годы Июльской монархии» (http://www.rgsu.net/netcat_files/163/52/h_dc927a613a891b0119ae2c4170d47e81); Н.Чернышевский, «История цивилизации в Европе от падения Римской империи до Французской революции. Соч. Гизо» (http://az.lib.ru/c/chernyshewskij_n_g/text_0580.shtml); Е.Федосова, «Франсуа Гизо» (<http://vivovoco.rsl.ru/VV/PAPERS/HISTORY/GUIZOT.HTM>).

ГЛАВА 4. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ и ИСТОРИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ А.ТОКВИЛЯ

Реакционные взгляды поздних О.Тьерри и Гизо были одним из идейных источников политических концепций французской буржуазной историографии второй половины XIX в. Но на политические идеи буржуазии теперь стал оказывать сильное влияние и такой фактор, как дворянская историография, которая в этот период была уже не противником, а чрезвычайно важным союзником буржуазной реакции в исторической науке. Это влияние связано прежде всего с именем крупнейшего дворянского историка середины XIX в. — Токвиля; без учета влияния его политических идей нельзя правильно понять французскую буржуазную историографию второй половины XIX в.

Алексис Токвиль (1805—1859) принадлежит к числу тех крупнейших историков XIX в., деятельность которых подверглась наибольшему искажению в буржуазной историографии. Буржуазная историческая наука¹ создала образ Токвиля — непримиримого борца против деспотизма, приверженца свободы и республики; именно в этом служении свободе буржуазные биографы Токвиля видят глазную его заслугу, и именно в этом, по их мнению, кроется причина популярности Токвиля в буржуазной науке. Этим самым совершенно извращается подлинный

политический смысл лозунга Токвиля о свободе и республике, все действительное политическое содержание его исторической теории. В буржуазной историографии до сих пор по существу даже не поставлен вопрос о том, почему дворянин Токвиль оказал столь сильное влияние на всю последующую буржуазную историческую мысль. Во Франции, где буржуазная историческая наука в первой половине XIX в. вела решительную борьбу с дворянскими концепциями, Токвиль оказался первым дворянским историком, который был с триумфом принят буржуазной историографией и стал политическим учителем последующих поколений буржуазных историков.

Вопрос об оценке научного творчества Токвиля может быть правильно решен лишь в тесной связи с анализом новой расстановки классовых сил во Франции, в связи с резким идейным переломом как в буржуазной, так и в дворянской историографии, который наступил под влиянием революции 1848 г., когда впервые в качестве самостоятельной силы в борьбе за власть выступил пролетариат и когда родилась его революционная идеология — марксизм.

Французская буржуазная революция конца XVIII в., несмотря на всю ее решительность в борьбе с феодализмом, все же не ликвидировала во Франции класс помещиков. Отдельные дворянские группы, «экспроприированные революцией 1789 г., вернули себе свои имения тем, что поступили в лакейскую Наполеона I, а большинство их — благодаря миллиарду возмещения и личным дарениям во время реставрации. Даже их удаление от активной политической жизни при последующих режимах Луи-Филиппа и Наполеона малого послужило им рычагом для восстановления своего богатства как земельных собственников».² Лишенное в 1830 г. власти французское дворянство никогда не складывало оружия; доказательством тому является наличие воинствующей партии легитимистов, которые проявляли большую политическую активность на протяжении всего XIX в. Даже во времена Парижской Коммуны дворяне все еще делали попытки управлять Францией; именно они «придали Версальскому собранию... его характер «бесподобной палаты» Людовика XVIII» и считали, что «наконец-то наступило их время, как оно наступило в 1814—1815 гг.».³ Как подчеркивал К.Маркс, французский народ, возмущенный тогда возвращением к активной политической жизни помещиков, «которых он считал давно похороненными, убедился, что ему нужно не только сделать революцию XIX века, но и доделать революцию 1789 г.».⁴

Естественно, класс французских помещиков в XIX в. существенно отличался от того дворянства, каким оно было перед буржуазной революцией конца XVIII в. Землевладельцы-дворяне теперь не только не противостояли буржуазии, но сами являлись ее своеобразной фракцией. В области экономической они все более переходили на капиталистические методы, сближаясь с буржуазией, а в области политической дворянство и буржуазия были союзниками в подавлении пролетариата, боровшегося за власть. Иначе говоря, коренные классовые интересы дворянства и буржуазии полностью совпадали. Однако совпадение этих интересов вовсе не исключало наличия частных разногласий между дворянством и буржуазией. Оба эти обстоятельства нельзя упускать из виду при анализе дворянских идей XIX в.

Дворянская «деревенщина», не желавшая уходить с авансцены политической жизни буржуазной Франции, естественно, выдвигала и своих идеологов. Крупнейшим ее представителем во французской историографии был Токвиль. Дворянские истоки и дворянский характер его политических взглядов не подлежат сомнению. Свою политическую карьеру Токвиль начинал убежденным легитимистом. В отличие от буржуазных историков — О.Тьерри, Гизо, Минье, Тьера и других, для которых период реставрации был периодом борьбы с дворянской монархией, а революция 1830 г. — осуществлением их политических идеалов, Токвиль рассматривал монархию Бурбонов как свое собственное государство, а революцию 1830 г. — как его крушение. Вспоминая потом эту революцию, он писал, что удаляющиеся кареты бежавшего из Парижа Карла X произвели на него впечатление похоронной процессии: «глядя на них, я не мог удержать слез».⁵

Однако вскоре Токвиль примирился с июльской монархией. В его глазах монархия Луи-Филиппа была вполне подходящей для поддержания «порядка» в беспокойной Франции, и в этом направлении дворянин Токвиль, крупный чиновник июльской монархии, а с 1839 г. — член палаты депутатов, с готовностью служил буржуазии и ее орлеанской династии. Но поддерживая июльскую монархию как силу против революции, он расходился с правительством Луи-Филиппа по вопросу о характере июльского режима. Токвилю не удовлетворял буржуазный, узко классовый характер июльской монархии; свою задачу Токвиль видел в борьбе за политическое влияние дворянства, за его место в буржуазной Франции. В палате депутатов Токвиль примыкал к династической оппозиции: конституционная монархия, за которую он боролся, представлялась ему как равноправный буржуазно-дворянский союз, а не как монополия буржуазии.

Основой программы требований, при помощи которых могли быть прочно обеспечены права дворянства, для Токвиля служили старые феодальные традиции. Такой традицией была прежде всего политическая децентрализация Франции, лишение центрального правительства и столицы — Парижа их преобладающего политического значения. Требование децентрализации было одним из главных политических лозунгов французских помещиков на протяжении всего XIX в. «Вернуться к тому, что предшествовало централизации государственной машины, сделаться

более или менее независимыми от ее префектов и министров и вытеснить ее провинциальным и местным вотчинным влиянием помещичьих усадеб — вот чего они действительно желают. — Они стремятся к реакционной децентрализации Франции.⁶ Это был протест помещиков против буржуазного господства, «против единой государственной машины, поскольку она умаляет их собственное местное значение (их сеньориальные права), поскольку она является антагонистом феодализма».

Этой же цели служило и второе требование Токвиля — создать во Франции по примеру средневековой юридической корпорации, возглавлявшейся парижским парламентом, мощный судебный корпус, независимый от законодательной и исполнительной власти. Установление такого строя означало для Токвиля торжество политической свободы в противовес деспотизму с его политической централизацией, вырастающей на основе буржуазного равенства, ибо перед властью деспота все граждане государства выступают как единая бесправная масса, а всякие привилегии благородного сословия теряют свое значение.

Токвиль никогда не расставался со своими дворянскими убеждениями и никогда не переставал за них бороться. Ненависть Токвиля к революции 1848 г. всегда окрашивалась чувством дворянина. Посетив в разгар революции свое поместье, он писал, что вид этого заброшенного дворянского гнезда потряс его больше, чем множество кровавых зрелищ, свидетелем которых он был. «Я должен признаться, что ни одно из этих зрелищ не вызвало во мне такого же сильного и глубокого волнения, какое я испытал при виде старого жилища моих предков... Я могу утверждать, что именно там и именно в тот день я всего яснее понял, как горьки последствия революции».⁸ Дворянином Токвиль оставался до конца жизни.

«Демократия в Америке»

Политическая программа Токвиля нашла прямое отражение в его ранней работе «Демократия в Америке».⁹ Здесь Токвиль исследует условия, при которых возникла демократия Соединенных Штатов, и ее характер.

Токвиль постоянно сравнивает буржуазный строй США с феодально-аристократическим порядком, причем это сравнение всегда оказывается не в пользу Соединенных Штатов. При всем своем аристократизме дворянство, по мнению Токвиля, всегда оставалось классом патриархальным, который оказывал покровительство своим крепостным и слугам, буржуазия же, наоборот, обогащается прежде всего за счет беспощадной эксплуатации рабочих, ибо такова природа самого капитализма. «Чем более совершенное применение получает принцип разделения труда, тем слабее, ограниченнее и все более зависимым делается рабочий. Прогресс промышленности влечет за собой регресс рабочего», который «низводится на положение животного. Таким образом, хозяин и рабочий не имеют ничего общего между собой, и с каждым днем различие между ними увеличивается».¹⁰ Буржуазия превращается в настоящую промышленную аристократию; эта алчная каста, «превратив в нищих людей, которыми она пользуется, и уничтожив их человеческое достоинство, предоставляет их во время кризисов общественной благотворительности»,¹¹ т.е. выбрасывает их на улицу.

Рабочие целиком были отданы на произвол хозяев; в случае забастовки «хозяин, как человек богатый, может без труда для себя ждать, пока необходимость снова не приведет их к нему; между тем рабочим необходимо работать ежедневно, чтобы не умереть с голоду, так как они не имеют иной собственности, кроме своих рук. Притеснения уже давно привели их в бедственное положение, и чем беднее они, тем легче становится их притеснять».¹²

В сферу политики буржуазия внесла крайнюю бесчестность. Для депутата американского парламента, например, «то, что нужно говорить, чтобы понравиться избирателям, не всегда есть то же самое, что следует делать, чтобы оказать действительную пользу исповедуемому ими политическому мнению».¹³ Особое внимание обращает Токвиль на продажность американских политиков; в самой Америке, указывает он, откровенно «сомневались в честности общественных чиновников... успехи их приписывались низким интригам или преступным козням».¹⁴ При этом если в продажности феодальной аристократии есть, по мнению Токвиля, «некоторая аристократическая утонченность и кажущееся благородство», то продажность буржуазных деятелей отталкивает его своей плебейской грубостью и примитивностью; продажность при буржуазной демократии он считает особенно опасной, ибо она наиболее заразительна. «Народ никогда не проникнет в темный лабиринт придворной жизни; он всегда с трудом увидит низость, скрывающуюся под изяществом манер, изысканностью вкуса и приятностью речи. Но обворовать общественную казну или продать за деньги покровительство государства — всякий негодяй понимает это и может рассчитывать в свою очередь сделать то же».¹⁶

В область культуры буржуазия внесла свой промышленный дух. Если, например, дворянская литература отличалась изяществом и возвышенностью, то американская буржуазная литература переполнена такими авторами, которые «видят в писательстве одну промышленность, и на несколько... крупных писателей торговцы идеями встречаются целыми тысячами».¹⁷

Но ставя буржуазию ниже дворянства, Токвиль отмечает и ее достоинства. Первым из них является ненависть к революции, обусловленная самым положением буржуазии. Революция угрожает собственности, а все буржуа — собственники; более того, «нигде страсти, порождаемые собственностью, не бывают так ненасытны и упорны, как в средних классах».¹⁷ Буржуазия боится революции даже больше, чем дворянство; дворяне, «теряя доход от земли, все-таки надеются среди всех переворотов сохранить за собою хоть самую землю», в то время как для буржуа — владельцев главным образом движимого имущества, «революция страшнее, чем всем другим, потому что... их собственность часто нетрудно захватить...»¹⁸

Расточая немало похвал по адресу американской демократии, главное ее достоинство Токвиль видит в том, что она в конечном счете рассчитана на подавление народа. Способность буржуазии бороться с революцией — вот тот критерий, с которым подходил Токвиль к оценке общественно-политического строя США. Эта задача борьбы с революцией в Соединенных Штатах тем более актуальна, что; по его мнению, в условиях американской демократии всегда существует опасность «тирании большинства». Токвиль решительно возражает тем, кто думает, что можно примириться с диктатурой народа, что народ «не может совершение выйти из границ справедливости и разума и что поэтому не было бы опасно дать представляющему его большинству всякую власть».¹⁹ Наилучшим образом с задачей подавления народа, по мнению Токвиля, справилась бы аристократия. «Если какое правительство наиболее верно своим целям, так это именно аристократия».²⁰ Токвиль сожалеет, что не нашел в США феодальной знати, но тем большая ответственность в борьбе с народными массами падает на буржуазию. «Всемогущество большинства кажется мне до такой степени опасным для американских республик, что рискованное средство, употребляемое для его ограничения, я все-таки считаю за добро».²¹ И автор с удовлетворением перечисляет те спасительные барьеры, которые американские правители воздвигли против «тирании большинства». Прежде всего Токвиль считает большим достижением американцев, что они исключили из понятия «народ» всех цветных. Разве не ясно, спрашивает он, что белый человек выше цветных? «Он их заставляет служить себе на пользу, а если не может их подчинить себе, то уничтожает».²² Что касается индейцев, то с ними все обстоит просто, ибо эта раса «прекратит свое существование в то время, как европейцы поселятся на берегах Тихого океана».²³ Сложнее дело с неграми, ибо негры — всегдашняя потенциальная опасность в США; несмотря на то, что рабство в конце концов будет отменено, даже в этом случае негры не перестанут быть опасными; Токвиль убежден, что негры будут освобождены без земли и без прав, а освободить раба «и оставить его в нищете и беславии — не значит ли это подготовить вождя для будущего бунта невольников?»²⁴

Далее Токвиль горячо сочувствует тому, что американцы исключили из понятия народного большинства самую революционную часть общества — пролетариат. Эта «чернь», пишет он, «образует скопище еще более опасное, чем даже в Европе. Оно состоит, во-первых, из освобожденных негров... В этой же среде встречается множество европейцев, которых несчастье или дурное поведение ежедневно гонят на берега Нового Света... Живя в стране и не будучи ее гражданами, они готовы воспользоваться всеми волнующими ее страстями... Я, однако, считаю величину некоторых американских городов и в особенности природу их жителей за действительную опасность, угрожающую будущности демократических республик Нового Света, и я не боюсь ошибиться, предсказывая, что это поведет их к гибели, если только их правительству не удастся создать такую военную силу, которая... будет, однако, в то же время независима от городского населения и в состоянии будет подавить его буйство».²⁵

Оценивая американскую конституцию, Токвиль видит основное ее достоинство в том, что она направлена в первую очередь против «тирании большинства». Он, как и Гизо, обращает внимание на то обстоятельство, что американский государственный строй родился как строй консервативный; война американцев за независимость по глубине и размаху не может идти ни в какое сравнение с современной ей французской буржуазной революцией. «Революция Соединенный Штатов... не опиралась на страсть к беспорядку, но, напротив, она развивалась с любовью к порядку и законности».²⁶

Эта любовь к «порядку и законности» нашла свое выражение в том, что после завоевания независимости американские лидеры стали на путь ограничения прав народа. Уже творцы американской конституции «посмотрели на свое отечество более спокойным и проницательным взглядом и увидели, что окончательный переворот уже совершился и что с этого времени опасности, угрожающие народу, могут возникнуть только от злоупотребления свободой... они осмелились говорить о ее ограничении, будучи уверены в своем нежелании ее уничтожить».²⁷ В качестве доказательства этого Токвиль приводит мнение одного из авторов американской конституции — А.Гамильтона. «Я знаю, — писал А.Гамильтон, — что есть люди, которым исполнительная власть не могла бы ничем более понравиться, как рабским подчинением желаний народа или законодательного собрания; но мне кажется, что они имеют очень грубое понятие как о пели всякого правительства, так и о действительных способах достижения общественного благосостояния... Правда, что народ обыкновенно хочет достичь только общественного блага, но

стремясь к нему, он часто ошибается... долг каждого, кто поставлен им на страже своих интересов, бороться с заблуждением, жертвой которого временно становится народ, чтобы дать ему время очнуться и хладнокровно посмотреть на положение вещей».²⁸

Подобная «мудрость» создателей американского государства, говорит Токвиль, воплотилась в самой конституции Соединенных Штатов; система управления страной была организована с таким расчетом, чтобы воздвигнуть как можно больше преград против революции. Это прежде всего сказалось в тогдашней административной децентрализации США. Первичной административной единицей считается самоуправляющаяся община; политическая роль общинной автономии состоит в том, что в ней «склонность к власти и к шумной деятельности — все это сосредоточивается в общине, как центре обыкновенных житейских отношений. Эти страсти, так часто возмущающие общество, изменяют свой характер, когда они могут таким образом проявляться возле домашнего очага и как бы в лоне семьи».²⁹

Это значит, что революционные усилия народа не могут быть сосредоточены против центрального правительства, ибо они рассеиваются среди местных интересов; каждый американец «привыкает к тем формам, без которых свобода проявляется только в виде революций..., приобретает склонность к порядку... и получает, наконец, ясное и практическое понятие о свойстве своих обязанностей, так же как и о границах своих прав».³⁰ Автономия Отдельных штатов имеет тот же политический смысл. «Политические страсти, вместо того, чтобы подобно расходящемуся пламени распространяясь мгновенно по всему пространству страны, разбиваются об индивидуальные интересы и страсти каждого штата».³¹

Все это позволяет центральному правительству США чувствовать себя в некоторой безопасности от революции. Если всякое крупное государство должно строиться, по мнению Токвиля, на основе децентрализации, то тем более это важно для больших республик, ибо здесь «политические страсти становятся неудержимыми... потому, что миллионы людей ощущают их одинаково и одновременно».³² Пусть децентрализация имеет свои практические неудобства, но «политические преимущества, получаемые американцами от их системы децентрализации, заставляют меня предпочесть ее противоположной системе».³³ Так государственная децентрализация, которая важна Токвилю как средство для обеспечения прав дворянства, превращается в средство борьбы с революцией.

Далее, сами центральные союзные учреждения и должностные лица США образуют хорошо продуманную систему, задача которой — противостоять народу. Наиболее важное значение имеет конгресс, так как именно через него народ пытается влиять на управление страной. Поскольку нижняя палата конгресса избирается всеобщим голосованием, то всегда есть опасность, что в ее составе может оказаться много демократических Моментов, ибо «естественные инстинкты демократии направляют народ к устранению от власти выдающихся людей».³⁴ Против такой опасности США имеют средство в виде сената, который избирается не всеобщей подачей голосов, а двухступенным голосованием и состоит из людей состоятельных и «просвещенных»; поэтому «достаточно бывает народной воле пройти через избирательное собрание, чтобы она, так сказать, переработалась в нем и вышла бы из него в более прекрасном и родном образе».³⁵

Еще более значительной силой, направленной против воли народного большинства, является, по мнению Токвиля, президент США. Формально президент должен повиноваться народу, на деле же задача президента, как и всех государственных органов, состоит в том, чтобы «бороться с его (народа. — М.А.) случайными желаниями и не соглашаться на его опасные требования».³⁶ Именно поэтому американские законодатели «соединили всю исполнительную власть нации в одних руках; они дали президенту обширные преимущества и вооружили его правом veto, чтобы он мог противостоять попыткам к захвату власти со стороны законодательного собрания».³⁷ Токвиль чрезвычайно удовлетворен тем обстоятельством, что президент избирается не самим народом непосредственно, а двухступенным голосованием, ибо когда народ «собирается на площади для избрания своего вождя, то он подвергается... всем опасностям междоусобной войны, могущей произойти из подобного способа выборов».³⁸

Но самым большим препятствием для демократии в США, доказывает Токвиль, является Верховный суд и вся повинующаяся ему судебная корпорация. Верховный суд фактически обладает неограниченными правами; он сам определяет границы своих полномочий, и достигается это тем, что суд имеет право объявлять любой закон противоречащим конституции, иначе говоря, превращать любой политический вопрос в вопрос судебный. Так как в США «нет почти ни одного политического вопроса, который рано или поздно не обратился бы в судебный вопрос»,³⁹ то Верховный суд оказывается в роли органа, контролирующего всю жизнь государства.

Главную опору Верховного суда представляет судебное сословие — «легисты», которых самая профессия делает консервативной кастой, относящейся к народу с аристократической брезгливостью. Законоведы, как и аристократия, «имеют инстинктивную активную склонность к порядку, естественную любовь к форме; подобно ей они чувствуют сильное отвращение к действиям толпы и втайне презирают народное правление»,⁴⁰ «они постоянно стараются дать ему такое направление, которое ему несвойственно, и теми средствами, которые ему чужды».⁴¹ В

случае, если «американский народ бывает опьянен своими страстями или увлечен своими идеями, то законоведы дают ему почувствовать почти незаметную узду, которая умеряет его и останавливает». В конечном счете эта антидемократическая каста «обнимает все общество, проникает во все составляющие его классы, втайне перерабатывает его... и кончает тем, что придает ему форму, согласную с ее желаниями».⁴³

Наконец, к числу добродетелей американской демократии Токвиль присоединяет религию. Религия, по его мнению, более необходима в республике, чем в монархии, а «в демократических республиках больше, чем во всяких других»,⁴⁴ ибо если монархия отличается прочностью политических связей, то в республике, где эти связи слабы, их должна заменить религия, связанная с охраной собственности, с личными интересами людей. «Разве вы не видите, что религии клонятся к упадку и что понятие о божественном праве исчезает?.. Не усматриваете ли вы, что со всех сторон верования уступают место рассуждениям, а чувства — расчетам, И если посреди этого всеобщего потрясения вам не удастся связать идею права с личным интересом..., то что останется у вас для управления миром, кроме страха?»⁴⁵

Однако хваля американскую демократию за ее антинародный характер, Токвиль не мог отрешиться от своей дворянской идеи о том, что поскольку в США существует буржуазное равенство, то здесь дело идет к централизации власти, а значит, и к установлению деспотизма, который является неизбежным спутником равенства и послужит орудием «тирании большинства». Поэтому, утверждая в одних главах своего труда, что «выдающееся свойство общественной администрации в Соединенных Штатах состоит в чрезвычайной децентрализации»,⁴⁶ Токвиль в других главах пространно доказывает, что в США существует и под влиянием народа все более усиливается политическая централизация. На это непримиримое противоречие, в которое впал Токвиль, указывал великий русский демократ Н.Г.Чернышевский. В отличие от многих буржуазных критиков Токвиля Н.Г.Чернышевский видел, что источником противоречия книги Токвиля была попытка ее автора навязать исторической действительности собственную предвзятую идею. Токвиль, писал Н.Г.Чернышевский, «до того спутался своею мечтою о тождестве централизации с демократией во Франции, что в некоторых чертах американского народа, прямо противоположных централизации, увидел централизацию».⁴⁷ Остроумно высмеяв несостоятельность этой идеи,⁴⁸ Н.Г.Чернышевский иронически заметил, что Токвиль обязательно хочет казаться «страшным либералом», который поэтому не может мириться с деспотизмом и для которого деспотизм и централизация являются понятиями равнозначными.

Особый интерес представляет оценка Токвилем внешней политики США того времени. Отделенные от соседей двумя океанами, Соединенные Штаты «не имеют врагов и их интересы только изредка приходят в столкновение с интересами других народов земного шара».⁵⁰ Американцы пожинают плоды своей миролюбивой политики; они не знают всеобщей воинской повинности, не испытывают бремени военных расходов. Токвиль был убежден, что США останутся такими навсегда. В доказательств он приводит завещание Георга Вашингтона американскому народу. «Для чего же нам отказываться от выгод, которые мы можем извлечь из столь благоприятного положения? — писал Вашингтон. — Для чего покинем мы нашу собственную почву, чтобы занимать для нас чуждую? Для чего, наконец, связав нашу судьбу с судьбой какой-нибудь части Европы, предоставим мы наш мир и наше благополучие в жертву честолюбию, соперничеству, расчетам и прихотям населяющих ее народов?.. Честность всегда лучшая политика».⁵¹ Эту же идею отстаивал и один из основателей Соединенных Штатов — Томас Джефферсон: «Американцы никогда не должны требовать себе преимущества от иностранных наций, чтобы и самим не быть обязанными давать такие преимущества».⁵² Токвиль не мог предвидеть, что потомки первых американцев отрекутся от заветов своих отцов.

Токвиль считал, что мир — это неперемное условие процветания американской демократии, война же является прямой угрозой для нее, ибо война отдает в руки государственной власти «право управлять всеми и распоряжаться всем... Всякий, кто хочет уничтожить свободу демократического народа, должен знать, что самое верное и самое быстрое средство для этого — война».⁵³ Но еще большая опасность войны состоит в том, что она может повести к революции, ибо война, подчеркивает Токвиль, «стесняет и нередко доводит до отчаяния бесчисленную массу граждан, которые каждый день чувствуют потребность в мире».⁵⁴ Нужно всегда опасаться вооруженного народа, когда простые граждане становятся солдатами. В отличие от офицеров, солдаты, для которых служба в армии является временным делом, «не приобретают настроение армии, а скорее приносят в (армию и поддерживают здесь настроение общества. У демократических народов именно простые солдаты более всего остаются гражданами»,⁵⁵ и именно потому, что солдат является «верным изображением народа..., он легко позволит своим вождям увлечь себя в беспорядки».⁵⁶

Таковы основные идеи книги Токвиля. Они свидетельствуют о том, что ее автор, настроенный в известной мере оппозиционно по отношению к буржуазии, тем не менее выступает горячим защитником антинародного, буржуазного строя Соединенных Штатов. «Демократия в Америке» — книга, направленная против американского народа. Но в то же время она была направлена против

народа французского. Следует иметь в виду, что «Демократия в Америке» писалась в тот момент, когда пришедшая в 1830 г. к власти французская буржуазия свою главную задачу видела в охране этой власти, в борьбе с пролетариатом, а также многочисленными во Франции мелкобуржуазными массами, которые вместе с рабочим классом были врагами июльской монархии — органа денежной олигархии. Это было Время, когда Франция находилась под впечатлением лионских восстаний рабочих. Книга Токвиля по своей главной идее была не чем иным, как призывом к совместному походу буржуазии и дворянства против общего врага.

Не случайно Токвиль в этой книге настойчиво подчеркивал, что с развитием капитализма революции все больше и больше будут потрясать общество; «приближается время, когда власть будет переходить из рук в руки, когда политические теории будут следовать одна за другой, когда люди, законы и самые конституции будут ежедневно исчезать или изменяться, и это будет продолжаться не временно, а постоянно. Беспокойство и неустойчивость присущи самой природе демократических республик, так же как неподвижность и сон составляют закон для абсолютной монархии».⁵⁷ И чем тревожнее становилось во Франции, тем настойчивее призывал Токвиль к борьбе с революцией пролетариата, апеллируя к опыту американской буржуазии.

В предисловии к двенадцатому изданию «Демократии в Америке», вышедшему во время революции 1848 г., этот призыв Токвиля прозвучал особенно отчетливо. Главные мысли Токвиля, выраженные в этом предисловии, Н.Г.Чернышевский формулировал в следующих словах: «Книга эта была написана 15 лет тому назад. Но теперь она получает по обстоятельствам настоящего времени практическую ценность, которой она не имела во время первого издания. Американские учреждения должны быть предметом изучения для республиканской Франции. Вопрос теперь в том, спокойствие или волнения будут у нас при республике, демократическая тирания или демократическая свобода... Почти вся Европа была потрясена революциями; в Америке не было даже мелких смятений... Где можем найти мы лучшие надежды и лучшие уроки? Обратим наши взоры на Америку».⁵⁸ Иначе говоря, Токвиль гораздо лучше и откровеннее, чем все его буржуазные критики, разъяснил политический смысл своей книги об американской «демократии».

«Воспоминания». Токвиль о причинах революции 1848 г. во Франции

Завершающим этапом в формировании политических взглядов Токвиля была революция 1848 г., которой он посвятил свои «Воспоминания».

Токвиль всегда утверждал, что он был одним из немногих, кто предвидел приближение революции и предупреждал об этом французскую буржуазия; этим тезисом открываются его «Воспоминания». Вся французская история, начиная с 1789 г., представлялась Токвилю как непрерывная серия революций, вернее, как неутрачивающая «одна революция, начало которой видели наши деды, а конца которой мы, по всему вероятно, не увидим».⁵⁹ Период 1789—1830 гг. является завершённым циклом этой непрерывной революции, содержанием которого была борьба буржуазии и дворянства. С революции 1830 г. наступил новый период истории Франции — период борьбы буржуазии и пролетариата. Токвиль следующим образом определял содержание этого нового этапа: «Французская революция, — писал он, — уничтожившая все привилегии и исключительные права, повсюду оставила нетронутым одно право — право собственности. Те, у кого есть собственность, не должны увлекаться иллюзиями касательно прочности своего положения — не должны воображать, будто право собственности есть неприступная твердыня потому, что до настоящего времени она еще нигде не была ниспровергнута... Когда право собственности было лишь источником и основой многих других прав, его нетрудно было защищать, или вернее, на него никто не нападал; в то время оно служило для общества чем-то вроде внешней ограды, а все другие права были передовыми укреплениями; до него не долетали пары, направленные на эти укрепления... Но теперь все изменилось... теперь для него уже не служат внешней охраной другие права, более спорные и более ненавистные; теперь ему приходится одному выдерживать непрерывный напор демократических мнений... Политическая борьба скоро будет вестись между теми, кто имеет собственность, и теми, кто ее не имеет».⁶⁰

Основной силой новой революции выступит пролетариат. Токвиль указывал на это в своей речи в палате депутатов 29 января 1848 г.: «Посмотрите, что происходит в среде тех рабочих классов, которые в настоящее время — я этого не отвергаю — спокойны... разве вы не замечаете, что их страсти сделались из политических социальными? Разве вы не знаете, что среди них мало-помалу распространяются такие мнения, которые клонятся не к отмене тех или других законов, не к ниспровержению того или другого министерства, а к потрясению основ теперешнего общественного строя?.. Разве вы не слышите, что они постоянно утверждают, будто все, что выше их, неспособно и недостойно управлять ими, что до настоящего времени распределение земных благ между людьми было несправедливо, что право собственности утверждено на основах несправедливых? И не думаете ли вы, что когда такие мнения укоренятся, распространятся почти повсюду и глубоко проникнут в умы народных масс, они не приведут нас рано или поздно — не

знаю когда и не знаю как — к самым страшным переворотам?.. я полагаю, что мы в настоящее время засыпаем на вулкане».⁶¹

Каковы причины, которые ускорят взрыв революции и сделают его неизбежным? Основной из этих причин Токвиль считает самый июльский режим, который является монопольной властью буржуазии, средством наживы для кучки барышников. Встревоженный угрозой революции, Токвиль бросает прямое обвинение «среднему сословию», которое с 1830 г. «сделалось единственным руководителем общества, даже, можно сказать, взяло его в арендное содержание»,⁶² и «ввело такую систему управления, которая была с виду похожа на промышленное заведение частного лица; оно окружило окопами свое могущество и свой эгоизм, так как каждый из его членов заботился гораздо более о своих собственных интересах, чем об общей пользе,— гораздо более о своих собственных удовольствиях, чем о величии нации»,⁶³ а само «июльское правительство усвоило... приемы промышленной компании, руководящейся во всех своих операциях денежными интересами своих членов».⁶⁴

Токвиль призывает буржуазию умерить свой классовый эгоизм, чтобы избежать революции. «Разве в настоящую минуту вы можете быть уверены, что доживете до завтрашнего дня? Разве вам известно все, что может случиться во Франции по прошествии года, одного месяца и даже одного дня?.. я не прошу вас об этом, а умоляю; я готов стать на колени перед вами, потому что считаю опасность действительной и серьезной ради бога, измените дух управления, потому что он, повторяю, доведет вас до гибели».⁶⁵

Впоследствии Токвиль прибавил к этому еще ряд общих причин революции 1848 г. К ним он относит прежде всего революционную роль Парижа: «В течение тридцати лет Париж был первым во всей Франции фабричным городом; там поселились новые массы рабочих... экономические и политические теории стали проникать в умы этих людей и внушать им убеждение, что нищете создают законы и что можно уничтожить бедность, введя коренные реформы в устройстве человеческого общества».⁶⁶ К этим общим причинам Токвиль относил, далее, политическую централизацию Франции, ибо «благодаря централизации революционерам нужно было завладеть только Парижем и наложить руку на ту заведенную машину, при помощи которой управлялась Франция».⁶⁷

Февральская революция в освещении Токвиля

Токвиль подчеркивает, что февральская революция явилась результатом творчества самих народных масс. Во всех предшествующих революциях во Франции народ никогда не пользовался их плодами: несмотря на то, что «рабочие классы часто играли главную роль в событиях первой республики, они никогда не руководили делами управления и не были в государстве полными хозяевами ни на деле, ни по закону; в Конвенте не было, вероятно, ни одного члена из простонародья; он был заполнен членами буржуазии, и литераторами. Борьба между монтаньярами и жирондистами велась с обеих сторон членами буржуазии, а победа монтаньяров никогда не отдавала правительственную власть исключительно в руки народа. Июльская революция была делом народа, но среднее сословие возбудило ее, руководило ею и извлекло для себя пользу из главных ее результатов. Напротив того, февральская революция совершилась, невидимом) вовсе без участия буржуазии и в ущерб ее интересам... народ, действовавший сам по себе, захватил в свои руки всю правительственную власть. В наших летописях не встречается ничего подобного».⁶⁸

Токвиля поразило то обстоятельство, что как только отгремели выстрелы, Париж уже был не тем, каким он был день назад: «Я не видел в Париже ни одного из прежних представителей правительственной власти, ни одного солдата, ни одного жандарма, ни одного полицейского; даже Национальная гвардия исчезла. Только народ носил оружие, охраняя общественные здания, бодрствовал, распоряжался и наказывал; и странно и страшно было видеть, что исключительно во власти тех, кто ничего не имеет, находился громадный город, наполненный такими богатствами,— или, вернее, находилась вся великая нация, так как вследствие централизации управления распоряжался во Франции тот, кто господствовал в Париже».⁶⁹ Для Токвиля это означало, что над Францией нависла непосредственная угроза социализма. Таковы впечатления и мысли Токвиля о революции, которую он наблюдал на парижских улицах.

Токвиль был также свидетелем событий в палате депутатов. Заслуживает внимания его рассказ о заседании палаты 23 февраля, когда пало правительство Гизо. Сообщение Гизо об отставке его правительства произвело ошеломляющее впечатление. Сторонники июльской монархии, составлявшие в палате большинство, сорвались со своих мест и набросились на сложивших полномочия министров с «громкими и оскорбительными упреками, образовав беспорядочную толпу... Эти выражения отчаяния были вполне естественны, так как был нанесен смертельный удар не только политическим убеждениям членов большинства, но и самым дорогим их личным интересам. Событие, ниспровергнувшее министров, нарушало их материальные интересы... А почти все они ведь только и руководствовались такими расчетами».⁷⁰ К этому Токвиль прибавляет: «Я мысленно сравнивал всех этих законодателей со сворой собак, которых

отгоняют от отданной им на съедение дичи в такую минуту, когда их пасть только наполовину наполнена мясом».⁷¹

Но Токвиль не строит себе иллюзий и относительно одержавшей победу оппозиции; он не сомневается, что и этой оппозицией руководят не менее корыстные интересы и что ей в не меньшей степени присуще «желание жить собираемыми с народа податями».⁷² Кроме того, Токвиль видел, что сама оппозиция чрезвычайно смущена своей «победой», ибо в создавшихся условиях, когда победившие рабочие относились к большинству палаты «с презрением, а ее меньшинство казалось отсталым сравнительно с господствующими идеями»,⁷³ всякое буржуазное правительство имело, по мнению Токвиля, мало шансов удержаться у власти.

Больше того, сами имущие классы были объаты страхом перед парижскими рабочими. «Я всюду замечал, — пишет Токвиль, — старание приноровиться к последствиям внезапно совершившегося переворота и сблизиться с новым повелителем. Крупные землевладельцы напоминали о том, что они всегда были врагами буржуазии и всегда заботились об интересах низшего класса; сами члены буржуазии с некоторой гордостью указывали на то, что их предки были простые рабочие, а когда они за неимением подробных родословных не могли доказать свое происхождение от какого-нибудь предка, жившего трудом своих рук, то они по меньшей мере старались вести свое происхождение от какого-нибудь невежды, разбогатевшего без всякой посторонней помощи. Такого рода предка выставляли на вид с таким же старанием, с каким незадолго перед этим скрывали его существование».⁷⁴

Даже лидеры буржуазии, застигнутые революцией, окончательно потеряли голову. «Ремюза, который всегда так ясно видит, что можно было бы сделать, и так неясно то, что следует делать, излагал основательные мотивы, по которым следовало сидеть дома, и не менее основательные мотивы, по которым следовало выходить из дому. Дюверже совершенно растерялся. Революция разрушила ту систему равновесия правительственных властей, за которую его ум упорно держался в течение долгих лет, и ему казалось, что он очутился в безвоздушном пространстве. Что касается Брольи — он с 24 февраля не выходил из дому и ожидал окончательной гибели современного общества, которая, по его мнению, должна была наступить очень скоро».⁷⁵ Больше всех был в смятении Тьер. Бежав 24 февраля из палаты, он в панике колесил по всему Парижу, обходя всякого встречного и пугаясь криков уличных мальчишек. Тьер производил впечатление сумасшедшего, «он размахивал руками, рыдал и произносил несвязные слова; и катастрофа, которой он был свидетелем, и будущность страны, и опасности, угрожавшие его собственной жизни, представляли такой хаос, среди которого его ум ежеминутно приходил в волнение и сбивался с пути».⁷⁶ Даже Барро, в руки которого должны были перейти бразды правления, находился в полной растерянности. Это бросалось в глаза всем наблюдавшим его в этот день на улице. «Он шел торопливо, не замечая, что у него не было шляпы на голове и что его седые волосы, которые он всегда тщательно приглаживал к вискам, падали в беспорядке на его плечи; он, повидимому, был вне себя».⁷⁷ Одним словом, политические вожди буржуазии, «застигнутые врасплох великим переворотом, оказались в положении лодочников, привыкших плавать только по рекам и неожиданно занесенных в открытое море».

Сознание бессилия перед революцией в эти дни овладело и самим Токвилем. Единственно, что было для него ясно, это — необходимость всеми средствами сохранить буржуазную монархию, против которой он недавно фрондировал. Но Токвиль с ужасом наблюдал, как на бурном заседании палаты 24 февраля рушилась и эта попытка. Уже в начале заседания в палату рал проникать народ. «Большинство этих новых пришельцев Принадлежало к низшим классам населения: многие из них Пришли с оружием в руках».⁷⁹ Токвиль был вынужден покинуть свое традиционное место и искать среди членов палаты людей, которые были бы способны противостоять революционному народу. Но на его вопрос, обращенный к членам палаты: «Не можете ли вы указать, что нам следует делать, они печально отвечали — нет».⁸⁰

Народ стал размещаться на депутатских скамьях. «Раньше сидевшие там депутаты частью вышли из залы, частью пересаживались с одной скамьи на другую подобно тем несчастным, которых неожиданно застиг морской прилив и которые перебираются с одного утеса на другой, в то время как их преследуют все выше вздымающиеся морские волны».⁸¹ Дело довершила толпа, ворвавшаяся на галереи: «раздались громкие удары, и запертая дверь разлетелась вдребезги. Толпа вооруженных людей с шумом ворвалась во все галереи и разместилась на них. Один из простолоудинов, поставив ногу на перила, направил дуло своего ружья на президента и на оратора; другие сделали вид, будто намереваются стрелять в членов палаты».⁸² Полным хозяином палаты стал народ. День 24 февраля завершился провозглашением республики.

Токвиль о борьбе с революцией

Токвиль с большой тревогой следил за тем, какой отзвук найдет февральская революция в гуще французского крестьянства. Однако наблюдения над провинцией, куда он ездил, чтобы баллотироваться в Учредительное собрание, скоро привели его к выводу, что крестьянство

настроено враждебно к революции, ибо луйблановцы и бланкисты ничего не сделали, чтобы привлечь крестьянство на свою сторону. «Они наивно воображали, что достаточно призвать толпу к участию в политической деятельности для того, чтобы привязать ее к себе, и достаточно дать права, не приносящие никаких выгод, для того чтобы внушить любовь к республике; они позабыли, что их предшественники, предоставляя крестьянам право участия в выборах, в то же время прекратили взывание десятинной подати, отменили барщину, уничтожили другие помещичьи привилегии и разделили между прежними крепостными поместья старого дворянства».⁸³ Токвиль подчеркивает, что поскольку для французских крестьян, владеющих теперь клочками земли, главное значение приобрел не столько вопрос о земле, сколько вопрос о долгах, тяготевших над их землей, то «революционерам следовало наложить руки не на землевладельцев, а на заимодавцев и обещать уничтожение не права собственности, а долгов».⁸⁴ Этого не было сделано, и поэтому революция парижских рабочих означала для крестьян лишь беспорядок, покушение на право собственности и новые налоги. Все это не могло не сделать крестьянство врагом революции.

Уверенность Токвиля в победе над революцией еще более окрепла, когда он очутился в атмосфере Учредительного собрания, членом которого он был избран. В своем составе собрание имело «гораздо больше крупных собственников и даже представителей старинной аристократии, чем в какой-либо из прежних палат», по той причине, что «ввиду опасности, угрожавшей праву собственности, народ выбирал своими представителями преимущественно тех людей, которые сами были заинтересованы в охране этого права».⁸⁵ Кроме того, здесь, по сравнению с прошлым, оказалось гораздо больше представителей духовенства. Токвиль объясняет это ростом религиозных настроений среди буржуазии. Если революция конца XVIII в. сделала буржуазию «нечестивой», то революция 1848 г. «имела для буржуазии такие же последствия, какие имела революция 92 года для дворянства — неудачи, страх и возвращение к старым верованиям».⁸⁶

С другой стороны, усилилось и левое крыло. Впервые после Конвента появились якобинцы и впервые в истории Франции избраны были социалисты. Однако эти группы Токвилю опасения не внушали. Что касается якобинцев, то «эти люди только воображали, что они похожи на тех знаменитых злодеев, от которых заимствовали свое название».⁸⁷ Гораздо опаснее были бы луйблановцы, но «для того, чтобы перестроить общество по IX вкусу, им недоставало той энергии и того умения возбуждать восстания, которыми обладали только монтаньяры».⁸⁸ К тому же «между теми и другими существовало значительное разномыслие, мешавшее им действовать сообща, чему мы и были обязаны нашим спасением».⁸⁹ Кроме того, для Токвиля было ясно, что испуг имущих классов перед революцией уже прошел и что буржуазное большинство Учредительного собрания окажется в состоянии начать борьбу с революционными массами Парижа.

Главной задачей этого буржуазного большинства Токвиль считал вооруженный разгром революции. «Я постоянно был того мнения, — пишет он, — что нет возможности урегулировать развитие февральской революции мирным путем и что оно может быть остановлено не иначе, как посредством решительной борьбы на парижских улицах. Я утверждал это еще на другой день после 24 февраля; все, что я тогда видел, приводило меня к убеждению, что такая борьба не только была неизбежна, но что она должна была произойти очень скоро и что было бы желательно воспользоваться первым удобным случаем, чтобы начать ее».

Первый повод начать эту вооруженную борьбу против революции Токвиль увидел во время известного заседания Учредительного собрания 15 мая, когда революционные массы ворвались туда, чтобы свергнуть контрреволюционное временное правительство. Это напомнило Токвилю события 24 февраля. Однако, несмотря на то, что в течение трех часов Учредительное собрание было пленником народа, «члены собрания не падали духом, прислушивались к звукам, долетавшим до их слуха извне, и ожидали, чтобы кто-нибудь пришел к ним на помощь».⁹¹ Токвиль также не переставал ожидать этой помощи: «Наконец, мне показалось, что я слышу какие-то звуки, раздающиеся вне залы... я скоро расслышал звуки барабана, бьющего тревогу».⁹² Это шли на помощь собранию мобили и Национальная гвардия.

С этого дня Токвиль уже не сомневался, что момент решительного столкновения между буржуазией и рабочим классом Парижа быстро приближается, ибо буржуазия имела теперь вооруженную силу. Именно с этой точки зрения он рассматривал июньские дни. Для Токвиля это восстание было самым страшным, потому что «в нем участвовало в течение четырех дней более ста тысяч человек», и самым «удивительным», так как «мятежники сражались без воинственных криков, без вождей, без знамен, но с таким единством плана и с такой военной опытностью, которые возбуждали удивление в самых старых офицерах».⁹³ В отличие от всех прошлых восстаний «оно было предпринято с целью изменить не форму правления, а самый строй общества. Оно в сущности было... чем-то вроде борьбы рабов с их господами... это было не что иное, как грубая и безрассудная, но энергичная попытка рабочих избавиться от своего стесненного материального положения... и проложить себе с оружием в руках дорогу к тому воображаемому благосостоянию, описанием которого их прельщали».⁹⁴

Подавлению июньского восстания Токвиль придавал решающее значение и уделил много внимания анализу причин этого разгрома парижских рабочих. Прежде всего восстание было стихийным. Бланкисты, которые могли бы стать во главе восставших, «как глупцы, преждевременно попали в руки своих противников и могли слышать шум битвы только сквозь стены Венсенской тюрьмы»,⁹⁵ что касается луйблановцев и якобинцев, заседавших в Учредительном собрании, то они отреклись от восстания, к тому же находились между собой в открытой вражде. Токвиль убежден, что, оказавшись в эту страшную минуту у восставших вожди, «мы едва ли могли одержать эту победу. Мы едва не погибли, несмотря на то, что имели дело с революционной армией, у которой не было вождей; каков же был бы исход борьбы, если бы эти вожди стали во главе той армии, и если бы восстание поддерживалось одной третью членов национального собрания?»⁹⁶

Не менее крупной причиной поражения восстания, по мнению Токвиля, был его радикальный характер: «Спасло нас именно то, что делало его таким грозным... мы погибли бы, если бы не были так близко от гибели... восстание имело такой характер, что не допускало никакой мысли о взаимном соглашении и с самого начала не оставляло нам никакого исхода, кроме победы над ним или нашей гибели».⁹⁷ Токвиль подчеркивает, что вся Франция собственников ополчилась против восставших рабочих. Со всех концов в Париж стали прибывать отряды из провинций. «Эти люди принадлежали ко всяким классам населения; между ними были и крестьяне, и буржуа, и крупные землевладельцы, и аристократы... С той минуты стало очевидно, что победа останется за нами, потому что мятежники не получали никаких подкреплений, а для нас резервом служила вся Франция».⁹⁸

Все это позволило буржуазии быстро овладеть положением. Токвиль рассказывает, что Учредительное собрание жаждало сильной власти и что оно было похоже «на человека, еще полного страстей и энергии, но разбитого параличом и тщетно старающегося привести в движение органы своего тела».⁹⁹ С лихорадочной поспешностью был поставлен на обсуждение декрет о вручении генералу Кавеньяку военной диктатуры; на ораторской трибуне появилась фигура Бастида, который произнес жалобным тоном следующие слова: «Граждане, именем отечества умоляю вас приступить как можно скорее к голосованию. Нас извещают, что, может быть, по прошествии часа городская ратуша будет в руках мятежников». Эти слова положили конец прениям и декрет был немедленно утвержден.¹⁰⁰

Монархия или республика?

Июньский разгром пролетариата еще не исчерпывал для Токвиля вопроса о борьбе с революцией вообще; Токвиля занимала проблема о том, какая государственная форма — монархия или республика — окажется наиболее способной обезопасить буржуазную Францию от революции пролетариата в будущем. Чрезвычайно характерно, что монархист Токвиль в ходе революции 1848 г. приходит к выводу, что лучшей государственной формой для борьбы с революцией была бы республика, ибо он «не видел ничего хорошего, что было бы готово заменить ее».¹⁰¹

Токвиль указывает, что опыт французской истории заставил его усомниться в способности монархии подавить революцию. В свое время он возлагал на монархию большие надежды в этом отношении; «я этого ожидал при реставрации и даже после падения Карла X; но французская революция вновь началась в 1848 г.»¹⁰² Теперь, когда стало ясно, что история Франции оказалась историей непрекращающейся революции, «мне надоело, — пишет Токвиль, — постоянно принимать сгустившийся туман за окраину твердой земли, и я часто задаюсь вопросом, Действительно ли существует та твердая земля, которую мы так Долго ищем, и не заключается ли наше назначение в том, чтобы вечно блуждать по морю».¹⁰³ Токвиль приходит к выводу, что поскольку монархия не только не явилась якорем спасения, но сама стала причиной революции, то чтобы избежать революции на будущее время, «надо обходиться с французским народом как же, как с теми сумасшедшими, которым не следует связывать рук из опасения довести их до бешенства»,¹⁰⁴ иначе говоря, ввести республику, невзирая даже на то, что среди имущих классов Франции «не было настоящих республиканцев».

Токвиль рассказывает, как постепенно, с развитием событий 1848 г. складывались его республиканские убеждения. Он пишет, что уже в период Учредительного собрания он «утратил доверие к монархическим учреждениям, не имел привязанности ни к одному из членов прежде царствовавших династий» и решил бороться с революцией под флагом республики. «Охранять от нововводителей старые общественные учреждения с помощью той новой силы, которую мог придать правительству республиканский принцип; тому, что очевидно было желанием французского народа, доставить перевес над страстями и стремлениями парижских рабочих; таким образом, осилить демагогию посредством демократии — такова была моя единственная цель. Никакая другая цель не казалась мне и такой высокой и такой ясной».¹⁰⁵ Иными словами,

республика, за которую боролся Токвиль, была вовсе не демократией, как он сам уверяет, а определенной формой реакционной диктатуры для подавления пролетариата.

Каким «республиканцем» и «демократом» был Токвиль, показывает и его практическая деятельность в 1848 г. Когда ему в качестве члена конституционной комиссии Учредительного собрания пришлось решать вопрос о границах полномочий президента и способах его избрания, Токвиль решительно отстаивал необходимость сильной власти президента и его всенародного избрания, поскольку оно является источником авторитета главы государства. «Я заботился, — пишет он, — не столько о составлении хорошей республиканской конституции, сколько о том, чтобы как можно скорее поставить во главе республики могущественного человека. Не следует забывать, что мы находились в то время под управлением исполнительной комиссии, действовавшей без единодушия и без твердых принципов, что социализм напоминал нам о себе и что мы были недалеко от июньских дней».¹⁰⁶ Кандидатом, за которого голосовал Токвиль на президентских выборах, был генерал Кавеньяк — палач парижских рабочих. Когда же президентом стал Луи-Наполеон, Токвиль не только примирился с его избранием, но стал, хотя и не надолго, министром иностранных дел в его правительстве.

Тем не менее переворот 2 декабря 1851 г. Токвиль встретил с нескрываемой оппозиционностью, объявив себя сторонником республики, за что и очутился на короткое время в Венсенской тюрьме. Этот республиканский выпад обычно служит для буржуазной историографии одним из главных доказательств приверженности Токвиля к политической свободе и его враждебности к деспотизму. Однако чем на деле объяснялись эти республиканские симпатии Токвиля?

Исчерпывающий ответ на это мы находим у В.И.Ленина, который, обзвывая весь путь борьбы за республику во Франции, писал: «...демократия Франции, с рабочим классом во главе, вопреки колебаниям, изменам, контрреволюционному настроению либеральной буржуазии, создала, после долгого ряда тяжелых «кампаний», тот политический строй, который упрочился с 1871 года. В начале эпохи буржуазных революций либеральная французская буржуазия была монархической; в конце долгого периода буржуазных революций — по мере увеличивающейся решительности и самостоятельности выступлений пролетариата и демократически буржуазных... элементов — французская буржуазия вся была переделана в республиканскую, перевоспитана, переобучена, перерождена».¹⁰⁷

Революция 1848 г. была одной из тяжелых «кампаний» французского пролетариата, в которой буржуазия и дворянство проходили эту республиканскую школу. Там, где Токвиль пытался добросовестно понять факты, он был вынужден, вопреки своей теории, говорить о борьбе рабочего класса как основе республики. В своих «Воспоминаниях» он неоднократно указывает, что именно страх перед пролетариатом вынуждал контрреволюционное большинство буржуазии сохранять республику на протяжении всей революции. Говоря, например, о том, что в составе Законодательного собрания, несмотря на подавление июньского восстания, оказалось очень сильное крыло левых республиканцев, Токвиль пишет: «Ужас сделался всеобщим; он заставил различные монархические партии снова учиться той скромности, с которой они вели себя после февральской революции... со всех сторон обнаружилось сознание, что пока нельзя и помышлять об отмене республиканской формы правления».¹⁰⁸

Но, естественно, в противовес «социальной республике» пролетариата Токвиль вкладывал в республиканскую форму свое собственное классовое содержание. «В отличие от монархии, самое имя которой означало преобладание одной фракции буржуазии над другой, победу одной стороны и поражение другой,... республика была анонимным акционерным обществом объединившихся фракций буржуазии, всех эксплуататоров народа, сплотившихся воедино; и в самом деле, легитимисты, бонапартисты, орлеанисты, буржуазные республиканцы, иезуиты и вольтерьянцы заключили друг друга в объятия. Они не укрываются больше под сенью трона... эта анонимная или республиканская форма буржуазного режима, эта буржуазная республика, эта республика партии порядка есть самый ненавистный из всех политических режимов. Ее прямое дело, единственный смысл ее существования — подавление народа».¹⁰⁹ Токвиль отстаивал республику именно потому, что видел в ней ту «анонимную акционерную компанию» имущих классов, которая открывала для дворянства возможность быть равноправным участником в управлении страной, в подавлении народа. Монархический переворот Наполеона III был прямым нарушением этих расчетов Токвиля.

Кроме того, оппозиционность Токвиля по отношению к наполеоновской монархии имела еще одно существенное основание в этой монархии Токвиль видел победу всегда претившего ему равенства. Республика во Франции, как известно, «была уничтожена шестью миллионами крестьянских голосов».¹¹⁰ Эти бонапартистские иллюзии французского крестьянства, имевшие преходящий характер, Токвиль возвел в своего рода абсолют и рею ответственность за бонапартистский переворот возложил на народные массы. Для Токвиля подобная позиция крестьянства явилась подтверждением его старого тезиса о том, что народ больше всего ценит не политическую свободу, а равенство, Равенство социальное может быть установлено только ре-

волюцией, что же касается равенства политического, то для его достижения революция — не единственный путь; еще в «Демократии в Америке» Токвиль писал, что существует «два способа водворить равенство в политическом мире: или дать права каждому гражданину или не давать их никому».¹¹¹ В перевороте Наполеона III Токвиль увидел этот второй вариант установления равенства. Народные массы и прежде всего крестьянство, не получив политического равенства от республики, повернули на путь монархии, ибо народ, который, по мнению Токвиля, не дорожит свободой и тяготеет к исполнению общественных обязанностей, охотно откажется от всего этого в пользу любого диктатора, который возьмет на себя это бремя. Я пообещаю установить равенство между всеми. В этом, как думает Токвиль, и состоит основной смысл поддержки наполеоновского переворота со стороны народа. Так, политическая централизация в форме монархии оказывается, согласно Токвилю, Кратной стороной равенства и «народоправства».

Это послужило для автора основанием считать монархию Наполеона III «тиранией народного большинства», а бонапартистская демагогия служила для него прямым тому подтверждением. В то же время, будучи правлением единоличным, наполеоновская власть, ограничивая политическую самостоятельность дворянства и буржуазии, тем самым, как он думал, связывала им руки в борьбе против «тирании народного большинства». Все это явилось основой, на которой окончательно оформилась политическая теория Токвиля о том, что республика есть такая государственная форма, где господствует политическая свобода, и больше всего подходит для господства аристократии, в то время как монархия есть не что иное, как форма «народной тирании» и всеобщего политического равенства. Родоначальником этой теории Токвиль и вошел в буржуазную историографию.

«Старый порядок и революция»

Реакционная республиканская концепция, которая окончательно сложилась у Токвиля под влиянием революции 1848 г. и переворота Наполеона III, определила политические мотивы его последней работы «Старый порядок и революция», в которой автор в окончательном виде сформулировал свою историческую теорию.

В «Старом порядке и революции» Токвиль не устает прославлять свободу и проклинать деспотизм; иначе говоря, книга Токвиля явилась оппозиционным сочинением по отношению к режиму Наполеона III, и не случайно автор подчеркивал, что многие «обвинят меня в том, что я в этой книге высказываю совершенно несвоевременную любовь к свободе, до которой, как меня уверяют, никому теперь нет дела во Франции».¹¹²

Эта «любовь к свободе» явилась на деле дальнейшим усилением реакционности взглядов Токвиля на историю Франции. Если в «Воспоминаниях» он рисует французскую историю, как историю неутраченной революции, то в «Старом порядке», наоборот, он ставит своей задачей доказать, что революция 1789—1794 гг., это, по словам Берли, «уродливое огромное существо, самое ужасное из всех, когда-либо угнетавших и поражающих воображение людей»,¹¹³ якобы почти ничего не изменила в естественном течении истории Франции; все, что в XIX в. обычно считается порождением революции, является не чем иным, как порождением старого порядка, и Токвиль «повсюду находил корни современного общества, глубоко вросшими в эту старую почву».¹¹⁴

Токвиль доказывает, что социальные отношения старого порядка вовсе не заключали причин для революции, наоборот, старый порядок был периодом экономического подъема и самого тесного сближения сословий; буржуа богател так же, как и дворянин, а крестьянин задолго до революции уже был свободным собственником своей земли. Основной чертой того времени был рост социального равенства; «все эти люди, державшиеся друг от друга в таком отдалении, сделались настолько схожими между собою, что достаточно было заставить их переменить место, чтобы уже нельзя было их распознать. Мало того — кто мог бы проникнуть в их мысль, тот открыл бы, что эти маленькие перегородки, разделявшие таких похожих людей, им самим казались противными как общественному интересу, так и здравому смыслу... все они готовы были смешаться в одну массу, под условием, чтобы никто ни в чем не стоял отдельно от других и не выделялся таким образом из общего уровня».¹¹⁵

Не в социальной, а в политической сфере нужно искать причины революции. Вина за революцию падает прежде всего на правительства старого порядка: пытались остановить рост социального равенства, они разъединили сословия и противопоставляли их друг другу, чтобы лишить их возможности объединиться против правительства. Все это привело лишь к тому, что правительство потеряло общественную опору; общество «обратилось в однородную массу... исчезли все организации, стеснявшие правительство, но вместе с тем исчезли и те, которые могли служить ему поддержкой».¹¹⁶

В создавшейся обстановке неизбежным следствием и сознательной целью королей стала централизация власти, установление деспотизма. Эта гибель политической свободы привела к столкновению имущих классов с королевской властью и была одной из причин ее падения. «В настоящее время почти все, кажется, согласны, что административная централизация и

и всемогущество Парижа значительно способствовали падению всех тех правительств, которые на наших глазах сменяли друг друга в течение последних сорока лет». ¹¹⁷ Но главное, что сделало революцию неизбежной, — это безрассудная политика правительства по отношению к крестьянству; правительства старого порядка полностью отделили крестьян от остального общества и обрушили на них груды повинностей и правительственный произвол. Крестьянство, изолированное от буржуазии и дворянства и потерявшее их поддержку, было лишено возможности защищаться от произвола законными средствами и вынуждено было перейти к революционной борьбе.

Не менее пагубные последствия имело и то обстоятельство, что правительства старого порядка своим вторжением в сферу собственности (конфискации, регламентирование цен и т.д.) заронили в городские рабочие массы идеи социализма. «Странно видеть, что его зачатки коренятся в королевском абсолютизме... администрация беспрестанно показывала народу, более Практическим и более понятным для него образом, какое презрение следует питать к частной собственности». ¹¹⁸ Но старый порядок не только способствовал возникновению социалистических идей, — он создал также все условия для их успеха тем, что уничтожил всякую дисциплину среди рабочих масс; виной тому была — отмена цехов. Этой отменой «все прежние отношения между хозяином и рабочим были глубже потрясены... Полицейская власть хозяев (*police dominicale*) была уничтожена, а правительственная опека — еще не устроена, и мастеровой, поставленный в стеснительное и неопределенное положение между правительством и хозяином, не знал хорошенько, кто из них может оказывать ему покровительство и обязан его дисциплинировать. Это тягостное и анархическое состояние, в которое сразу был повергнут весь низший класс городского населения, привело к важным последствиям, когда народ начал вновь появляться на политической сцене». ¹¹⁹

Такова, по мнению Токвиля, главная вина самого правительства. Но эту вину за революцию должно разделить и дворянство, которое своими разглагольствованиями о бедственном положении народа толкнуло его на революцию. «Люди, имевшие больше всего оснований опасаться гнева народа, громко говорили в его присутствии о тех жестоких несправедливостях, жертвой которых он всегда был; они указывали друг другу на те чудовищные пороки, которые гнездились в учреждениях, наиболее давивших его; они красноречиво описывали, как плохо он вознаграждается за свои бедствия и свой труд; таким образом они наполняли его яростью, сиюсь принести ему облегчение». ¹²⁰

Все это в конце концов привело к тому, что не только правительство, но и само дворянство потеряло всякое влияние на народ. Это влияние захватили просветители, которые в своей разрушительной деятельности зашли настолько далеко, что стали не только проповедывать ненависть к «старому порядку», но напали на религию. «Мы до такой степени... плохо знали ту роль, которую играет религия в управлении государствами, что неверие утвердилось прежде всего в умах именно тех людей, для которых являлось наиболее личным и настоятельным интересом удержать государство в порядке, а народ — в повиновении». ¹²¹ Но еще худшими носителями зла были просветители-социалисты. «Ошибочно думать, — пишет Токвиль, — что разрушительные теории, обозначаемые в настоящее время названием социализма, возникли недавно... Прочтите книгу Морелли «Кодекс природы» и вы найдете в ней, вместе с доктринами экономистов о всемогуществе государственной власти и ее неограниченных правах, многие из тех политических теорий, которые наиболее напугали Францию в последнее время и которые считались у нас плодом современности: общность имущества, право на труд, абсолютное равенство... и полное поглощение личности граждан обществом... до какой степени верно, что централизация и социализм суть продукты одной и той же почвы; они относятся друг к другу, как культурный плод к дикому».

И всем этим воспользовалась революционная сила — французский народ. Возбужденный революционными теориями, он ринулся на штурм старого порядка. «Контраст между мягкостью теории и жесткостью действий, составляющий одну из самых странных особенностей французской революции, никого не удивит, если принять во внимание, что революция была подготовлена наиболее цивилизованными классами нации, а совершена самыми необразованными и грубыми». ¹²³

Именно потому, что революция была совершена самим народом, она, утверждает Токвиль, принесла Франции тяжелый вред. Роковым ударом для страны была, по мнению Токвиля, ликвидация дворянства. «Навсегда останется заслуживающим сожаления то обстоятельство, что мы, вместо того, чтобы подчинить дворянство господству законов, совершенно уничтожила его и вырвали с корнем. Этот акт лишил нацию одного из необходимых элементов ее существа и нанес свободе такую рану, которая никогда не заживает. Класс, столько веков шедший во главе общества... приобрел известную гордость души, естественную уверенность в своих силах и привычку быть предметом всеобщего внимания, — привычку, делавшую его точкой наибольшего сопротивления в общественном организме. Дворянство не только в своей среде воспитывает

мужественные нравы, но своим примером усиливает их также в других классах. Его уничтожение обессиливает всех, не исключая и его врагов».¹²⁴

Таков след революции в истории Франции. Однако как «ни радикальна была революция, но она ввела гораздо меньше нового, чем предполагают обыкновенно».¹²⁵ Она разрушила феодализм, но вместе с тем она унаследовала почти все, что им было достигнуто. Разрушив феодальные перегородки между сословиями, она тем самым уничтожила препятствия для равенства, рост которого был характерной чертой старого порядка. Это стремление к равенству, по мнению Токвиля, явилось основной тенденцией революции. Все попытки установить политическую свободу рухнули под неудержимым напором идеи равенства. «Замечательно, что из всех идей и чувств, подготовивших революцию, идея политической свободы в собственном смысле и любовь к ней явились последними и первыми исчезли».¹²⁶ В противовес свободе, которая должна была привести к установлению аристократической республики, тенденция к равенству вновь привела к установлению «демократической» монархии.

Поэтому революция унаследовала и такой институт старого порядка, как политическая централизация, приспособив ее к своим нуждам; как во время революции, так и после нее «вы замечаете громадную центральную власть... Мир не видел подобной власти со времен падения Римской империи».¹²⁷ Именно это и определило, по мнению Токвиля, диктаторскую форму правления Франции на весь последующий период и привело «в течение шестидесяти лет к стольким тщетным попыткам установить конституционное правление, попыткам, сопровождавшимся такими пагубными революциями,— пока, наконец, утомившись от всех этих усилий, охладев в такой тяжелой и бесплодной работе... множество французов примирилось с мыслью, что пользоваться равенством под властью одного повелителя в конце концов имеет свою прелесть».¹²⁸ Так восторжествовало во Франции равенство и погибла свобода. Единственным убежищем свободы остались только судебные учреждения. Это явление также унаследовано от старому порядку; уже с первых лет феодального абсолютизма парижский парламент выступал единственным хранителем свободы и мужественно защищал ее от произвола королей. Революция оказалась неспособной подчинить правосудие своему всеильному государству. «Наши политические и административные учреждения сделали Францию того времени страной неограниченного правления, но по своим судебным установлениям французы остались свободным народом».¹²⁹

Ничего не изменила революция и в области религиозной; поход против религии в начале революции был страшным, но слишком мимолетным эпизодом; буржуазия вскоре сама ужаснулась своего неверия, и теперь она, подобно дворянству, ухватилась за религию. «Какой француз подписался бы теперь под произведениями Гельвеция и Дидро?.. Даже той неполной опытности, которую мы приобрели за последние шестьдесят лет в политической жизни, было достаточно, чтобы оттолкнуть ее от этой опасной литературы. Посмотрите, как уважение к религии постепенно восстановило свою власть в различных классах общества по мере того, как каждый из них приобретал этот опыт в суровой школе революции. Старое дворянство, бывшее самым неверующим классом до 89 года, сделалось самым набожным после 93-го. Оно первое было поражено и первое же обратилось. Когда сама буржуазия почувствовала себя поколебленной в своем торжестве,— и она, в свою очередь, стала возвращаться к религиозным верованиям. Мало-помалу почтение к религии проникло повсюду, где у людей было что терять в народных беспорядках, и неверие исчезло, по крайней мере стало прятаться, по мере того, как выступала наружу боязнь революций».¹³⁰

Так родилось во Франции буржуазное общество. Оценивая его перспективы, Токвиль приходит к следующим выводам «В сумраке будущего можно уже открыть три очень ясные истины. Первая из них та, что современные люди увлечены какой-то неведомой силой... которая... мчит к уничтожению аристократии; вторая — та, что из всех обществ в мире всего труднее будет надолго избежать абсолютного правительства тем, в которых аристократии уже нет и не будет; наконец, третья истина состоит в том, что нигде деспотизм не ведет к более гибельным последствиям, чем в таких именно обществах».¹³¹

Для Токвиля это означало, что капитализм и политическое господство буржуазии являются несомненным шагом назад по сравнению с обществом феодальной Франции. Феодализм представляется Токвилю как устойчивое и освященное вековыми традициями состояние общества, а дворянство — как патриархальное сословие; дворянству «была неизвестна особая страсть к материальному благосостоянию, которая ведет к рабству». В противоположность этому капитализм представляет собой состояние всеобщей неуверенности, ибо основной чертой буржуазии является ненасытная жажда наживы. В таком обществе «нет ничего прочного, каждый ежеминутно терзается страхом быть оттесненным вниз и страстным желанием подняться повыше; и так как деньги... приобрели необычайную подвижность, беспрестанно переходят из рук в руки, преобразуют общественное положение людей, возвышая и принижая семьи, — в таких обществах не существует почти никого, кто не был бы вынужден делать отчаянные и постоянные усилия с целью сберечь или приобрести деньги».¹³³

Подобная разница в материальных интересах между дворянством и буржуазией ведет к совершенно различным политическим последствиям. У дворянства, указывает Токвиль, на первом плане стоит жизнь общественная, дворянин выше всего ценит интересы своего сословия, своей местной корпорации, его частная жизнь неизбежно переплетается с этими общественными и государственными интересами. Это значило, что дворянство, защищая интересы своего сословия и своего края, никогда не мирилось с деспотизмом и произволом. «Как ни были люди Старого порядка послушны королевской власти, все же они не знали, что значит подчиняться незаконной или спорной власти... Эта унижительная форма рабства всегда была им совершенно чужда...»¹³⁴ Это, далее, значило, что при феодализме господствует политическая свобода, которая должна стать предметом подражания для последующих поколений. «Не будем же презирать наших отцов — на это мы не имеем права. Дай бог, чтобы мы могли возвратить, вместе с их предрассудками, хоть частицу их величия».¹³⁵

Иное положение при капитализме. Здесь люди «слишком склонны заботиться только о своих частных интересах и, всегда занятые только собою, погрязают в узком индивидуализме, который заглушает всякую общественную добродетель».¹³⁶ Господство буржуазии несовместимо с политической свободой, наоборот, это господство неизбежно ведет к деспотизму, ибо частные интересы «отвлекают внимание и занимают воображение людей вдали от общественных дел и заставляют их дрожать при одной мысли о революции. Один деспотизм может доставить им убежище и мрак, дающие простор алчности и дозволяющие наживать бесчестные барыши, не огорчаясь бесчестьем».¹³⁷ Буржуазное общество поэтому стремится не к свободе, а к равенству. Но именно в этом и состоит, по мнению Токвиля, главная опасность. Стремясь к равенству и деспотизму, буржуазия, сама Того не желая, открывает путь для наихудшего носителя равенства, т.е. народа, который, пользуясь своим численным перевесом, получает возможность создать «деспотическую народную монархию». Еще в «Демократии в Америке» Токвиль писал, что «бедность, так же как и несчастье, суть самые лучшие ручательства равенства»,¹³⁸ ибо народ, заинтересованный в уничтожении привилегий имущих классов, особенно склонен поддерживать деспотическую монархию, которая лишь одна в состоянии ввести равенство.

Отсюда Токвиль делает вывод, что если положение не будет изменено коренным образом, то Франции грозит общественное вырождение. «Демократические общества, лишённые свободы, могут отличаться богатством, изысканностью, блеском, даже великолепием, могут быть сильны весом своей однородной массы; в них можно встретить качества, украшающие частную жизнь, — можно встретить хороших отцов семейств, честных торговцев и весьма почтенных собственников, мы найдем в них даже добрых христиан... Но в среде подобных обществ — говорю смело — никогда не окажется великих граждан и тем менее — великого народа, и я не боюсь утверждать, что общий уровень сердца и умов никогда не перестанет понижаться, пока равенство и деспотизм будут соединены в них».¹³⁹

Единственной возможностью избежать грозящего вырождения для Токвиля является установление аристократической республики как единственной формы, способной положить конец деспотизму и обеспечить свободу. «Одна свобода может в таких обществах успешно бороться со свойственными им пороками и удержать эти общества на наклонной плоскости, по которой они скользят. И в самом деле, она одна может извлечь граждан из того состояния изолированности, в котором удерживает их самая материальная обеспеченность, и заставить их приблизиться друг к другу. Она одна способна оторвать их от денежного культа и от мелкой буржуазной сутолоки частных дел, чтобы заставить их ежеминутно чувствовать свою связь с отечеством; она одна... на место погони за материальной обеспеченностью ставит более энергичные и возвышенные стремления, доставляет честолюбию более значительные цели, чем приобретение богатств».¹⁴⁰ Эта республика, которая обеспечивает свободу и исключает деспотизм, немислима без участия дворянства, которое для Токвиля является единственным носителем политической свободы.

Такова историческая теория Токвиля. Сам Токвиль и вслед за ним все его буржуазные биографы доказывали, что эта теория родилась в результате многолетнего изучения французских архивов. Но на деле эта теория явилась простым перенесением на историческую почву излюбленных идей Токвиля о дворянстве и буржуазии, о равенстве и деспотизме, о республике и монархии, которые мы встречаем в его более ранних работах — «Демократия в Америке» и «Воспоминания». В «Старом порядке» дворянские мотивы Токвиля не только сохранились, но под влиянием революции 1848 г. и переворота 2 декабря еще более усилились. Эта дворянская позиция делает понятной ту роль обличителя капитализма, в которой Токвиль неизменно выступает и которая резко выделяет Токвиля среди буржуазных историков его времени.

Однако, несмотря на все это, буржуазная историография, как известно, причислила Токвиля к сонму своих корифеев и создала ему славу демократа. Причина этого совершенно очевидна. Дело в том, что Токвиль выступил в тот исторический момент, когда появившийся на исторической сцене пролетариат и особенно его вооруженные восстания в феврале и июне 1848 г. внесли коренные изменения в политическую и идейную атмосферу во Франции. Буржуазия и дворянство оказались под ударами революции со стороны их общего врага, а это означало, что отныне

буржуазия и дворянство переставали быть противниками, какими они были до сих пор, и становились, как уже было сказано, политическими фракциями одного и того же господствующего класса собственников. Их старые счеты отходили на задний план, обе стороны настойчиво искали примирения.

В буржуазной историографии этот политический перелом сказался чрезвычайно резко. Если в годы реставрации буржуазные историки Франции решительно выступали против дворянских концепций в исторической науке и знаменем для них служила революция 1789—1794 г., то теперь, как мы видели, война с дворянством сменяется миром, а вместе с тем начинается поход против собственного детища — революции конца XVIII в. Главная задача буржуазной историографии, как и историографии дворянской, состояла теперь в том, чтобы доказать, что в происхождении буржуазного порядка не было ничего революционного, что никакие преграды не разделяют буржуазию и дворянство. Буржуазная историческая наука всем фронтом поворачивается теперь против своего главного врага — революции пролетариата. Наиболее ярко это выразил лидер французской буржуазии и корифей буржуазной историографии первой половины XIX в., — Гизо. Его работа «Почему удалась английская революция?» явилась подлинным манифестом буржуазной исторической мысли, в котором была сформулирована идейная программа буржуазии после революции 1848 г. Не случайно К. Маркс направил свой удар именно против этого сочинения Гизо.¹⁴¹ Политическим комментарием к этому манифесту послужила книга Гизо: «De la démocratie en France», написанная под свежим впечатлением революции 1848 г.

Эта тенденция буржуазной историографии к политическому союзу с дворянством встретила отклик со стороны самого дворянства. Если в годы реставрации историческая теория графа Монлозье требовала политической капитуляции буржуазии перед дворянством, то историческая теория графа Токвиля предлагала буржуазии не борьбу, а союз. Правда, Токвиль «ничего не забыл» — его теория оставалась теорией дворянской, но он был дворянином, который уже «многому научился», ибо он понимал, что время безраздельного господства дворянства уже прошло. Его выпады против капитализма не составляли сущности его исторической теории, не являлись ее главной целью; они были направлены не к свержению буржуазии, а служили лишь средством заставить буржуазию потесниться у власти, создать единый блок буржуазии и дворянства против народа. Вся его теория была не чем иным, как исторической мотивировкой буржуазно-дворянского союза, ибо, по мнению Токвиля, буржуазия и дворянство уже на протяжении столетия сближались между собой; революция конца XVIII в. почти ничего не изменила в истории Франции; ее единственные результаты были только отрицательные: она была ударом по дворянству, а установленным ею равенством воспользовались прежде всего народные массы. В качестве политических выводов Токвиль в противовес монархии Наполеона III, которая являлась господством буржуазных верхов, предлагал республику, эту «анонимную акционерную компанию», как наиболее пригодную форму для господства всех фракций господствующего класса. На языке Токвиля это означало борьбу против «тирании народного большинства», иначе говоря, установление диктатуры, способной обеспечить свободу не только буржуазии, но и дворянства, и подавить народную революцию.

Для буржуазной историографии Токвиль был не воинствующим противником времен реставрации, а надежным союзником, своего рода «дворянином в мещанстве», который становился в одну шеренгу с потомственными буржуазными историками. Не случайно, что и для французской буржуазной историографии и для Токвиля политическим идеалом были Англия — страна, где господствовал блок буржуазии и дворянства, и США, где республиканская форма является наиболее мощной и совершенной машиной для подавления народного большинства.

Во второй половине XIX в. популярность идей Токвиля чрезвычайно возросла. Не будет преувеличением сказать, что французская историография последней трети XIX в., отражавшая идеологию правящей буржуазии, находилась почти под исключительным влиянием идей Токвиля. Такие столпы французской историографии этого времени, как Фюстель де Куланж, Ипполит Тэн, Альбер Сорель и другие, были политическими учениками Токвиля. Росту этой популярности Токвиля способствовали политические условия, которые создались в это время во Франции. Парижская Коммуна чрезвычайно обострила для французской буржуазии вопрос о борьбе с революцией пролетариата, о борьбе с социализмом; это была наиболее актуальная проблема всей буржуазной политики. Вынужденная под давлением рабочего класса пойти на создание республики, французская буржуазия всеми силами стремилась превратить республиканскую форму в орудие для подавления народа. И кто, как не Токвиль — автор теории о республике как форме господств? реакционного блока крупных собственников, мог стать в этих условиях политическим учителем для французской буржуазии и ее идеологов? В этом и состоит причина огромной популярности Токвиля в буржуазной историографии.

* * *

Восторженная апология Токвиля как демократа продолжается в зарубежной историографии и в наши дни. Примером тому может служить предисловие Л.Монье к новому французскому изданию

«Воспоминаний» Токвиля (1942). Л.Монье признает дворянское происхождение политической теории Токвиля, ибо Токвиль «никогда не забывал, что принадлежит к той аристократии, которая некогда управляла Францией».¹⁴² Но именно потому, что Токвиль был дворянином, он, по мнению Л.Монье, боролся за подлинную политическую свободу. «Нужно было быть аристократом, иметь эту страсть к свободе, ибо только аристократ умеет черпать в своих традициях столь живое чувство достоинства и чести».¹⁴³ Это приводит Л.Монье к выводу, что точка зрения Токвиля, которая «пронизывает все его «Воспоминания», есть не что иное, как отчаянный протест против подавления гражданских достоинств».¹⁴⁴

Л.Монье признает, что политика была для Токвиля «долгом, моральной обязанностью», но, во-первых, Л.Монье старается Умалить влияние политики на исторические труды Токвиля, в особенности на «Старый порядок»; Л.Монье доказывает, что, несмотря на то, что Токвиль пришел в историческую науку «через политику», он «очень скоро в ней разочаровался, поскольку он не нашел в ней применения своим талантам и не сыграл в ней той роли, на которую рассчитывал».¹⁴⁵ Во-вторых, политические идеи Токвиля Л.Монье сводит в конечном счете к демократии: «Токвиль служил демократии... Токвиль служил ей своим пером, он еще больше служил ей в своей общественной деятельности. И этим он подал нам великий пример».¹⁴⁶

В чем Л.Монье видит этот «великий пример», показывает его трактовка основных политических идей Токвиля. Заслуга Токвиля в глазах Л.Монье состояла в том, что его борьба за «свободу» и «достоинство» была борьбой с революцией. Так, например, падение июльской монархии вызывало беспокойство Токвиля прежде всего потому, что оно означало революцию «Свобода и человеческое достоинство были в опасности. Токвиль со всей страстью бросился на их защиту: здесь — спасение страны, там — ее гибель».¹⁴⁷ Ненависть Токвиля к пролетариату, в особенности к восставшим парижским рабочим, находит полное оправдание у Л.Монье; поскольку от Токвиля «не ускользнул социалистический характер революции», то, по мнению Л.Монье, вполне закономерно решение Токвиля «энергично бороться с социализмом, ибо в нем он видел самый опасный удар, который угрожал личной свободе».¹⁴⁸ Что касается борьбы Токвиля против демократической республики, то эта борьба, по мнению автора предисловия, была необходима, ибо, подчеркивает Л.Монье, даже республика, установленная февральской революцией, «была провозглашена благодаря дезорганизации господствующего класса, который после трех дней мятежа стоял перед угрозой потерять власть».¹⁴⁹ Даже деятельность Токвиля как министра будущего Наполеона III, на деле означавшая помощь в удушении всякой республики, находит у Л.Монье прямую защиту. «Каким образом управлять республикой, — пишет он, — когда ее граждане уже не хотели республики. Как было сохранить ей жизнь, с одной стороны, вопреки монархическому большинству парламента, которое думало только о ее уничтожении, с другой — вопреки президенту, который стремился к ее ниспровержению».¹⁵⁰ Так французская буржуазная историография, как и сто лет назад, прикрываясь флагом демократии, пытается отстаивать реакционные идеи в исторической науке и нападать на демократическую республику.

Но если во Франции всегда был велик интерес к «Воспоминаниям» и «Старому порядку» Токвиля, то в США наибольшим вниманием пользовалась его «Демократия в Америке». В 1946 г. Нью-Йорке вышло новое издание этой книги. Несмотря на то, что со времени появления «Демократии в Америке» прошло больше ста лет и в жизни США произошли большие изменения, однако, по мнению Ф.Брэдли — автора весьма пространный предисловия, книга Токвиля и по сей день «может служить как для оценки настоящего, так и для руководства на будущее» Ф.Брэдли использует книгу Токвиля прежде всего как предлог для рассуждений о настоящем и будущем американской «демократии».

Касаясь настоящего, Ф.Брэдли указывает, что многие замечания Токвиля настолько злободневны, «точно они писались в настоящее время». Расовая дискриминация и продажность американских чиновников — вот, по мнению Ф.Брэдли, те прогнозы Токвиля, которые оправдались во всей последующей истории США. Но вместе с тем Токвиль весьма во многом ошибся. Такой ошибкой, пишет Ф.Брэдли, являются в первую очередь опасения Токвиля относительно установления в США втирании большинства». Теперь в США, признается автор предисловия, наоборот, установилось «организованное и концентрированное давление меньшинства, преследующего свои специфические интересы»,¹⁵¹ и поэтому при современных американских порядках следует больше всего бояться тирании всемогущего меньшинства, которое в своих узких целях использует законодательные учреждения.¹⁵²

Это усиление власти меньшинства выразилось, в частности, в усилении исполнительной власти за счет власти законодательной. Исполнительная власть в США «присвоила себе право говорить от имени общества и государства».¹⁵³ Подобное положение, по мнению Ф.Брэдли, можно выразить весьма коротко — «диктатура исполнительной власти». Это привело к тому, что «авторитет закона, уважение к нему сильно упали в течение столетия», в то время как сила чиновничьего аппарата чрезвычайно возросла. В связи с этим устарело также утверждение Токвиля об административной децентрализации в США. Вся последующая история Соединенных Штатов была историей неуклонного усиления централизации, причем этот процесс, пишет

Ф.Брэдли, шел не под влиянием большинства, а наоборот, под прямым нажимом «всемогущего меньшинства». О влиянии народа на централизованную бюрократию теперь не может быть и речи.¹⁵⁶

Ф.Брэдли весьма подробно анализирует также судьбу выводов Токвиля о равенстве, именно эти рассуждения Токвиля явились поводом для прогнозов самого Ф.Брэдли относительно ближайшего будущего США. В «равенстве» Токвиль видел «основу стабильности и прогресса общества», и гарантию от революции. Теперь, указывает Ф.Брэдли, ни о каком равенстве не может быть и речи; противоречия между бедностью и богатством обострились в США в не меньшей мере, чем в Европе; «аристократия фабрикантов» довела эти противоречия до последнего предела, а это значит, что исчезла прежняя стабильность капитализма, и Соединенным Штатам угрожает теперь роковая опасность революции. Дальновидные политики США пытались демократическими мерами ослабить противоречия между высшими и низшими классами. Политика президента Ф.Рузвельта была направлена на разрешение этих противоречий,¹⁵⁷ однако угроза революции от этого не исчезла, она и поныне остается самой острой проблемой для США.

Такая перспектива больше всего пугает Ф.Брэдли. Оказывается, все его рассуждения о недугах американской «демократии» потребовались только для того, чтобы призвать к их исцелению. Задача американцев, по мнению Ф.Брэдли, состоит в том, чтобы «учиться демократии и улучшать ее».¹⁵⁸ И у Ф.Брэдли есть для этого средство: истинной основой стабильности демократии для него является религия. Иначе говоря, под флагом «критики» американской «демократии» перед нами выступает ее оголтелый защитник. Вот почему его призывы к «совершенствованию» американских общественных порядков сопровождаются еще более настойчивыми призывами к борьбе против всех прогрессивных сил, к борьбе против «тоталитарного» материализма. Нетрудно видеть, что под этими силами Ф.Брэдли понимает американский народ, американский рабочий класс, американскую коммунистическую партию, которые борются за подлинную демократию в Соединенных Штатах и которых Ф.Брэдли по этой причине считает главными врагами «демократии» империалистических монополий США. Нетрудно видеть также, что Ф.Брэдли призывает к борьбе против Советского Союза, возглавляющего борьбу за мир и демократию.

Так книга Токвиля, написанная более ста лет назад, продолжает до сих пор служить буржуазии и ее лакеям практическим руководством в борьбе с подлинной народной демократией.

1 Н.Кареев. Французские историки второй половины XIX в. и начала XX в., Л., 1924 (см. в нашей библиотеке http://vive-liberta.narod.ru/biblio/kareev_hist.htm), Э.Фагэ. Политические мыслители и моралисты XIX века, серия 3, М., 1900; Е.Эйхталь. Алексис Токвиль и либеральная демократия, СПб, 1902; H.Jacques. Alexis de Tocqueville, W. 1876, Chambrun Nos historiens: Guizot, Tocqueville, Tiers, Paris, 1888; Michp'l L'idee de l'Etat, Paris, 1895; Adams Jarenet Sparks and Alexis de Tocqueville, Baltimora, 1904; H.Goring, Tocqueville und die sinokratie, Berlin, 1928; Sainte-Beuve. Thomas Jefferson et Tocqueville, Princeton, 1943.

2 «Архив К.Маркса и Ф.Энгельса», т.III (VIII), стр.395.

3 Там же, стр.357.

4 Там же, стр.399.

5 А.Токвиль. Воспоминания, М., 1893, стр.73.

6 «Архив К.Маркса и Ф.Энгельса», т.III (VIII), стр.359.

7 Там же.

8 А.Токвиль. Воспоминания, стр.107.

9 Две первые части этой книги вышли в 1835 г., 3-я часть — в 1840 г.

10 А.Токвиль. Демократия в Америке, 1879, стр.450.

11 Там же, стр.451.

12 Там же, стр.472.

13 Там же, стр.404.

14 Там же, стр.179.

15 А.Токвиль. Демократия в Америке, 1879, стр.179.

16 Там же, стр.383.

17 Там же, стр.516.

18 Там же, стр.517.

19 Там же, стр.204.

20 Там же, стр.187.

21 А.Токвиль. Демократия в Америке, стр.155.

22 Там же, стр.260.

23 Там же, стр.268.

- 24 Там же, стр.298.
20 Там же, стр.227, примечание.
25 А.Токвиль. Демократия в Америке, стр.53.
26 Там же, стр.121.
27 Там же, стр.121.
28 Там же.
29 Там же, стр.51.
31 А.Токвиль. Демократия в Америке, стр.52.
32 Там же, стр.130.
33 Там же, стр.127.
34 Там же, стр.72.
35 Там же, стр.160.
36 Там же, стр.161.
36 А.Токвиль. Демократия в Америке, стр.108.
37 Там же, стр.103.
38 Там же.
39 Там же, стр.220.
40 Там же, стр.215.
41 Там же, стр.217.
42 Там же, стр.219.
43 А.Токвиль. Демократия в Америке, стр.220.
44 Там же, стр.241.
45 Там же, стр.194.
46 Там же, стр.64.
47 Н.Г.Чернышевский. Соч., т.VIII, 1906, стр. 197.
48 Н.Г.Чернышевский писал о Токвиле: «Вообще, где касается дела централизации, он всегда рассуждает в следующем роде: лошадь имеет склонность ходить на двух ногах; пернатое животное, которое несет такие вкусные яйца и высиживает из них цыплят, ходит на двух ногах; следовательно, лошадь имеет сильную склонность стать курицей. И силлогизм хорош, да и факт подмечен очень верно и тонко» (Соч., т.VIII, стр.190).
49 Н.Г.Чернышевский. Соч., т.VIII, стр.197—198.
60 А.Токвиль. Демократия в Америке, стр.98.
51 Там же, стр.185.
52 Там же.
53 Там же, стр.528.
54 Там же.
55 А.Токвиль. Демократия в Америке, стр.530.
56 Там же, стр.531.
57 Там же, стр.244—245.

О Токвиле и его трудах: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#altqv>. См. также статьи в сб. «Эпоха Великой французской революции: проблемы истории и историографии. Межвуз.сб. науч. тр. Чебоксары, 1989» (<http://vive-liberta.narod.ru/journal/vfr-88.pdf>).

Дополнительные материалы: Л.Эритель, «История французской революции 1848 г. и Второй республики», выпуск 1, 1814-1848 гг. (http://vive-liberta.narod.ru/biblio/1848_lheritier-1.pdf, http://vive-liberta.narod.ru/biblio/1848_lheritier-2.pdf, http://vive-liberta.narod.ru/biblio/1848_lheritier-3.pdf, http://vive-liberta.narod.ru/biblio/1848_lheritier-4.pdf)

М. А. АЛПАТОВ
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИДЕИ ФРАНЦУЗСКОЙ
БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ XIX ВЕКА

М.-Л.: ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР. 1949

Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

ЧАСТЬ 2. ГЕРМАНО-РОМАНСКАЯ ПРОБЛЕМА
НА СЛУЖБЕ ФРАНЦУЗСКОЙ БУРЖУАЗНОЙ РЕАКЦИИ
ДВА ПОКОЛЕНИЯ ФРАНЦУЗСКИХ БУРЖУАЗНЫХ ИСТОРИКОВ XIX века

Своеобразие первой половины XIX в. состояло в том, что вплоть до революции 1830 г. на авансцене истории еще продолжала стоять борьба между буржуазией и дворянством, но затем на первый план выступила борьба буржуазии и пролетариата. Этот поворот был окончательно закреплен революцией 1848 г. Вторая же половина века характеризуется тем, что в это время основной линией политического развития Франции была борьба между буржуазией и пролетариатом.

В этой обстановке господствующая политическая тенденция правящей буржуазии заключалась в непрерывном усилении реакции. Ответом буржуазной реакции на революцию 1848 г. было установление диктатуры Наполеона III. Однако это не сломало рабочий класс; его крупнейшим революционным выступлением во второй половине XIX в. была Парижская Коммуна. Рабочий класс Франции ликвидировал Вторую империю, а в годы, следующие за Коммуной, он сумел заставить буржуазию окончательно признать республику, в которой, однако, буржуазии удалось сохранить значительные реакционные черты, закрепленные в конституции 1875 г.

Борьба между буржуазией и пролетариатом естественно являлась тем узловым моментом, вокруг которого разворачивалась и борьба идей. Важнейшим явлением не только во Франции, но и во всем мире была победа марксизма, ставшего во второй половине XIX в. господствующей идеологией пролетариата. Без учета этого явления нельзя правильно оценить борьбу идеологических течений вообще и в историографии в особенности. Борьба рабочего класса и влияние его идеологии были теми решающими факторами, с которыми теперь не могли не считаться представители любого течения буржуазной мысли, они вынуждены были так или иначе определять свое отношение к политической борьбе рабочего класса и к выводам марксизма, а это не могло не наложить своего отпечатка на все их идеологические конструкции, в частности, в области истории.

Именно под влиянием борьбы рабочего класса росла политическая активность мелкобуржуазных масс, чрезвычайно многочисленных во Франции; это в особенности сказалось в дни Коммуны, когда рабочему классу удалось повести за собой значительные слои мелкой буржуазии; борьба рабочего класса освободила французское крестьянство от бонапартистских иллюзий и подорвала монополию буржуазии на политическое руководство крестьянством. Не случайно, что во французской историографии второй половины XIX в. значительно усиливается радикально-буржуазная струя.

В эту пору еще жив был Мишле. Его радикализм, принесенный им из первой половины века, не только не угас, но продолжал расти; чем дальше, тем больше «усиливалось его враждебное отношение к католической религии и монархии».¹ Мишле фактически отказался от изучения средних веков и не уставал слать им свои проклятия.² Его труды сыграли крупную роль в подъеме демократического движения в годы политического безвременья Второй империи. Один из биографов Мишле, Габриэль Моно, писал об этих годах: «Молодость, энтузиазм, наполнявшие сердца до революции 1830 года и после нее, казались в то время угасшими навсегда. Художники и писатели, бывшие славой первой половины столетия, состарились и поникли... Само слово родина, казалось, не имело больше смысла... В это время произведения Мишле были для многих утешением и поддержкой. Они учили любить Францию, ее историю, ее народ».³ Мишле был в числе немногих, кто не поддавался шовинистическому угару во время франко-прусской войны и клеймил ее как военную авантюру Наполеона III. Мишле также не принимал участия в разгроме Парижской Коммуны и в травле коммунаров.

Наполеоновский режим с самого начала подверг Мишле свирепым преследованиям: уже в 1851 г. он был лишен кафедры во Французском коллеже, а вскоре Мишле был закрыт доступ во все государственные учреждения. Но это только усиливало популярность Мишле. Он был кумиром широких кругов французской общественности, а его похороны (1874 г.) превратились в грандиозную республиканскую демонстрацию.

Борьба рабочего класса и прежде всего Парижская Коммуна определили также и основные политические идеи представителей идеологии господствующей буржуазии. Мы видели, как уже в первой половине века эти идеи у О.Тьерри и Гизо под влиянием политической обстановки приобретали все более реакционный характер. Еще более значительный поворот в сторону реакции происходит в буржуазной историографии во второй половине века. Некоторые крупные историки эпохи реставрации дожили до этого времени. Жив был Гизо, однако уже со времени революции 1848 г. он отошел от политической деятельности и, кроме последних томов «Истории английской революции», писал лишь «Мемуары» да читал историю для своих внуков. Гораздо более продолжительной была политическая деятельность Тьера; этот представитель буржуазного либерализма времен реставрации вошел в историю как «кровавый Тьер», главный палач Парижской Коммуны. Но если Тьер и пытался делать французскую историю, то начиная с 1863 г. он уже о ней ничего не писал.

Таким образом, не это старое поколение историков теперь определяло лицо французской буржуазной историографии. И само старое поколение уже сходило со сцены.⁴ Больше того, господствующая тенденция нового поколения буржуазных историков состояла как раз в борьбе против «доктрины старой школы», иначе говоря, — в преодолении остатков либерализма историков периода реставрации. Концепции старого поколения французских историков создавались в эпоху еще продолжавшейся борьбы с дворянством, и поэтому они в своей первоначальной основе были направлены против старого политического противника. Правда, это антидворянское острие, как мы видели, потом исчезло, однако само старое поколение вошло в буржуазную

историографию как поколение борцов третьего сословия, носителей идей революции. Не случайно К.Маркс называл О.Тьерри «отцом» классовой борьбы.⁵

Для нового поколения историков третье сословие являлось простым анахронизмом, а идеи революции были не только не нужны, но представляли прямую помеху в борьбе с революцией рабочего класса. Поэтому, особенно после Парижской Коммуны, начинается настоящий поход не только против самих идей историков старого поколения, но и против романтической формы этих идей. Теперь буржуазные историки выступали в иных политических условиях, поэтому они вложили и новое политическое содержание в свои концепции; этим содержанием была борьба против рабочего класса, против социализма; новое поколение выступало на новом этапе развития науки, поэтому оно облекло свои идеи и в иную форму; этой формой был позитивизм.

Среди выразителей этого нового этапа в развитии буржуазной идеологии выделяются три основные фигуры: Ипполит Тэн, Эрнест Ренан и Фюстель де Куланж.

Поворотным моментом в формировании идеологии И.Тэна была Парижская Коммуна. До тех пор подчеркивавший свою нелюбовь к политике, И.Тэн после Коммуны становится завзятым политиком. Кроме того, если И.Тэн до сего времени был историком литературы, то Коммуна сделала его историком. Именно под ее впечатлением он пишет свой главный исторический труд «Происхождение современной Франции», который должен был ответить на вопрос, почему Франция пришла к Парижской Коммуне.

«Происхождение современной Франции», по отзывам современников, — это труд «хулы и гнева» против революции 1789 г.,⁶ «наиболее поразительная прокурорская речь в книге истории, которую только знает наша литература».⁷ Оценивая привилегированное положение духовенства и дворянства в истории Франции, И.Тэн писал: «Если они в продолжение долгого времени занимали это место, то значит, что они давно его заслужили» Именно дворянство и духовенство, по мнению И.Тэна, создали социальные и политические устои Франции. Революция была не чем иным, как разрушением этих главных устоев, а их разрушителями были якобинцы. Еще в 50-х годах защищавший якобинцев против Карлейля, И.Тэн теперь решительно обрушивается против якобинцев. Свой позитивизм, который он до того применял к истории литературы и который для него состоял в том, чтобы «итти от астрономии к геологии, от геологии к наукам физическим и естественным, а от последних к изучению человека»,⁹ теперь И.Тэн использовал для того, чтобы доказывать, что революция была лишь массовым и буйным проявлением первобытных инстинктов человека-зверя и прежде всего инстинктов «якобинской черни».¹⁰ Для И.Тэна якобинцы — это «пять тысяч зверей или негодяев и две тысячи падших женщин»,¹¹ а период якобинской диктатуры — время, когда «беспрерывно, без торопливости и замешательства, с помощью деловых бумаг и списков, производилась резня, точно операция на живодерне, так же безнаказанно и методично, как производят уборку улиц или отравление бродячих собак».¹² Это было не отречение от революции, как то мы видели, скажем, у Гизо, это была безоговорочная и беспощадная война с величайшим кумиром прошлых поколений французов — революцией 1789 г. «Тэн немногого стоит»,¹³ — отозвался Ф.Энгельс об авторе «Происхождения современной Франции».

Что касается политических взглядов Э.Ренана, то они, как и у И.Тэна, окончательно сложились под впечатлением Парижской Коммуны. Из человека, не чуждого либерализму, испытавшего влияние Мишле, а затем О.Тьерри, Э.Ренан превращается в законченного реакционера. Свои реакционные воззрения Ренан изложил в «Reforme intellectuelle et morale» — работе, вышедшей в 1871 г., и в «Dialogues philosophiques», написанных в дни Коммуны. Дикая и обнаженная злоба к народу, к «черни» — вот что объединяет эти работы. «Демократия оскорбляла все его научные, религиозные и философские идеи, все его общие идеи; она оскорбляла также отчасти вполне законное в нем самоуважение... он знал, что аристократу следует держаться по-аристократически».¹⁴

Э.Ренан подвизался как историк религии. Своими трудами «История происхождения христианства», «Жизнь Иисуса» и другими он прочно вошел в буржуазную историографию как великий скептик и рационалист. Но нужно сказать, что этот буржуазный канон не имеет ничего общего с действительностью. Э.Ренан — не кто иной, как один из представителей буржуазной идеологической реакции во Франции второй половины XIX в. «Происхождение современной Франции» И.Тэна было походом против самой революции 1789 г., труды Э.Ренана были реакцией против ее идейного наследия. Э.Ренан материализму и рационализму Просвещения противопоставил идеализм и религию, придав им рационалистическую форму. Э.Ренан — это потомок энциклопедистов, восставший против своих отцов, пытавшийся при помощи рационализма приспособить религию для политического служения буржуазии.

Э.Ренан заявлял о себе, что он послан в мир «по личному приказу провидения».¹⁵ Основную свою задачу Э.Ренан видел в служении религиозной идее; в предисловии к «Истории израильского народа» он писал: «Меня поддерживает убеждение, что мой труд послужит религиозному прогрессу».¹⁶ К этой своей задаче Э.Ренан подходит прежде всего как политик. Этот рафинированный эстет не стеснялся говорить с циничной откровенностью: «Если бы наши современные радикальные партии были не так несведущи в религиозной истории, они легко бы

поняли, что от религии, как и от женщины, при надлежащем умении, легко добиться всего, чего угодно, и невозможно ничего сделать, объявив им войну насмерть».¹⁷ Основной политической задачей своих трудов Э.Ренан совершенно сознательно считал борьбу с социализмом и со всякой прогрессивной мыслью вообще. «Отныне править миром либерализм будет не один Англия и Америка еще надолго сохранят следы влияния Библии, и даже у нас социалисты, чуждые учению еврейских пророков, должны будут считаться с их влиянием при проведении в жизнь своей рационалистической политики».¹⁸ Именно в этом политическом служении реакции, а не в кокетничаньи с рационализмом и вольнодумством заключается основной политический смысл трудов Э.Ренана.

Такова идейная атмосфера, сложившаяся во французской буржуазной историографии второй половины XIX в. Характерной тенденцией в идеологии правящей буржуазии теперь была, как уже сказано, реакция против своих же собственных идей первой половины века, борьба против революции 1789 г. и ее идейного наследства. Но для буржуазии эта задача не являлась главной; основным врагом буржуазии во второй половине века, и особенно после Парижской Коммуны, был рабочий класс, поэтому решающая идейно-политическая задача буржуазии состояла в борьбе с пролетарской революцией. Поход против революции 1789 г. был важен именно потому, что он служил этой главной задаче; революционные традиции 1789 г., которые в прошлом являлись для буржуазии опорой в борьбе за власть, теперь превратились в прямое препятствие в борьбе с революцией рабочего класса.

Подобная политическая обстановка определила и роль либерального направления во французской историографии второй половины XIX в. Во Франции этого времени выступила довольно многочисленная либеральная школа историков: Г.Моно, Е.Глассон, П.Виолле, А.Жюбанвилль и др. С реакционной историографией эта школа расходилась по ряду вопросов; они спорили против изначальности господства крупной собственности, против извечного всемогущества государства, рассматривая историю Франции, как историю постепенного формирования «свободных» учреждений; они решительно возражали против третирования революции 1789 г. и приняли деятельное участие в праздновании ее столетнего юбилея; они боролись против недобросовестных методов научного исследования историков-реакционеров и т.д.; при этом они охотно подчеркивали, что их предтечей был Жюль Мишле. Однако на деле с Мишле у них не было ничего общего. Мишле представлял собой радикальную оппозицию против историографии крупной буржуазии, тогда как либеральная школа была не оппозицией, а составной, хотя и более прогрессивной частью историографии, созданной правящей буржуазией.

Дело в том, что с выступлением рабочего класса на политическую арену и с появлением марксизма политическая роль буржуазного либерализма коренным образом менялась. Если в свое время либерализм О.Тьерри, Гизо и их соратников был явлением прогрессивным, ибо либералы начала XIX в. боролись за буржуазный порядок против порядка феодального, то теперь буржуазный либерализм и в политике и в науке составлял единый фронт с буржуазной реакцией; историк-либерал отличался от историка-реакционера тем же, чем отличался либерал от реакционера в политике; пути разрешения отдельных вопросов у них могли быть разными, но эти пути вели к единой цели — к борьбе против социалистической теории в науке и к борьбе с революцией пролетариата. Эта общая классовая позиция и делает их фракциями одного и того же лагеря, несмотря на отдельные споры между ними (подчас чрезвычайно острые), что мы покажем ниже.

Среди исторических проблем, которые в это время использовались буржуазией как политическое оружие в борьбе с пролетариатом, снова выступает интересующая нас германороманская проблема. Возродить эту проблему в новых условиях, наполнить ее новым политическим содержанием, применить в ее разрешении новые научные методы и превратить ее из средства борьбы против дворянства в оружие борьбы с революцией пролетариата — было главным делом всей жизни одного из крупнейших представителей буржуазной исторической науки этого периода — Фюстель де Куланжа.

1 П.Гиро. Фюстель де Куланж, М., 1898, стр.134. См. также Э.Фаге. Мишле (в книге «Политические мыслители и моралисты XIX в.»).

2 В 1853 г. он продолжает «Историю революции», доведя ее изложение до 9 термидора; наступление термидорианской реакции для Мишле означало конец революции. В 1855 г. он пишет продолжение «Истории Франции» начиная с эпохи Возрождения. Его труд — это «дикая атака против средних веков»; Мишле, «который раньше без конца восторгался, отныне более охотно скрипел зубами» (С.С.Jullian. *Extraits des historiens francais du XIX siecle*, Paris, 1913, стр. XXXII). Франко-прусская война и Парижская Коммуна повернули интересы Мишле к вопросам современности. Он начинает писать свою «Историю XIX века».

3 С.В.Л-ва. Жюль Мишле, «Русская мысль», кн.III, 1895, стр.88.

4 К концу 70-х годов из представителей этого поколения почти никого уже не было в живых. Последними сошли в могилу Анри Мартен (1883) и самый старший из них по возрасту — Минье (1884).

М. А. АЛПАТОВ

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИДЕИ ФРАНЦУЗСКОЙ
БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ XIX ВЕКА**

М.-Л.: ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР. 1949

Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

5 См. К.Маркс и Ф.Энгельс, Соч, т.XXII, стр.48.

6 С.Jullian. Extraits des historiens francais dii XIX-e siecle. P., 1913 г. стр.СXV.

7 Там же, стр.СXVII.

8 И.Тэн. Происхождение современной Франции, т.I, 1907, стр.9.

9 Э.Фаге. Политические мыслители и моралисты XIX в., серия III.

10 По словам самого Тэна, позитивизм являлся для него весьма удобным средством для развенчания революции; «когда мне удалось с этой точки зрения оценить, к моему удовольствию, сумасшедшее дело якобинцев, моя книга была готова», — писал он Александру Дюма (L.Halphen. L'histoire en France depuis cent ans. P., 1914, стр.101).

11 И.Тэн. Происхождение современной Франции, т.III, 1907, стр.196.

12 Там же, стр.133.

13 К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.XXVIII, стр.68.

14 Э.Фаге. Политические мыслители и моралисты XIX а., серия III, стр.375.

15 Э.Фаге. Политические мыслители и моралисты XIX в., серия III. стр.331.

16 Э.Ренан. История израильского народа, т.I, 1907, стр.27.

17 Там же, стр.26.

18 Там же, стр.14.

О **Ж.Мишле**: Б.Реизов, глава из книги «Французская романтическая историография» (http://vive-liberta.narod.ru/biblio/reisov_mich.pdf); В.Герье, «Народник во французской историографии» (http://vive-liberta.narod.ru/biblio/gerie_mich.pdf); Н.Кареев, «История Великой французской революции», т.1 (http://vive-liberta.narod.ru/biblio/kareev_hist.htm); гиперссылки на др.материалы: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#mchl>.

Об **И.Тэне**: Н.Кареев, «История Великой французской революции», т.1 (http://vive-liberta.narod.ru/biblio/kareev_hist.htm); гиперссылки на др.материалы: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#it>.